Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

9 55/508

801-18/2752

СОВЕТСКИЙ КРЫМ

Историко-краеведческий и литературно-художественный сборник

№ 4

КРЫМИЗДАТ
1946

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *П. А. Чурсин* (ответственный редактор),
Р. М. Вуль (ответственный секретарь),
В. С. Вихров, П. Н. Надинский,
Н. А. Троицкий.

Всесоюзная
XLVII-1686

Адрес редакции: Симферополь, ул. Карла Маркса, 6.

2017087648

Исторический отдел

Р. Вуль

Герои обороны Севастополя

В Отечественной войне Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков, особенно в начальный период, немного событий, которые оставили бы такой след в ее истории, как оборона Севастополя. 250 дней обороны сыграли выдающуюся роль в ходе Отечественной войны. Защитники города своим упорным сопротивлением немецко-фашистской армии способствовали приближению решительного перелома Отечественной войны в пользу народов Советского Союза, в пользу свободолюбивых народов. Тем самым героическая оборона Севастополя приобрела всемирно-историческое значение.

В стойкости и мужестве советских воинов, оборонявших Севастополь в 1941—42 гг., были не только повторены боевые традиции русских солдат и матросов, защищавших город в Крымскую войну 1854—55 гг. В тысячах примеров современной битвы, которая была несравненно больше по масштабам эти славные традиции были приумножены и возвеличены. Иначе и быть не могло. Советский Севастополь отстаивали свободные люди, горячо преданные своей любимой социалистической Родине. Советский патриотизм — вот источник стойкости и доблести участников обороны Севастополя 1941—42 гг. Движимые этим благородным чувством, они своим героизмом и мужеством подняли еще выше священные знамена русской воинской славы.

На каждом этапе грандиозного сражения за Севастополь массы выделяли новых героев. Герои в свою очередь цементировали ряды защитников Севастополя, звали их к новым и новым подвигам. Тысячи участников обороны отмечены высокими наградами. Тридцать семь из них удостоены самого высокого звания в нашей стране — звания Героя Советского Союза.

Двадцать шесть Героев Советского Союза принадлежат к славной семье черноморцев. Одиннадцать вышли из боевых рядов Приморской армии.

Их подвиги есть одна из самых красочных страниц истории героической обороны Севастополя.

* * *

В обороне Севастополя день 7 ноября 1941 года является одним из наиболее памятных. Это был критический день первого сражения на подступах к городу.

Фашисты надеялись захватить Севастополь «с хода». Но авантюристические планы фашистов оказались развеянными в прах. Дорогу им преградили артиллеристы береговых батарей, батальоны и отряды, спешно созданные из курсантов учебных отрядов флота и народных ополченцев, коммунистов и комсомольцев, и летчики севастопольских эскадрилий. Эти первые герои обороны создали непреодолимую стену на пути захватчиков.

5 ноября утром немцы заняли высоту 103,4, контролировавшую поворот шоссе на Севастополь у Дуванкоя. Ночью 18-й батальон морской пехоты из краснофлотцев электромеханической школы стремительной атакой выбил их с этой высоты. 6 ноября фашисты несколько раз пытались вновь занять ее, но безуспешно. Не помогла также неуклюжая хитрость, которую они применили, пустив однажды впереди себя стадо овец.

Вечером 6-го ноября на заседании Московского Совета выступал товарищ Сталин. Товарища Сталина слушала вся страна. Он говорил об успехе обороны под Москвой и Ленинградом, где нашими войсками к тому времени уже было истреблено до трех десятков кадровых дивизий немцев. Сталин говорил о том, что «...в огне отечественной войны куются и уже выковались новые советские бойцы и командиры, летчики, артиллеристы, минометчики, танкисты, пехотинцы, моряки, которые завтра превратятся в грозу для немецкой армии».

Эти слова, вселявшие бодрость в сердца советских людей, политработники быстро разнесли по всем частям и подразделениям. Моряки на высоте 103,4 поклялись защищать свой рубеж до последней капли крови.

7 ноября в Севастополе было получено указание товарища Сталина город не сдавать ни в коем случае.

В этот день немцы вновь повели наступление на высоту 103,4. На этот раз они решили применить все средства, чтобы

сломить неприступную высоту. В воздухе появились «Юнкерсы». Они сбросили на позиции моряков несколько десятков бомб. Затем показалось семь танков и прятавшаяся за ними немецкая пехота. Для отражения танковой атаки комиссар батальона моряков отобрал пятерку добровольцев во главе с политруком Н. Фильченковым. Действовали моряки только пулеметами, гранатами, бутылками с зажигательной смесью. Тем не менее им удалось сразу подбить три танка и прекратить продвижение немецкой пехоты.

Но скоро немцы вновь пошли в атаку. На этот раз к высоте двинулись 15 танков. Моряки поклялись друг другу стоять насмерть. И клятву свою они сдержали. Когда кончились патроны и осталось по несколько гранат, они обвязались ими и бросились под танки. Ошеломленный враг повернул вспять. На поле боя горело еще семь танков.

Многих солдат фашистской армии, бывших свидетелями самоотверженного подвига русских моряков, потрясла готовность советских людей отдать жизнь за любимую Родину. Один из них, фельдфебель, возвратившись с севастопольского фронта на квартиру в Симферополь, испуганно твердил:

— Россия—страшная страна, и живут в ней страшные люди. Так фашисты познавали, как встречает врагов советский народ.

Долгое время не знали имен героев. Легенда об их бессмертном подвиге долго передавалась из уст в уста, вдохновляла защитников Севастополя на стойкость и отвагу.

Лишь через полгода узнали, кто кровью своей отстоял высоту. Политруку Н. Фильченкову, краснофлотцам И. Красносельскому, Ю. Паршину, Д. Одинцову, В. Цыбулько посмертно присвоено звание Героев Советского Союза. Место боя советских матросов с немецкими танками отмечено величественным памятником.

Благодаря беззаветной храбрости таких защитников города, как пятерка черноморцев, критический момент был выигран нашими войсками.

* * *

Имена двух снайперов произносились в Севастополе рядом: Ноя Адамия и Людмилы Павличенко. Они олицетворяли собой боевое содружество армии, в которой служила Павличенко, и флота, к которому принадлежал Адамия.

Когда начались бои на подступах к Севастополю, Павличенко имела уже солидный стаж снайпера. Под Одессой она успела уложить более полтораста фашистов. Впервые вышедший на снайперскую позицию Ной Адамия в снайперской сноровке не отставал от нее. Боевая жизнь 7-й брига-

ды морской пехоты, в которой находился Адамия, давала ему в этом каждодневную практику.

Наступили дни некоторого затишья на Севастопольском фронте. Фашисты задумали прощупать наши позиции. На одном участке они начали наступление тремя цепями.

Подпустив фашистов поближе, наши бойцы встретили их свинцовым градом.Особенно отличился в этом бою Адамия, пулеметчик, старший сержант. Он в упор расстреливал наседавших фашистов. Его сектор обстрела был завален трупами немецких солдат и офицеров.

Во время третьего штурма Севастополя в июне 1942 года Адамия за 6 дней уничтожил более 200 врагов, а из противотанкового ружья подбил два немецких танка.

Несколько иначе, но с такой же смелостью и настойчивостью истребляла фашистов Людмила Павличенко. С изумительным хладнокровием и терпением она выжидала момента спустить курок своей снайперской винтовки. Один за другим находили фашисты смерть от ее выстрелов. По нормативам считалось, что из снайперской винтовки можно стрелять наверняка на расстоянии в 800 метров. С 1200—1300 метров Павличенко убила немецкого офицера и наблюдателя. Людмила Павличенко истребила более трехсот вражеских солдат и офицеров.

* * *

Легендарной храбрости разведчик, сказочной меткости снайпер-пулеметчик—такая была слава Ивана Богатыря.

До Отечественной войны он служил в пограничных войсках. Граница научила Богатыря бесстрашию, сообразительности, ловкости.

Однажды Богатырь получил задание пробраться в штаб вражеской дивизии, добыть «языка» и захватить документы. Группа из 25 разведчиков пробралась к хутору, где расположился штаб, и окружила его. В помещение штаба отправился Богатырь и его друг Долгов, знавший чужой язык.

В дежурной комнате штаба за столом сидел фашистский майор. Другой офицер лежал на койке. Открылась дверь, и в комнату спокойно и непринужденно вошли два молодцеватых офицера — один высокий, широкогрудый, другой пониже, черненький.

— Господин майор, — обратился к фашисту Долгов,— разрешите доложить: мы прибыли за сведениями.

— Какими сведениями? — удивленно спросил майор.

— За теми, какие нам необходимы.

— Вы путаете что-то,—сказал майор, вставая из-за стола.

Пока шел разговор, черненький офицер — это был Иван Богатырь—быстрым взглядом окинул комнату и оценил обстановку. Можно было действовать.

Отважные разведчики бросились на фашистов. Не успели офицеры сообразить в чем дело, как на руках у них щелкнули стальные браслеты, а во рту появились надежные кляпы. Богатырь и Долгов захватили офицеров, папки с документами, личный портфель командира дивизии и благополучно присоединились к своим.

Многими боевыми делами был знаменит Богатырь, но особенно он прославился при защите одной важной севастопольской высоты. Бойцы, отстаивавшие высоту, погибли. Оставшись один, Богатырь вел бой с батальоном фашистов. Он был дважды ранен, но сохранил еще силы, чтобы схватиться в рукопашную с фашистом. Его нашли лежащим без сознания на трупе немецкого офицера, которого Богатырь заколол кинжалом.

За первый год войны пулеметный расчет Богатыря истребил до тысячи гитлеровцев. Со своей группой разведчиков он захватил в разное время более сотни «языков». Он обучил снайперскому искусству 130 бойцов и сам из снайперской винтовки убил 75 немцев.

* * *

Группа пехотных командиров и политработников — Аркадий Гегешидзе, Николай Спирин, Георгий Главацкий и Михаил Гахокидзе своим мужеством и отвагой высоко подняли славу Севастополя.

В десятках боев участвовал батальон прославленной морской пехоты, которым командовал капитан Гегешидзе. Его перебрасывали на самые опасные участки. В первом сражении за Севастополь, в ноябре 1941 года, батальон вначале прикрывал хутор Мекензия, затем сражался на Итальянском кладбище. В третьем июньском сражении на подступах к городу батальон дрался в районе Северной стороны. Пять дней бессменно он занимал участок целого полка. Капитан был много раз ранен, попадал и выходил из окружения, с поля боя его унесли без сознания, от всего батальона осталась лишь одна горстка, но позиции своей она не оставила без приказа. Прославленный командир воспитал сотни героев-моряков.

Во время третьего сражения немцы, пользуясь количественным превосходством, по несколько раз в день повторяли психические атаки. Они рассчитывали подавить моральный

дух советских воинов. Несколько таких атак отразил со своим подразделением старший лейтенант Николай Спирин. К концу боя перед фронтом его подразделения валялось свыше 700 трупов фашистских солдат.

А бойцы батальона, где политруком был Георгий Главацкий, только в одном бою истребили свыше 1100 фашистов. Георгий Главацкий был несколько раз ранен, но и будучи ранен продолжал отстреливаться.

На одном участке фашисты, перескакивая через трупы своих солдат, ворвались в наши окопы. Казалось, что звериный порыв врага окончательно подавит сопротивление небольшой группы советских воинов, несколько дней подряд отражавших здесь его яростные атаки.

— Бей фашистских гадов!—крикнул младший политрук Михаил Гахокидзе и бросился на фашистов, увлекая за собой остальных бойцов.

Били немцев прикладами, кололи штыками. В этой короткой, но стремительной рукопашной схватке небольшая группа наших бойцов не оставила в живых ни одного фашиста. Более ста вражеских трупов осталось на месте боя. Окопы были очищены от немцев. Немцы еще трижды в этот день бросались здесь в атаку, но каждый раз откатывались назад. Во время третьей атаки, бросившись на выручку одного своего взвода, Михаил Гахокидзе с четырьмя бойцами уничтожил несколько десятков фашистов.

* * *

На берегу Стрелецкой бухты насыпан могильный холм, увенчанный памятником. Это могила Героя Советского Союза старшего краснофлотца Ивана Голубец.

25 марта 1942 года немцы обстреляли из дальнобойных орудий стоянку катеров в бухте. Снаряд попал в сторожевой катер, на котором Голубец служил рулевым. Пламя каждую минуту могло перебраться к боезапасу, который был погружен на катер. Вместе с этим катером могли взорваться и другие корабли.

Находившийся на берегу Иван Голубец по пылавшим сходням прорвался на горевшую палубу. Прежде всего он стал сбрасывать глубинные бомбы, имевшие огромный заряд взрывчатого вещества. Они весили десятки килограммов каждая. Бомбосбрасыватель не работал. Напрягая силы, Голубец сбросил одну, другую, третью, четвертую.

Огонь достиг порохового погреба. Но бесстрашный моряк продолжал работать. Все большие бомбы оказались за бортом.

Остались малые. Первую пару их Голубец успел сбросить благополучно. В то время, когда он переносил вторую пару, раздался взрыв...

Герой погиб, но ценой своей жизни спас людей и корабли, находившиеся поблизости.

* * *

Во время обороны бессмертной славой покрыли себя и свой город черноморские летчики. Командовал ими один из талантливейших и храбрейших летчиков Красной Армии генерал-майор авиации Николай Александрович Остряков. За отличную организацию боевых действий авиации флота в Севастополе и личное мужество Н. Острякову присвоено звание Героя Советского Союза. За 250 дней боев под Севастополем летчики-черноморцы уничтожили более 20 тысяч солдат и офицеров врага, около 450 самолетов, более сотни танков, несколько сот орудий, минометов, пулеметов. Дерзость и отвага, презрение к смерти и искусство боя сталинских соколов-черноморцев наводили панику на фашистских стервятников.

Условия деятельности летчиков, защитников Севастополя, были крайне тяжелыми. В их распоряжении по существу оставался лишь один небольшой аэродром. Два других аэродрома, еще меньше первого, имели только вспомогательное значение. Все эти площадки были досягаемы для фашистских дальнобойных батарей.

— Мы горды, что нам поручено защищать от врага столицу черноморцев—славный Севастополь,—говорили летчики.

Сознание величайшей ответственности за оборону города русской славы вдохновляло летчиков на героические дела.

Напряженны были воздушные бои над Севастополем. Только решительные цели ставили перед собой участвовавшие в них летчики-истребители. Об этом говорит тот факт, что двое из летчиков-истребителей, Герои Советского Союза Рыжов и Карасев, имеют на личном боевом счете по одному, а Герой Советского Союза Иванов два таранных удара.

Младший лейтенант Яков Иванов показал свое блестящее мастерство в первом ноябрьском сражении за Севастополь. Четыре боевых встречи имел он за одну неделю. В первый боевой поединок с врагом он отправил фашиста в морскую пучину с чисто чкаловской точностью. Во вторую — смело таранил врага и благополучно сел на свой аэродром. В третьей снова добился блестящей победы.

Возвращаясь на аэродром, заметил он в воздухе огромный «Дорнье—215», с полным грузом бомб направлявшийся на бомбежку Севастополя. Несколько атак Иванова не причинили мощной бронированной машине большого вреда. А боезапас кончился. Летчик твердо решил не допустить врага к городу. Иванов снова пошел на таран. Однако на этот раз, чтобы сбить вражеский самолет, ему пришлось буквально бросить на него свою машину...

Плеяда блестящих летчиков — Михаил Авдеев, Михаил Гриб, Георгий Москаленко, Константин Алексеев и другие— совершила над Севастополем сотни боевых вылетов, провела по несколько десятков воздушных боев. Каждый намного увеличил свой счет сбитых вражеских машин. Под Севастополем закалялись их воля, выдержка, вырабатывался свой стиль в бою.

Однажды истребитель Константин Алексеев сбил три самолета в один день. Вот как это произошло.

Во время второго декабрьского сражения под Севастополем немцы всеми средствами старались уничтожить наши самолеты на Херсонесском аэродроме. Их бомбовые удары и непрерывный артиллерийский обстрел не достигали цели. Тогда они решили блокировать аэродром с воздуха.

Вражеские самолеты почти непрерывно рыскали над маяком. Со зловещим свистом пикировали они, пытаясь сбить наши самолеты на подъеме. Бросаясь на советские машины с восточной стороны, они обычно выходили из пике в одном и том же месте.

Приглядевшись к однообразным маневрам немцев, Алексеев решил, что они действуют чрезвычайно шаблонно.

— Разрешите их проучить, — попросил он командира.

Командир разрешил. Алексеев поднял в воздух свою эскадрилью и приказал летчикам летать по кругу. Сам же он занял позицию немного выше, ближе к месту выхода атакующих «мессеров» из пике.

Все случилось так, как предполагал Алексеев. Вот один из фашистов стал выходить из пикирования в горизонтальное положение. Алексеев ракетой подлетел к нему и с двадцати метров всадил ему в бак пулеметную очередь. Вражеский истребитель завертелся в воздухе.

Находившиеся на аэродроме летчики с увлечением следили за охотой Алексеева.

— Давай еще! Вливай ему! — кричали они с земли.

«Мессер» задымил, бросился в сторону, но Алексеев крепко вцепился в него. Еще несколько очередей—и охваченный пламенем вражеский самолет упал около маяка.

Немцы не сразу разгадали тактику наших летчиков. Три раза они атаковали аэродром, и каждый раз один из них попадал под неотразимый удар Алексеева.

Широко известен был в Севастополе Михаил Авдеев. Летчиков его эскадрильи отличала удивительная слетанность. «Они как будто веревочкой связаны», — говорили о них. Эскадрилья Авдеева за время декабрьских боев сбила 15 фашистских самолетов. Герои-летчики делали севастопольский воздух непроходимым для фашистских пиратов.

* * *

На всем протяжении севастопольских боев защитникам города большую поддержку оказывала штурмовая авиация.

Штурмовики—чернорабочие воздушной войны. Они ищут наземные цели, пусть даже не слишком значительные, и уничтожают их. Они, как пехота на земле, воюют не только каждый день, но и по многу раз в день.

Подлинным штурмовиком по всеобщему призванию был летчик Евгений Лобанов. Его штурмовки всегда были особенно успешными.

Немцы лихорадочно готовились ко второму декабрьскому сражению. Дороги к городу были забиты транспортом врага. На штурмовой отряд авиации Героя Советского Союза Губрия была возложена задача: сорвать подброску резервов противником.

Штурмовики оседлали дороги к Севастополю, неутомимо обстреливали обозы, истребляли живую силу. Евгений Лобанов, горячо любивший столицу черноморских моряков, лишь на короткое время оставлял штурвал. С неиссякаемой энергией защищал он Севастополь.

10 декабря пятерка штурмовиков наносила удар по вражескому обозу. Было уничтожено 35 повозок, 12 автомашин; отмечено три прямых попадания в полевые пушки.

16 декабря произведен удар по вражеским артиллерийским батареям в районе Качи. Выведены из строя два орудия вместе с их прислугой.

На другой день немцы начали свое второе наступление на Севастополь. Лобанов снова действует в районе Качи. Как молния в грозу, поражает его «Ильюшин» врагов. В этот день Лобанов лично уничтожил две танкетки, два миномета, штабной автобус, грузовик, десятка полтора фашистов.

В начале января вражеский снаряд подбил машину Лобанова. Шасси оказались поврежденными. Он не потерял самообладания, подвел тяжелую машину к земле и сел на фюзеляж. Расчет его был настолько точен, что машина при посадке почти не пострадала.

Своей штурмовкой Лобанов помог пехоте занять важную высоту, за что получил благодарность от командующего Приморской армией генерала Петрова.

В начале марта Лобанов вместе с летчиком Талалаевым штурмовал передний край обороны немцев. Самолет Талалаева был подбит. Советский летчик приземлился на нейтральной полосе. Фашисты хотели захватить его в плен, но Лобанов кружил над местом посадки товарища, пока тот не достиг наших окопов. Но был подбит и самолет Лобанова. Лобанов приземлился, выбрался из машины и начал бой с фашистами на земле.

Вскоре моряки-пехотинцы выбили немцев на этом участке. Однако спасти Лобанова они не успели. Вокруг воронки, где нашли героя, валялись девять убитых фашистов.

С первых дней обороны самоотверженно защищали город русской славы штурмовики: Мирон Ефимов, Федор Тургенев, Василий Хряев. Каждый из них сбил до десятка вражеских самолетов, уничтожил сотни фашистов, много боевой техники. Их героические дела навеки вписаны в бессмертную эпопею обороны главной базы Черноморского флота.

* * *

В первый месяц войны по всему миру разнеслась весть об успешной бомбежке советскими летчиками вражеских нефтеперегонных заводов и нефтяных промыслов. За один удар были сожжены два предприятия и до 200 тысяч тонн нефти. Познакомившись с ходом и итогами операции, иностранные летчики заявили, что здесь должно было действовать не менее сотни самолетов. На самом деле это было не так. На самом деле такую эффективную бомбежку произвела одна лишь шестерка машин, под командой капитана Александра Цурцумия.

Так весь мир узнал имя отважного сталинского сокола-черноморца.

Александру Цурцумия принадлежит ряд смелых и удачных налетов на Сулин, Констанцу и Плоешти. Много раз во главе своей эскадрильи он летал бомбить корабли на Дунае. Он отражал натиск фашистов на Одессу, участвовал в боях на Перекопе, защищал родной любимый Севастополь.

Имя Александра Цурцумия присвоено эскадрилье, которой он командовал, и навечно занесено в ее списки. На опыте его боевой деятельности воспитываются молодые поколения летчиков.

* * *

В грандиозном сражении за Севастополь с величайшей силой сказалось содружество всех родов советских войск. Много раз во время обороны вспоминали защитники Севастополя своих славных артиллеристов, которые не раз останавливали врага на подступах к городу. В ряду героев, поднявших в этой войне славу Севастополя, артиллеристы занимают свое особое почетное место.

...Одна наша часть попала в критическое положение. Против нее двигалось по крайней мере впятеро больше фашистов. Командира убило, остался комиссар. Печальный исход боя казался неизбежным. Уверенные в своей победе, гитлеровцы поднялись на «психическую атаку»: шли во весь рост, со знаменем, с оркестром духовой музыки.

И вдруг, под разрывами снарядов и мин, к переднему краю подползли два артиллериста. Это были корректировщики из полка Богданова.

Через несколько минут обстановка резко изменилась. Весь горизонт закрыли столбы дыма и земли. Огневой налет продолжался недолго, но когда он прекратился и рассеялся дым, поле было усеяно трупами. Наша пехота бросилась добивать остатки фашистской части.

В землянку командира артиллерийского полка привели взятого в плен фашистского офицера.

— Вы не представляете, что было сейчас там...— весь дрожа, говорил офицер. — Сам полковник повел нас в наступление. Он взял полковое знамя и понес его впереди. Заиграл оркестр, и мы пошли... Первым снарядом разорвало в клочья полковника и знамя, потом началось что-то невообразимое. Кажется, мы опять попали под огонь Богданова. Да, да! Этот Богданов не дает нам покоя вот уже второй месяц...

Несколько дней спустя на командный пункт к Богданову приехал летчик. Он хотел срочно видеть командира. Его провели в землянку.

— Так это вы и есть Богданов? — сказал как-то удивленно летчик.

— А что случилось?

— Я просто хотел увидеть вас, поговорить...

— Давайте поговорим.

И летчик рассказал странную историю.

Его самолет подбили вражеские зенитчики. Он выбросился на парашюте. К своим летчик не дотянул, пришлось приземлиться на вражеской территории. Попал в плен.

— Они избивали меня, — говорил летчик Богданову, — пытали жестоко, большие деньги предлагали, и все лишь для того, чтобы я сказал два слова: где стоят батареи Богданова и где его командный пункт... Повезли меня ночью в штаб, ехали полем, где росла кукуруза. Я выбросился из машины и скрылся. И все время думал, думал, кто же такой Богданов, где же он. Разыскал вас, наконец, и пришел пожать вам руку...

Богдановцев знали все севастопольцы. Это славное имя стало символом мужества и бесстрашия.

Во время второго декабрьского наступления фашистов на Севастополь немцы в направлении главного удара стянули до 50 тяжелых орудий на один километр фронта. Напротив немецких артиллеристов стояли богдановцы. Фашисты пытались сокрушить их танками, бронемашинами, засылали им в тыл автоматчиков, но славные артиллеристы не прекращали губительного огня. Они отстояли свои позиции, защищая родной Севастополь. Их командир Николай Васильевич Богданов личным примером воодушевлял бойцов и командиров.

— Ни шагу назад! Умрем, но не отойдем! — сказал он, и полк устоял.

* * *

Неувядаемой славой покрыла себя 365-я зенитная батарея, которой командовал Николай Воробьев. Кроме Воробьева, звания Героя Советского Союза на батарее удостоились старший лейтенант Иван Пьянзин и краснофлотец Петр Липовенко.

Батарея Воробьева была расположена на Северной стороне, на ближних подступах к городу. Отсюда хорошо просматривался город, Северная бухта, причалы, заводы. Через высоту вела наиболее удобная дорога в Сухарную балку, куда немцам так хотелось попасть. С захватом высоты фашисты имели возможность вести прицельный артиллерийский обстрел по городу. Батарея, расположенная на высоте, надежно прикрывала путь к Севастополю не только для фашистских стервятников, но и для фашистской пехоты.

Во время всех сражений за Севастополь батарея оказывалась на направлении главного удара немцев... Без малого все 250 дней обороны батарея находилась на передовой линии, отразила большое количество вражеских атак и нанесла фашистам огромный урон.

М. Авдеев.

Н. Богданов.

И. Красносельский.

Н. Адамия.

В дни второго сражения немцы подошли к батарее на расстояние полутора километра. Решив уничтожить батарею, они двинули против нее три танка и до батальона пехоты. Стрелять по танкам могло только одно орудие из двух, оставшихся на батарее. Из расчета этого орудия в самом начале боя было ранено три бойца. Командир орудия Данич вступил в единоборство с танками. Медленно, но верно целясь, сам заряжая и стреляя, он один за другим подбил все три танка.

Однако фашисты не успокоились. Вражеская пехота, несмотря на огромные потери, которые причинили ей артиллеристы, заняла часть позиции батареи. Но Воробьев, раздобывший у убитого немецкого снайпера серию ракет, направил ими огонь немецких батарей на место, занятое фашистами. Немцы уничтожили немцев.

Во время третьего наступления Воробьев был ранен. Его заменил испытанный командир соседней батареи Иван Пьянзин. Много раз на батарею налетали фашистские бомбардировщики. Ее непрерывно обстреливали артиллерийским и минометным огнем. Но батарея не сдавалась. Когда же все ее орудия были разбиты, а личный состав почти весь погиб, Иван Пьянзин послал на командный пункт полка две радиограммы.

Первая сообщала:

«Танки противника расстреливают нас в упор, пехота забрасывает гранатами. Прощайте, товарищи! За Родину! За Сталина, вперед!».

Наконец, вторая, последняя, посланная через час после первой, требовала:

«Отбиваться нечем. Почти весь личный состав вышел из строя. Открывайте массированный огонь по нашей позиции и командному пункту».

Четыре наши батареи смели с лица земли немцев, пробравшихся на героическую батарею...

* * *

Грозой для гитлеровцев был отважный защитник Севастополя минометчик Владимир Симонок. За год боев, до окончания обороны, Симонок провел сотни боев. От командования взводом, ротой, а затем батальоном — таков путь Владимира Симонок. Однажды, подводя свои итоги за семь месяцев войны, он сказал:

— По самым скромным подсчетам мы истребили не менее трех тысяч фашистских оккупантов.

До конца боев под Севастополем Симонок по крайней мере удвоил это число.

В Севастополе говорили:

— Там, где оборону занимают минометчики Владимира Симонок, там фашисты не пройдут.

Так действительно и было.

Фашисты пытались прорвать оборону нашего батальона. Под прикрытием артиллерийского огня враг подтягивал свои резервы. Симонок, внимательно наблюдая, заметил в лощине движущиеся колонны. Не дав им развернуться, Симонок открыл огонь из минометов. Колонны были наполовину уничтожены. Остатки их в беспорядке отступили.

В этот день минометчики успешно отразили четыре яростные атаки фашистов.

Однажды во время жаркого боя, пользуясь туманом, группа фашистских автоматчиков проникла в наш тыл. Симонок с пятью бойцами немедленно двинулся туда, откуда строчили автоматы. Обнаружив фашистов, Симонок оставил четырех бойцов с правого фланга, чтобы отрезать им путь отхода, а сам с одним бойцом внезапно атаковал гитлеровцев. Десять вражеских солдат было убито, семь взято в плен.

Стрельба минометчиков отличалась исключительной точностью.

Вот с наблюдательного пункта сообщили, что в ближайшей роще обнаружено до взвода немцев. Лейтенант Титарев быстро подготовил исходные данные. Расчеты заняли свои места. Симонок взмахнул рукой, и в немцев полетели первые три мины. Следом за ними, описывая крутую дугу, полетели еще две тройки. От немецкого взвода после одиннадцатой по счету мины не осталось никого.

В дни июньских боев под Севастополем фашисты прорвали линию обороны в районе 79-й бригады морской пехоты и стремились отрезать центральную группировку наших войск. Чтобы воспрепятствовать этому была создана огневая ударная группа, куда входила батарея гвардейских минометов из дивизиона Симонок.

В течение трех дней огневая группа сдерживала бешеный натиск врага. Ночью 25 июня она отошла на Инкерманские высоты, где держалась еще несколько дней.

В ночь на 1 июля враг вошел в предместья Севастополя. Все, кто мог передвигаться, направились на мыс Херсонес.

Оборонительные бои они вели здесь еще несколько дней, до последнего патрона, до последней гранаты.

Владимир Симонок погиб в этих боях.

* * *

В тягчайших условиях дрались севастопольцы. Они были отрезаны от сухопутных связей с тылом. Боеприпасы и продовольствие подвозились к осажденному городу с большим трудом. Защитники Севастополя не имели в своем распоряжении достаточного числа аэродромов, а значит, и необходимого прикрытия с воздуха. Не взирая на все это, советские пехотинцы, моряки, летчики, артиллеристы и бойцы других родов войск во главе со своими командирами и политработниками совершали чудеса воинской доблести и геройства. Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность защитников Севастополя вдохновляли советских патриотов в годы Отечественной войны на героические подвиги.

Товарищ Сталин поставил севастопольцев в пример всем воинам Красной Армии и трудящимся нашей Родины. В телеграмме на имя руководителей Севастопольской обороны вице-адмирала тов. Октябрьского и генерал-майора тов. Петрова товарищ Сталин писал:

«Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя —красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням.

Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа.

Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной».

Героические защитники Севастополя обогатили славные боевые традиции народов Советского Союза. Они показали образцы беззаветной храбрости, железной дисциплины, стойкости и умения побеждать.

Слава Севастополя, воплощенная в подвигах героев бессмертной обороны, будет жить в веках.

П. Надинский

Крымские страницы в биографии Суворова

Имя великого русского полководца А. В. Суворова известно всем. Память о нем глубоко хранится в сердцах русского народа и передается из поколения в поколение. Наиболее широкое общенародное признание мужественный образ Суворова получил в дни Отечественной войны Советского Союза против немецких захватчиков.

Великий вождь и полководец советского народа товарищ Сталин в своей исторической речи 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве поставил имя Суворова в ряду наших великих предков.

Товарищ Сталин говорил воинам, шедшим на ратный подвиг: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»[1])

* * *

Военная деятельность А.В. Суворова протекала во второй половине XVIII века. Александр Васильевич родился в Москве в 1730 году и скончался в Петербурге в мае 1800 года. Из семидесяти лет своей жизни 55 лет он находился в рядах русской армии. Военную службу Суворов начал с пятнадцатилетнего возраста, рядовым Семеновского полка. Девять лет он находился в нижних чинах: рядовым мушкетером, капралом, сержантом и только в 1754 году был произведен в поручики — первый офицерский чин.

Суворов без всякой протекции, исключительно благодаря своим личным способностям и упорному труду, прошел всю иерархическую лестницу военных чинов, начиная с рядового

[1]) И. Сталин. „О Великой Отечественной войне Советского Союза" изд. 4, стр. 37.

солдата, вплоть до звания генералиссимуса русской армии. Он участвовал во всех войнах, которые вела Россия в его время со своими противниками. Все сражения, руководимые им, неизменно заканчивались победой русского оружия. Гениальный полководец всегда побеждал и не имел ни одного поражения. Под его командованием русские солдаты, которых он называл «чудо-богатырями», сражались против немцев турок, поляков, татар, итальянцев и французов и всегда оказывались победителями.

Суворов был передовым человеком своего времени и в совершенстве владел не только высокой военной культурой, он был всесторонне образован: свободно говорил и писал на нескольких иностранных языках и до последних дней своей жизни непрестанно занимался пополнением своих знаний. Он совершил подлинный переворот в русской военной науке. Составленное им 150 лет назад знаменитое руководство «Наука побеждать» до сих пор является настольной книгой всех офицеров и генералов Красной Армии.

Жизненный путь Суворова был суров.Все, чего он достиг, было результатом тяжелого, упорного труда и беспрерывной борьбы за свои взгляды. Не надо забывать, что деятельность полководца протекала в условиях царской крепостной России, в эпоху Екатерины II, когда все руководство страной и армией сосредоточивалось в руках ее многочисленных фаворитов, от отношения и настроения которых зависела карьера любого общественного, государственного и военного деятеля. Тот, кто хотел продвинуться по службе или добиться проведения в жизнь своих взглядов, должен был понравиться и угодить правящей клике. Суворов стоял особняком среди деятелей екатерининской эпохи и считался в их среде «белой вороной». Обладая независимым и прямолинейным характером, он по своей натуре не мог льстить и прислуживаться. Военные успехи, а вместе с этим и возрастающая слава, порождали к нему зависть со стороны бездарных генералов и придворных лизоблюдов, которыми всегда была богата царская Россия. Завистники и клеветники распускали о полководце всевозможные лживые слухи, грязные, клеветнические анекдоты, пытаясь выставить его в общественном мнении каким-то юродивым.

Такая обстановка причиняла не мало личных огорчений и неприятностей Александру Васильевичу. Но он не сгибался перед придворной знатью... Созданное о нем мнение как об оригинале-чудаке, он использовал в качестве оружия, которое давало ему право делать и говорить все. Он

язвительно высмеивал и ставил в смешное положение своих недругов, не взирая на их положение, чины и титулы. Талантливый полководец был нужен правительству России, и его вынуждены были терпеть.

Военные успехи Суворова создавали ему славу полководца не только в России, но и за границей. Один из сподвижников Наполеона, французский маршал Мармон писал: «Суворов лучше всякого другого генерала знал дух солдата и нравственную часть войны. В этой возвышенной части, в этом отличительном и главном свойстве великих полководцев, известных истории, был и Наполеон выше других. Суворов имел сверх того качество бесценное, к несчастью, слишком редкое у военачальников: он не знал усталости, не знал никаких нужд, делил с солдатами труды, дополнял в затруднительных случаях все своим примером и, так сказать, сливался с ними. Вот лучшее и самое сильное красноречие военное, которое увлекает все. Оно часто было красноречием Александра и Цезаря...» [1]) Такая оценка не была преувеличенной. Суворов действительно являлся величайшим полководцем, и его имя стоит в одном ряду с именами таких прославленных полководцев всех времен и народов, какими являлись Александр Македонский, Ганнибал, Цезарь, Наполеон...

В настоящем очерке кратко освещается деятельность полководца, связанная с Крымом.

ПРИЕЗД СУВОРОВА В КРЫМ

В 1776 году генерал-поручик Суворов командовал войсками Петербургской дивизии. Войны не было. Осенью он получил отпуск, который проводил в Москве, гостя у родственников вместе с женой и маленькой дочкой Наталией.

27 ноября 1776 года полководец неожиданно получил «ордер»(приказ) с предложением выехать к войскам, назначенным для операций на Крымском полуострове. Со свойственной ему быстротой он выбыл из Москвы к месту назначения. По дороге он заехал в Полтаву, где оставил жену и дочь.

Энергичный Суворов умел ездить быстро. От Москвы до Перекопа, расстояние свыше 1500 км, с остановкой в Полтаве, он совершил меньше, чем за две недели, и к середине декабря уже был в штаб-квартире войск.

---

[1]) Из книги „Путешествие маршала Мармона", Москва, 1840 г. том I, стр. 159.

К моменту приезда Суворова обстановка в Крыму была чрезвычайно сложной и напряженной. Дело в том, что несмотря на заключение в 1774 году Кучук-Кайнарджийского мирного договора, согласно которому Крымское ханство признавалось независимым от Турции государством, борьба между Турцией и Россией за Крым не только не прекратилась, но еще больше обострилась. Борьба приняла новые своеобразные формы: шла сложная и острая дипломатическая игра, в которой на стороне турок принимали участие некоторые крупные европейские государства. Россия и Турция стремились «мирным путем» подчинить своему влиянию Крымское ханство. В ход пускались все средства: подкуп, взятки, шантаж, разные угрозы, вплоть до угрозы применения вооруженной силы.

В Крымском ханстве оказалось два хана —Девлет-Гирей, ставленник турецкого султана, и Шагин-Гирей, сторонник русской ориентации. У того и другого имелись приверженцы среди татарской феодальной знати, между которыми происходила беспрерывная борьба, часто доходившая до вооруженных столкновений. Значительная часть татарской знати (беи и мурзы) придерживалась выжидательной политики и склонялась на сторону того хана, который брал верх.

С начала 1776 года турки резко активизировали деятельность по поддержке своего ставленника и в нарушение договора с Россией высадили в районе Кафы (Феодосии) 10.000 солдат.

Потемкин, бывший тогда генерал-губернатором Новороссии, и Румянцев, главнокомандующий войсками на юге, решили в свою очередь оказать помощь своему сторонникуШагин-Гирею.

Задача была довольно трудная. Шагин-Гирей в то время находился на Кубани, а ставленник турок —в столице ханства Бахчисарае. Чтобы укрепить власть, Шагин-Гирею нужно было переехать в Крым, добиться полного признания со стороны крымской феодальной знати и прогнать своего соперника с полуострова. Но Шагин-Гирей не располагал силами для борьбы с Девлет-Гиреем. Ему требовалась реальная помощь.

Имея в виду действия Турции, Россия выделила в помощь Шагин-Гирею группу войск в количестве 25.000 солдат.

Общее командование войсками, предназначенными для операций в Крыму, было возложено на князя Прозоровского. Но фельдмаршал Румянцев решил подкрепить князя Суворовым, в то время уже известным боевым генералом, отличившимся во время войн в Пруссии, Польше и на Дунае.

Еще до прибытия Суворова, в ноябре, Прозоровский без боя занял Перекоп. Продвижение в глубь Крыма приурачивалось к моменту переезда Шагин-Гирея с Кубани на полуостров. В ожидании его русское командование вело переговоры с крымским правительством. Войска, заняв исходные позиции на Перекопском перешейке, ждали приказа о выступлении.

Прозоровский поручил Суворову командовать отрядом, состоявшим из нескольких пехотных полков, основная часть которых располагалась в деревнях Тузлы и Капкара. Суворов немедленно занялся обучением и подготовкой солдат к предстоящим операциям, одновременно наблюдая через разведку за движением татар в степной части полуострова.

4 марта 1777 года, согласно полученного приказа, Суворов во главе отряда выступил от Перекопа вглубь Крыма, в сторону Арабата, где должна была произойти встреча с Шагин-Гиреем, двигавшимся из Керчи. Отряд состоял из Ряжского и Орловского пехотных полков, одного гренадерского батальона, Ахтырского гусарского полка, Чугуевского казачьего полка, отдельного отряда из 100 донских казаков и артиллерии: одной двенадцатифунтовой полевой пушки, двух шестифунтовых пушек и одного единорога. Перед выступлением в поход по войскам был издан приказ об отношении войск к местному населению. В приказе говорилось, чтобы офицеры и солдаты «от суровости воздерживались». Населению, «особливо которое в своих домах спокойно будет, никаких обид и озлоблений не чинить, а показывать всяческую ласку, а брать же у них все за деньги и стараться по вольной цене покупать фураж и платить тут же на месте».[1])

Изданием этого приказа подчеркивалось, что русские войска вступают в Крым не как противники, а как друзья. Приказ о таком гуманном отношении к населению для того времени являлся необычным, ибо, как правило, армии всех стран почти всегда содержались за счет населения на захваченной неприятельской территории.

Движение войск в условиях весенней распутицы, особенно для пехоты, было далеко не легким делом. Приходилось на себе нести, кроме обычного солдатского снаряжения, еще запасы воды и продуктов. Несмотря на это, отряд продви-

[1]) Дубровин. Сборник документов, том 1, стр. 404—405.

гался быстро и через три дня был на берегу р. Салгир. На левом берегу реки Суворов приказал разбить лагерь для отдыха, а сам с небольшим передовым отрядом 8 марта передвинулся к Булганаку.

Продвигаясь вперед, Суворов беспрерывно рассылал разведывательные группы конников в разных направлениях. Одна из таких групп обнаружила севернее Карасубазара (теперь Белогорск) скопление вооруженных татар—сторонников Девлет-Гирея. Полководец немедленно подтянул войска и стремительным маневром стал окружать девлетгиреевцев, которые, не приняв боя, в панике разбежались.

14 марта отряд занял Карасубазар (Белогорск). 16 марта разведывательные группы проникли в Судак, а 18 марта один из полков подошел к Кафе (Феодосии) и вошел в город. Такое стремительное продвижение Суворовского отряда совершенно дезорганизовало татар и они не смогли оказать серьезного сопротивления. Турецкие войска не решились выступить на помощь девлетгиреевцам и, поспешно погрузившись на суда, покинули берега Крыма.

Рассеяв все вооруженные отряды и вытеснив турецких солдат из Кафы, Суворов стал лагерем на берегу речки Булзык. 22 марта в лагерь прибыл Шагин-Гирей. Сюда же с Перекопа с остальными войсками перебрался и Прозоровский.

К концу марта все крымские мурзы перешли на сторону Шагин-Гирея. Девлет-Гирей вынужден был бежать из Крыма. Шагин-Гирей вместе со штабом русских войск переехал в Бахчисарай. Суворов, согласно распоряжения Прозоровского, с двумя пехотными полками и несколькими кавалерийскими эскадронами расположился лагерем на левом берегу Салгира, у города Ак-Мечети (Симферополя).

На левом берегу Салгира, в предместьи Ак-Мечети, Суворов возвел полевые укрепления, следы которых сохранялись до начала нашего века. Укрепления находились на том месте, где теперь расположено здание междугородней телефонной станции.

На Суворова была возложена задача: «Наблюдать горы к стороне Бахчисарая и верхнюю часть Салгира, занять важнейшие горные проходы и учредить пост на морском берегу в Алуште». [1]) Вскоре Суворову были подчинены войска, расположенные в районе Карасубазара и Судака. Таким образом, под его наблюдением находилась большая часть горного Крыма.

[1]) А. Петрушевский. „Генералиссимус князь Суворов", СПБ 1884 г., т. 1, стр. 197.

А. В. Суворову впервые приходилось командовать войсками, расположенными в горах, но он отлично справился со всеми трудностями. Отношение местного татарского населения к русской армии было не совсем дружелюбное. Приходилось все время быть настороже. В горах и лесах скрывалось много мелких отрядов мятежников из турецких сторонников. С турецких кораблей на морской берег нередко высаживались вооруженные группы для пополнения отрядов.

Суворов лично подыскивал удобные места для расквартирования своих солдат, намечал пункты расстановки постов, организовывал службу наблюдения на побережье. Ему приходилось очень часто разъезжать по горному Крыму. Он был неутомим. Его энергичная деятельность скоро дала положительные результаты. Прекратились случаи нападения бандитских шаек на русские караулы и транспорты. Наступило затишье. Войска перешли на положение мирного времени.

В июне 1777 года Суворов подал рапорт Прозоровскому с просьбой дать ему отпуск для лечения. Он серьезно болел малярией. Прозоровский без ведома Румянцева и Потемкина разрешил ему выехать в Полтаву. В конце июня Суворов выехал из Крыма. В своей автобиографии с присущей ему лаконичностью он писал: «В 1776 году я был определен к полкам Московской дивизии, в Крым, где около Карасубазара собравшиеся противные Шагин-Гирей-хану партии я рассеял одними движениями и, по продолжающейся болезни, отъезжал в Полтаву для лечения». [1])

По документам и личной переписке Суворова видно, что не только болезнь побуждала его выехать из Крыма. Основная причина заключалась в ненормальных взаимоотношениях с Прозоровским, которому он был подчинен. Прозоровский, связывая инициативу Суворова, в то же время все его успехи приписывал себе или своим любимчикам. Например, когда войска двинулись в глубь Крыма, Прозоровский под видом болезни (в официальном донесении Румянцеву он ссылался на геморрой), оставался в тылу, а всю ответственность за поход возложил на Суворова. Когда последним была блестяще завершена операция, то Прозоровский в своих донесениях Румянцеву, упомянув о Суворове только вскользь, все достижения приписал себе и своим друзьям, в частности генерал-майору Де-Бальмену. Историк Петрушевский

[1]) Алексеев. „Письма и бумаги Суворова". Автобиография Суворова.

отмечает, что Прозоровский был бездарным и самолюбивым человеком и любил «загребать жар чужими руками».

Нежелание находиться в подчинении у такого бездарного, нечестного человека и побудило Суворова выехать из Крыма. Прозоровский охотно отпустил его, желая избавиться от беспокойного подчиненного, тем более, что в Крыму наступило затишье.

А. В. Суворов во время отпуска жил с семьей в Полтаве. Между тем вскоре после его выезда положение в Крыму изменилось. Осенью турки подняли среди татарского населения мятеж против Шагин-Гирея. Для поощрения своих эмиссаров Турция направила в Севастопольскую бухту до десятка военных кораблей, сразу же установивших связь с мятежниками. Инертный Прозоровский не сумел принять сразу надлежащих предупредительных мер. Разжигаемый турецкими агентами мятеж принял широкие размеры.

Румянцев, получая донесения от Прозоровского о положении в Крыму, был очень удивлен, что в них совершенно не упоминается имя Суворова. В связи с этим он в конце октября послал специальный запрос. Получив сообщение, что Суворов находится в отпуску, Румянцев сделал строгий выговор Прозоровскому, а Суворову предложил немедленно вернуться из отпуска. Но при вмешательстве Потемкина вопрос о возвращении в Крым был перерешен, и Суворов получил новое назначение — командовать войсками, расположенными на Кубани, где положение было не менее серьезным, чем в Крыму.

Полководец пробыл на Кубани три месяца. 23 марта Румянцев подписал приказ о назначении Суворова вместо Прозоровского командующим войсками Крыма и Кубани.

ВО ГЛАВЕ ВОЙСК

Приказ о новом назначении Суворов получил 17 апреля 1778 года и на другой же день выехал из Кубани. Переехав через Керченский пролив в крепость Еникале, оттуда на лошадях через Кафу, Карасубазар и Ак-Мечеть, он 26 апреля прибыл в Бахчисарай.

Перед Суворовым, как командующим войсками, были поставлены две задачи — организовать оборону и установить порядок в Крымском ханстве. На него также были возложены дипломатические функции в сношениях с Крымским правительством и турками по вопросам, касающимся ханства. Таким образом, во второй свой приезд в Крым он был облечен большими полномочиями.

Первым мероприятием командующего было обследование войск и приведение их в надлежащий боевой порядок. С этой целью он лично объехал и проинспектировал все воинские части, расположенные на полуострове. Ему пришлось вдоль и поперек изъездить весь Крым, ибо части были размещены во всех основных стратегических пунктах полуострова. На основании личного ознакомления с состоянием войск и с общим положением в Крыму, 16 мая 1778 года им была издана инструкция об отношении войск к местному населению и специальный приказ по войскам. В приказе говорилось об организации быта солдат и о поддержании санитарного порядка, о взаимоотношениях между начальниками, об обучении солдат, о правилах на случай внезапных боевых действий и т. п. В этом приказе полководец впервые письменно изложил свои взгляды на обучение и организацию войск. Эти взгляды в дальнейшем нашли свое развитие и завершение в написанном Суворовым знаменитом руководстве «Наука побеждать».

Территория полуострова для удобства маневров и наблюдений была разделена на округа. Суворов сам выбирал места и указывал командирам частей, где и какие возводить укрепления. По всему морскому побережью была протянута непрерывная линия постов и наблюдательных пунктов.

Мероприятия Суворова по приведению войск в боевую готовность были вполне своевременны, ибо Турция открыто готовилась к походу в Крым. В Черное море были высланы из Стамбула три военные эскадры. В воздухе запахло войной. Русская дипломатия употребляла все усилия, чтобы мирными средствами урегулировать взаимоотношения с Турцией. Румянцев и Потемкин неоднократно предписывали Суворову, чтобы он не поддавался ни на какие провокационные действия со стороны турок, которые могли быть ими использованы в качестве мотивов для объявления войны. Но одновременно Суворов получил приказ не допускать ни при каких условиях и высадку турецких войск в Крыму.

Поставленная задача действительно была трудной — не допускать турок в Крым и в то же время избегать военных столкновений. Турки в любое время могли высадить десант, ибо в Ахтиарской (Севастопольской) бухте в продолжении нескольких месяцев беспрерывно находилось до десятка турецких военных кораблей.

Полководец прежде всего решил укрепить берега Ахтиарской бухты и вытеснить из нее турецкие корабли. Для этого он воспользовался инцидентом, происшедшим между вы-

садившимися на берег турецкими моряками и стоявшими в пикете казаками, во время которого был убит один казак. Суворов пригласил хана, вместе с ним, на виду у турок, объехал берега бухты и выбрал места для возведения укреплений. А в ночь на 15 июня по обе стороны бухты расположились шесть батальонов пехоты с конницей и артиллерией, которые приступили к строительным работам.

Турки встревожились. Начальник эскадры Гаджи-Мегмет-ага сразу же послал по этому поводу запрос хану и Суворову. Последний в вежливой форме ответил, что работы производятся по желанию крымского правительства и тут же указал на происшедший инцидент между турецкими моряками и казаками. Ответ заканчивался недвусмысленным предостережением: «Я паки повторяю, что, не входя в чужие и до меня не принадлежащие дела надеюсь, что по-прежнему моему к вам письму сыщете и накажете виновных в убийстве нашего казака и что запретите выходить на берег вооруженным людям. Впрочем, ежели что из того произойдет неприятное, в таком случае остаюсь за сим я не виновен, а причиной будете по всем правам вы. Впрочем, да будет конец ваш благ и да приведет бог вас на истинный путь».[1])

Получив такое письмо и видя, что работы по возведению укреплений движутся вперед, Гаджи-Мегмет-ага счел за лучшее со своими четырнадцатью кораблями поскорее выбраться из Ахтиарской бухты в открытое море. Так Суворов мирным путем вытеснил турок из основной бухты Крымского побережья.

Вытеснив турецкую эскадру, он еще энергичнее развернул работы по укреплению Ахтиарской бухты. Он настойчиво добивался присылки в Крым различных материалов и инструментов, необходимых для оборонного строительства. В одном из своих рапортов от 14 июля 1778 года на имя фельдмаршала Румянцева Суворов писал: «... За недостатком на сих днях прибывших из Александровской крепости ломов с крепостными инструментами и из иных мест, по каменистому грунту разные укрепления, как и по Инкерманскому пункту отныне совершенно медлют; мало людей, но давно обороны и связи войск набережные с внутренними и их резервами предопределены в укреплениях Ахтиарских, яко одной истинной для стамбульцев гавани, будут два батальона мушкатер...» [2])

1) Дубровин, том II, стр. 492.
2) Там же, том II, стр. 553.

Гениальный полководец один из первых оценил военно-стратегическое значение Севастопольской гавани. И он первый положил начало строительству будущей крепости—города русской славы.

Фельдмаршал Румянцев высоко оценивал деятельность Суворова по обороне Крымских берегов. В одном из своих писем от 25 июля он писал Суворову: «...Я с особливым удовлетворением вижу, что принятые вами меры в рассуждение обережения берегов и пристаней Крымского от десанта Турецкого более воспрепятствовали турецкому покушению к войне...» [1]) В другом письме фельдмаршал писал: «...Я из ваших рапортов, видя все ваши учреждения в занятии проходов в укреплениях и расположении внутри Крыма конницы... твердо надеюсь, что коварные турок замыслы... не допустите и не с какой стороны попасть в Крым».[2])

Турки были взбешены при известии о вытеснении их кораблей из Ахтиарской бухты, но придраться официально они ни к чему не могли.

В середине лета 1778 года русскому командованию стало известно, что турки подготовляют большой флот и крупные десантные войска для захвата Крымского полуострова. Чтобы скрыть свои намерения, турецкая дипломатия стала распространять лживые слухи о том, что флот пойдет к Крыму для ведения «мирных» переговоров с Крымским правительством.

Румянцев очень опасался, что на этот раз Суворову навряд ли удастся обойтись одними мирными средствами. По этому поводу в письме к Потемкину он в шутливом тоне писал: «По последним известиям турецкий флот действительно уже выступил в Черное море под предводительством капитан-паши и пойдет в Синоп, а оттуда в Крым для переговоров. А как там г. Суворов не говорлив и не податлив, то не поссорились бы они, после и не подрались бы». [3])

Командующий турецкой эскадрой, очевидно, для запугивания русских, переслал им ультимативное хвастливое послание, в котором требовал, чтобы русские корабли не выходили в Черное море, ибо будут при встрече потоплены. Послание заканчивалось словами: «Черное море есть величай-

1) Дубровин, стр. 595
2) Там же, том II, стр. 535.
3) Там же, стр. 550

шего и могущественнейшего монарха моего беспосредственная область, в которой никто другой и малейшего участия и никакого права не имеет». [1])

Никакими угрозами нельзя было запугать Суворова. он был готов к встрече «гостей». По его приказу на Крымский полуостров был подтянут резервный корпус, которым командовал генерал-поручик Багратион. По всему побережью была усилена цепь наблюдательных постов и пикетов, войска придвинуты к побережью и постоянно находились в полной боевой готовности. Во всех пунктах, к которым могли пристать турецкие корабли, были возведены береговые укрепления.

В конце августа 1778 года к берегам Крыма подошел большой турецкий флот в составе 170 военных кораблей, наполненных войсками. Командовал флотом известный турецкий военоначальник сераксир Гассан-капитан-паша и Гаджи-Али-паша, имевший титул сераксира крымского. План турок, который своевременно разгадал Суворов, сводился к следующему: к моменту прибытия флота к Крымским берегам турецкие агенты должны были поднять восстание среди татар против Шагин-Гирея и русских войск. Восстание должно было послужить предлогом для вмешательства турок во внутренние дела Крымского ханства и облегчить высадку турецких войск. Но расчеты турецких политиков не оправдались. Суворов заранее предпринял надлежащие меры и никакого нового восстания турецким агентам поднять не удалось.

Подошедший флот несколько дней курсировал взад и вперед вдоль южного побережья, то приближаясь к берегу, то уходя в море. Отдельные корабли делали попытку подойти близко к берегу, но командиры кораблей везде видели укрепления и крупные отряды русских солдат, маневрировавшие по побережью. Кроме того, их с берега предупреждали, что приставать кораблям нельзя, так как в Крыму объявлен строгий карантин.

Когда сераксир Гассан убедился, что расчеты на вмешательство в крымские дела на «законном» основании провалились, он перешел к дипломатическим переговорам. В своем письменном обращении к Суворову, он ссылался, что пришел к Крыму по просьбе некоторых знатных татар, что он хочет вести переговоры с русскими о положении дел в Крыму, а в конце письма требовал не чинить им никакого препятствия,

[1]) Дубровин, том II, стр. 549.

когда корабли будут приставать к берегу. На это послание Суворов ответил, что турецкому правительству по всем вопросам о Крыме надлежит договариваться с русским послом в Стамбуле. А в высадке солдат с кораблей на берег в вежливой, но категорической форме было отказано.

Несколько дней турки под разными предлогами добивались разрешения пристать к берегу. То просили снабдить их дровами, то дать несколько бочек пресной воды, то просто разрешить сойти на берег для прогулки. На все их просьбы неизменно следовал вежливый, но твердый отказ по мотивам, что турецкие корабли пришли из зараженных чумой мест и по карантинным правилам никто с кораблей не может допускаться на берег. Вот что писал в одном из своих ответов сераксиру Гассану Суворов: «...А вдобавок нахожу сказать мое удивление прибытию вашему в близкие к российским водам места в такое время, когда флот ваш весь заражен смертельной язвой. Европейские узаконения вам известны: в охранение от толь вредной заразы учрежденный карантин не позволяет отнюдь не под каким предлогом спустить на берег ни одного человека из ваших кораблей». [1])

Встретив такой отпор, турецкий адмирал поболтался некоторое время у берегов Крыма и счел за благоразумное отплыть обратно в Стамбул.

ВНУТРИКРЫМСКИЕ ДЕЛА

Поставленную задачу—оградить Крым от турок—Суворов разрешил блестяще. Другая стоявшая перед ним задача — укрепление русского влияния в Крымском ханстве, для полководца была более сложной, и при разрешении ее он пережил много неприятностей. Трудности заключались в том, что внутри Крымского ханства царила полная неурядица. Ханство, лишь недавно освобожденное от многовековой турецкой колониальной зависимости, переживало еще внутренний разброд. Между отдельными феодалами происходили постоянные распри, устраивались разного рода заговоры, велась борьба между отдельными лицами и группами татарской знати за влияние на хана и его правительство. Положение усугублялось тайной деятельностью турецкой агентуры, поддерживавшей разлад внутриполитической жизни в ханстве.

[1]) Дубровин, том II, стр. 704.

Александр Васильевич Суворов

Турецкое владычество оставило после себя плохое наследство. В экономическом и культурном отношении Крымское ханство стояло на чрезвычайно низком уровне. Подавляющая часть населения вела кочевой или полукочевой образ жизни. Вся торговля и промыслы находились в руках откупщиков— греков, армян и караимов. Турецкие владыки требовали от крымских татар полного себе подчинения и участия в войнах, которые Турция вела со своими противниками.

Основным источником существования крымских татар во времена турецкого господства служили доходы от войн и набегов. Главной статьей этих доходов была выручка от продажи невольников. Турки превратили Крым в международный невольничий рынок, а крымские татары являлись основными поставщиками этого «живого товара». Во время беспрерывных разбойничьих набегов на русские и украинские земли они ежегодно захватывали по несколько десятков тысяч человек в полон и распродавали на базарах Кафы и Гезлева (Евпатории) работорговцам, приезжавшим туда из разных частей света.

Суворову как представителю русского правительства приходилось проводить твердую линию в защиту русских интересов. Эта задача была не легкой. «Турецкая партия» в Крыму имела многочисленных сторонников среди татарской феодальной знати и особенно среди мусульманского духовенства, признававшего турецкого султана своим высшим духовным руководителем. Всякое мероприятие, направленное на укрепление русского влияния в ханстве, встречало яростное сопротивление со стороны протурецких элементов.

Полководец, привыкший разрешать споры с врагами своей родины на поле боя, в данном случае вынужден был использовать не свойственное для солдата оружие — тонкую дипломатию. Ему приходилось вести бесконечные устные и письменные переговоры с ханом, правительством и с отдельными феодалами, заниматься уговорами, разбирать разного рода кляузы и споры. Немало хлопот и неприятностей доставлял Суворову Шагин-Гирей.

Шагин-Гирей, хотя и являлся открытым сторонником России, которой он был обязан всем (возведением в ханы и постоянной поддержкой), был не вполне надежен и при определенных условиях мог изменить России. Суворов в одном из своих писем к Румянцеву, сообщая о взаимоотношениях с ханом, писал: «Чего же иного должно было ожидать от варварского небогатого принца, которого со

всем моим ежевременным почтением и всякого рода прозрачнейшими внушениями, в благомыслие привесть должно деньгами». [1])

Шагин-Гирей и его правительство, подстрекаемые сторонниками турецкой ориентации, нередко вступали в споры и даже в крупные ссоры с Суворовым. Поводом для ссор служили разные причины.

Суворов обнаружил, что в Крыму было задержано несколько сот невольников-христиан, которых, по соглашению с Крымским правительством, оно должно было освободить еще в 1771 г. Беи и мурзы не хотели освобождать невольников. Хан и правительство встали на сторону феодалов. Произошла ссора. По настоянию Суворова невольники все же были освобождены.

Вырастали в крупные конфликты и другие, казалось бы, совсем незначительные случаи. Один албанец-христианин женился на татарской девушке, которая в связи с этим перешла в христианскую веру. Мусульманское духовенство, подстрекаемое турецкими агентами, подняло вокруг этого «события» большой шум, потребовав расторжения брака. Албанец с женой обратились к Суворову за защитой. Полководец взял их под свое покровительство. Ханское правительство встало на сторону духовенства, но Суворов со свойственной ему принципиальностью не позволил разлучить молодоженов.

Сообщая об этом инциденте фельдмаршалу Румянцеву, он писал: «Отдача той девки противна трактату, за что правительство вошло со мной в ссору даже до угроз». [2])

Летом 1778 года, после вытеснения турецкой эскадры из Ахтиарской гавани, Суворов приступил к выполнению распоряжения о переселении в Россию всех проживавших в Крыму христиан. Рескрипт о переселении христиан был подписан Екатериной II еще в феврале месяце. Выполнение его первоначально было возложено на князя Прозоровского, но нерешительный князь не сумел справиться с поручением.

Вопрос о переселении христиан являлся сложным и деликатным. Екатерина II и Потемкин этим мероприятием решили экономически ослабить Крымское ханство и тем поставить в материальную зависимость от себя хана и его правительство.

Суворов, получив приказ о переселении, со свойственной ему быстротой и энергией приступил к его выполнению. Но

[1]) Дубровин, том III, стр. 210.
[2]) Дубровин, том I, стр. 520.

ему пришлось столкнуться со многими препятствиями. Во-первых, хан и его правительство сильно противодействовали этому мероприятию: им не выгодно было лишаться одной из самых главных статей своего дохода, так как в руках христиан находились основные виды торговли, ремесла и откупа. Во-вторых, для перевозки переселяемых требовалось большое количество подвод (несколько тысяч). В-третьих, нужно было добиться «добровольного» согласия христиан на переселение, ибо Екатерина II решила провести это мероприятие под видом спасения христиан от насилия со стороны мусульман.

Полководец сумел преодолеть все препятствия. Согласие на «добровольное» переселение он получил через духовных руководителей христиан. Для перевозки переселенцев он использовал весь военный транспорт. Труднее всего было добиться согласия хана. Суворов прибегнул к помощи Потемкина. В своем письме к нему, сообщая о поведении хана, Суворов писал: «По жалостному его состоянию следует ему определить или пенсион или навсегда одну сумму...» [1]) Получив от Потемкина соответствующие «подарки», хан и его ближние успокоились.

За короткий срок указ о переселении христиан был выполнен Суворовым.

Это мероприятие имело большое значение в подготовке решения вопроса о присоединении Крыма к России.

ОТ'ЕЗД СУВОРОВА ИЗ КРЫМА

Осенью 1778 года в Крыму наступило затишье. Задачи, возложенные на Суворова, им были полностью выполнены. Турция на время угомонилась.

Полководец, привыкший к энергичной военной деятельности, стал скучать. Его особенно угнетало то обстоятельство, что большую часть своего времени ему приходилось тратить на разрешение всяких споров и дрязг, возникавших среди татарской знати. К тому же он в то время сильно болел малярией. Суворов неоднократно обращался к Румянцеву и Потемкину с просьбой перевести его из Крыма на иную работу. В одном из писем к секретарю Потемкина Турчанинову он писал: «Дела мне здесь скоро не будет и нет, вывихрите

[1]) Дубровин, том I, стр. 520.

(вырвите) меня в иной климат, дайте работу; или будет скучно, или будет тошно... К половине января дайте работу свеженькую». [1])

В январе 1779 года Суворову разрешили кратковременный отпуск с выездом в Полтаву к семье. Но там он провел всего десять дней. Его отозвали из отпуска и дали срочное задание по осмотру Астрахано-Моздокских линий. Из Полтавы полководец выехал в Астрахань, оттуда в Кизляр, Моздок и Кубань.

После осмотра укреплений с Кубани он переехал в Бердянск, оттуда в феврале через Арабатскую стрелку возвратился в Бахчисарай.

Только в конце июля 1779 года Суворов выехал из Крыма, получив назначение командовать войсками Малороссийской дивизии. В своей автобиографии Суворов писал: «Того же года (1778) обращен я в Крым и командовал корпусами Крымским, Кубанским, на Днепре и иными войсками. Вывел христиан из Крыма в Россию без остатку, вытеснил турецкую флотилию из Ахтиарской гавани, великого адмирала Гассан-пашу и Али-бея Анатольского со всем отаманским флотом и транспортными с войском судами, коих всех по счету было больше 170, от Крымских берегов обратил назад к Константинополю воспрещением свежей воды и дров и выступил из Крыма с войсками в 1779 г.». [2])

За деятельность в Крыму А. В. Суворов был награжден звездой Александра Невского, и лично от Екатерины II была ему пожалована табакерка, осыпанная бриллиантами.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РОССИИ

Вскоре после отъезда Суворова и вывода русских войск из Крыма (1779 г.) в ханстве вновь возникли беспорядки и началась открытая борьба между сторонниками русской и турецкой ориентации. Шагин-Гирей и его правительство не только не смогли предотвратить внутренней борьбы и поддержать надлежащий порядок, но своими половинчатыми действиями способствовали разрастанию этой борьбы.

В начале 1782 года в Крыму и на Кубани вспыхнуло крупное восстание против Шагин-Гирея, возглавляемое его братом Батыр-Гиреем, которому Турция оказывала помощь.

Шагин-Гирей не сумел занять твердого положения среди феодалов Крымского ханства, и ему ничего не оставалось,

[1]) Петрушевский, т. 1, стр. 211.

[2]) Алексеев. Письма и бумаги Суворова. Из биографии Суворова.

как навсегда отказаться от ханского престола. В конце 1782 года хан и старшины, сторонники русской ориентации, обратились к Екатерине II с просьбой о принятии крымских татар в русское подданство.

8 апреля 1783 года Екатериной II был подписан рескрипт о присоединении Крымского ханства к России. После обнародования рескрипта все взрослое население ханства было приведено к присяге на верность России.

Присоединение Крыма к России являлось большим историческим событием в развитии нашей страны и переломным моментом в культурном и хозяйственном развитии Крыма. Россия получила свободный выход к Черному морю и, благодаря присоединению Крымского полуострова, заняла господствующее положение на море. Это событие имело большое прогрессивное значение в историческом развитии присоединенного края. Ф. Энгельс в письме к К.Марксу 23 мая 1851 года писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет прогрессивную роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар». [1])

А. В. Суворов принимал непосредственное участие в разрешении вопроса об окончательном присоединении Крыма к России. Его деятельность в Крыму и блестящие успехи в сражениях во время русско-турецких войн за Крым во многом способствовали прогрессивному разрешению этого исторического события.

НА ОБОРОНЕ КРЫМА

Присоединение Крыма к России вызвало бурю недовольства не только у турок, которые вообще не хотели примириться с мыслью о его потере, но и у правящих кругов ряда европейских государств, которые мечтали о приобретении Крыма в число своих колониальных владений. Особенно встревожились английские купцы, боявшиеся появления России на мировых водных путях в Средиземноморском бассейне.

Турки, подбиваемые англичанами, решили взять реванш. В 1787 г. они объявили России войну. В сентябре месяце, в районе турецкого плацдарма в устье Днепра (крепость Очаков), начались военные действия. Турецкое командование рассчитывало переправиться через Днепр, овладеть русской небольшой крепостью Кинбурн, прикрывавшей дорогу на Пере-

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 21, стр. 211.

коп, и прорваться на Крымский полуостров. Над Крымом нависла угроза турецкого вторжения. В районе Кинбурна тогда находилось незначительное количество русских войск.

Положение спас Суворов, командовавший войсками, расположенными в районах Кинбурна и Херсона. В ожесточенном сражении под Кинбурном он разбил турок. Победа, одержанная им в Кинбурнском сражении, предотвратила угрозу прорыва турок к Крыму. Турки от наступления вынуждены были перейти к обороне. Полководец и на этот раз отвел от Крымского полуострова угрозу турецкого вторжения. За победу, одержанную при защите подступов к Крыму, Суворов был награжден орденом Андрея Первозванного, кроме того, позднее ему было пожаловано «бриллиантовое перо на каску с литером К.».

Вторая русско-турецкая война за Крым, начатая осенью 1787 года, закончилась в конце 1791 года полной победой русского оружия. Героем этой войны являлся Суворов со своими «чудо-богатырями». Он первый нанес туркам поражение и закончил войну блестящим штурмом турецкой крепости Измаил.

УКРЕПЛЕНИЕ БЕРЕГОВ КРЫМА

Не успели высохнуть чернила на подписанном в декабре 1791 года мирном договоре, как турецкая военщина, поощряемая из-за границы, вновь стала брящать оружием.

10 декабря 1792 года командующим войсками, расположенными в Екатеринославской губернии и на Крымском полуострове, был назначен Суворов, уже имевший чин генерал-аншефа. Назначение Суворова на юг отрезвляюще подействовало на турецких агрессивных политиков. Русский посол в Стамбуле писал Суворову: «Один слух о бытии вашем на границах создал и облегчение мне в делах и великое у Порты впечатление; одно имя ваше есть сильное отражение всем внушениям, кои от стороны зломыслящих на преклонение Порты к враждованию нам делаются».

На полководца, кроме командования войсками, было возложено руководство строительством крепостей и укреплений на Черноморском побережье, в том числе и в Крыму. Под руководством Суворова началось строительство базы русского Черноморского флота — Севастопольской крепости. Историк Петрушевский, один из биографов Суворова, сообщает: «Сохранились подписанные им (Суворовым) планы: проект...

севастопольских укреплений, часть их строилась при нем и продвинулась вперед ощутительно, другая только начата... Из севастопольских укреплений начаты четыре форта, в том числе два казематированные». [1])

Таким образом, великий полководец был одним из первых, кто положил основание знаменитой крепости, города русской славы.

Память о Суворове дорога русскому народу, но особенно она дорога советским людям, живущим в Крыму. Суворов принимал непосредственное участие в борьбе за Крым в тот период, когда решался многовековый исторический вопрос о присоединении Крыма к России.

[1]) Петрушевский, том II, стр. 6.

Краеведческий отдел

В Крымском обкоме ВКП(б)

О работе Крымской селекционной станции

Крымский областной комитет ВКП(б) заслушал доклад директора Крымской селекционной станции тов. Кирпанова и отметил наличие серьезных ошибок в работе станции. Главная из этих ошибок заключается в том, что первичная партийная организация и коллектив научных работников станции не поняли своей роли в выполнении задач, вытекающих из плана новой Сталинской пятилетки. Вместо того, чтобы усиленно улучшать научно-исследовательскую работу и на этой основе обеспечить дальнейшее развитие агрономической науки, направленной на подъем социалистического земледелия, руководство станции проявляло аполитичность в работе: даже после утверждения закона о пятилетнем плане оно не пересмотрело тематический план и запустило научно-исследовательскую работу.

Научные работники станции были недостаточно мобилизованы на то, чтобы с максимальной добросовестностью, честностью изучать свое дело и во всей деятельности руководствоваться политикой нашей партии и советского государства.

Ни один из научных работников станции не работал над повышением своей деловой квалификации, не изучал достижений современной науки, а также не работал над повышением своего идейно-политического уровня. Никто из научных работников не работал над кандидатскими диссертациями.

Отсутствие чувства государственного долга и ответственности у многих работников станции привело к тому, что намеченный на 1946 г. тематический план не выполнен, а

тематика на 1947 год не разработана, и вследствие этого закладка опытов с осени 1946 года проводилась вслепую.

Работы над опытными посевами выполнялись несвоевременно, научные отчеты и первичная документация оформлялись неряшливо, наблюдения за опытами велись также несвоевременно и с большими ошибками, что могло привести к фальсификации опытов и обману государства. Научный персонал станции своевременно не анализировал результатов опытов: данные об урожайности 1946 года, полученные в июле, до самого последнего времени не были обработаны и не проанализированы.

Неряшливость в работе привела к тому, что элита и суперэлита озимой пшеницы урожая 1946 года были забракованы вследствие их зараженности пыльной головней. Этим станция в текущем году сорвала семеноводческую работу в области.

До сих пор еще не восстановлены перспективные сорта овсов, не переданы производству солеустойчивые сорта озимой пшеницы, имеющие особо ценное значение для районов Присивашья, крайне медленно размножаются перспективные сорта масляничного льна, нута и люцерны.

Коллектив станции не организовал работы на опорных пунктах и не имеет связи с колхозами, совхозами и райсемхозами, не помогает в работе колхозных хат-лабораторий.

Научных трудов станция не имеет и не выступает на страницах областной печати.

Парторганизация станции совершенно не занималась вопросами научной работы, беззаботно относилась к вопросам марксистско-ленинского воспитания специалистов, не организовала работу по повышению технической квалификации научных работников станции. Научные работники станции не были охвачены социалистическим соревнованием. Профсоюзная работа была запущена.

Директор станции т. Кирпанов, будучи поглощен повседневной хозяйственной «текучкой»,не осмысливал основных задач научной работы станции. Заместитель директора по научной части т. Рогачев неудовлетворительно руководил научной работой станции и сам не вел самостоятельной темы.

Областной комитет ВКП(б) отметил, что областной земельный отдел безучастно относился к работе станции, не контролировал ее работу.

Бюро областного комитета ВКП(б) обязало директора Крымской селекционной станции т. Кирпанова и его заместителя по научной части т. Рогачева немедленно принять меры к исправлению ошибок и недостатков в работе станции.

Областной комитет ВКП(б) предложил тт. Кирпанову и Рогачеву:

а) в месячный срок переработать тематический план научной работы станции в соответствии с задачами, вытекающими из закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства, уделив внимание вопросам травосеяния и травопольных севооборотов;

б) в 1947 году размножить и передать в производство необходимое количество перспективных солеустойчивых сортов озимой пшеницы, а также восстановить утерянные сорта других культур;

в) немедленно ликвидировать нарушения в методике и технике селекционной, семеноводческой и агротехнической работы, устранить неряшливость в ведении научной документации, собрать и систематизировать весь отчетный материал о научной работе станции за прошлые годы, а также обеспечить правильное хранение и использование научного архива станции;

г) организовать в течение 1946 — 47 г. г. опытные работы на трех опорных пунктах станции и при 20 колхозных хатах-лабораториях в основных районах Крыма, восстановить деловую связь с колхозами, райсемхозами и совхозами, оказывать им конкретную помощь по агротехнике, семеноводству и другим научным работам;

д) на научном совете станции обсудить вопрос о мерах по улучшению научно-исследовательской работы станции и в дальнейшем не реже одного раза в два месяца созывать научный совет для заслушивания отчетов работы отделов станции по отдельным периодам;

е) подготовить в течение 1946 г. к изданию две брошюры по борьбе с сорняками и по кормовым травам, а также в течение 1947 года составить сводный отчет о научной деятельности станции за период ее существования.

Крымский областной комитет ВКП(б) поставил перед коллективом научных работников станции задачу, чтобы в течение 1947 — 1948 г. г. каждый старший научный сотрудник станции подготовился и защитил диссертацию на звание кандидата сельскохозяйственных наук.

Областной комитет ВКП(б) обязал Красногвардейский райком ВКП(б) укрепить руководство первичной парторганизации селекционной станции, улучшить ее работу и оказывать ей систематическую помощь в проведении политико-воспитательной работы среди сотрудников станции.

Крымский обком ВКП(б) предложил первичной парторганизации селекционной станции поднять дело марксистско-ленинского образования научных работников станции, широко организовать социалистическое соревнование между отделами, группами и отдельными работниками станции за успешное выполнение тематических планов станции по выведению и быстрейшему размножению новых перспективных сортов исследуемых культур.

Крымскому областному земельному отделу предложено усилить контроль за работой станции по выполнению стоящих перед нею задач.

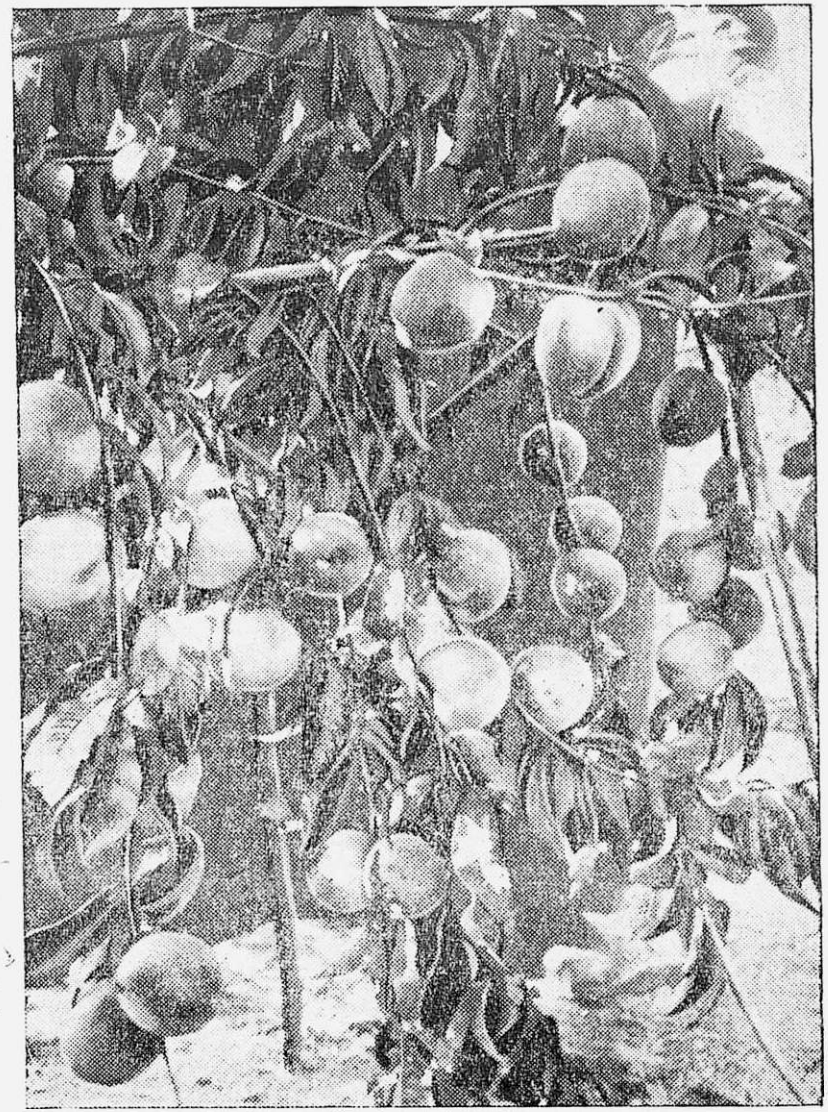
И. Рябов
Кандидат сельскохозяйственных наук

Косточковые культуры в Крыму

Крым — старейший плодовый район нашей страны. Его высококачественные яблоки и груши приобрели широкую славу не только в Советском Союзе, но и за границей. Но не только эти культуры составляют гордость Крыма. Его душистые персики, абрикосы и сочные, сладкие черешни, как в свежем, так и в переработанном виде очень высоко оцениваются трудящимися нашего Союза. Несмотря на это, Крым все-таки больше известен по своим яблокам и грушам, косточковые же культуры в его садах занимают сравнительно небольшое место. По данным 1941 г., в совхозах и колхозах Крыма числилось всего 18311 плодовых садов, из них на долю косточковых культур приходилось 2834 га, т. е. всего около 15%. По данным же 1945 г., из 15216 га садов, сохранившихся после немецко-фашистской оккупации, в социалистическом секторе под косточковыми культурами числилось 2450 га, т. е. около 16%. По количеству деревьев косточковые культуры составляли 21% от общего количества плодовых деревьев.

В чем же кроются причины такого слабого распространения косточковых культур в Крыму?

В прошлом, в дореволюционный период, это явление имело место из-за разных причин экономического характера. В то время здесь была чрезвычайно слабо развита перерабатывающая промышленность, и Крым не имел того значения «всесоюзной здравницы», какое он приобрел в период советской власти. Крымские курорты тогда были доступны лишь ограниченному кругу богатых людей и, как правило, заполнялись в конце лета, начиная с виноградного сезона, когда все косточковые культуры уже отходили. Вывоз же этих плодов за пределы Крыма, в силу тех же экономических условий был весьма ограничен, а потребность местного населения в абрикосах, вишнях и т. д. исчерпывалась заготовками их впрок в виде сухофруктов, повидла и прочих продуктов.



Ветка персика „Краснощекий Никитский", обильно покрытая плодами

За период советской власти абсолютная площадь косточковых культур в Крыму увеличилась, но процентное отношение изменилось очень мало.

В настоящее время площадь садов под косточковыми культурами по всем категориям хозяйств по Крыму в целом все-таки чрезвычайно мала: она составляет всего 3590 га. Недостаточно использованы под плодовые насаждения приусадебные участки колхозников, рабочих и служащих. Лишь около 30% колхозных дворов имеют плодовые насаждения на приусадебных участках; в среднем по Крыму на одно хозяйство приходится всего 5—6 деревьев. Отсутствие внимания к агротехнике косточковых культур привело к чрезвычайно низкой их урожайности, в то время как при высокой агротехнике косточковые культуры обычно дают урожай не менее семячковых. Сортовой состав этих насаждений ограниченный и односторонний; по срокам созревания он не обеспечивает поступления плодов в течение сезона.

Малые площади косточковых культур не позволяют хорошо снабжать санатории, дома отдыха и промышленные центры Крыма вишнями, абрикосами и другими плодами даже в самые урожайные годы, а имеющийся урожай обычно поступает в течение сезона очень неравномерно. Существующие консервные заводы получают очень мало сырья косточковых пород для консервирования, в особенности для высококачественных компотов.

Можно ли дальше мириться с таким состоянием косточковых культур в Крыму? Такое положение не может быть оправдываемо никакими причинами.

Крымские плодовые хозяйства издавна специализировались на выращивании яблок и груш. Поддержание этого направления и на дальнейшее время является правильным. Однако необходимо учесть, что Крым за советский период стал крупным промышленным центром, а также «всесоюзной здравницей», с огромными потребностями в свежих и переработанных плодах в течение круглого года. К тому же эти потребности, в соответствии с намечающимися перспективами развития промышленности и курортов, значительно увеличатся в будущем. Конечно, удовлетворение их мыслится только за счет местной базы.

Между тем разрешение проблемы снабжения свежими фруктами «всесоюзной здравницы», рабочих и служащих возможно лишь в том случае, если значительная доля материала будет состоять из плодов косточковых культур. По крайней мере в течение четырех месяцев в году (с июня

по октябрь) эти культуры должны иметь ведущее место в свежем фруктовом рационе трудящихся Крыма и особенно в течение июня—июля, когда других плодов в Крыму еще не бывает.

Значение Крыма в отношении выращивания плодов косточковых культур далеко не исчерпывается снабжением трудящихся только в его пределах.

Крым по своим природным условиям является чрезвычайно благоприятным районом для разведения таких высококачественных южных плодовых культур, как персики, черешни, миндаль, а также инжир. Советский Союз при всей обширности его территории и разнообразии климатов имеет сравнительно мало таких районов, как Крым, где указанные культуры могут разводиться в широких размерах. Следовательно, с Крыма ни в коем случае не может быть снята задача снабжения городов и промышленных центров Союза такими плодами, как персик, черешня, абрикос, инжир. Отсюда вытекает народно-хозяйственное значение Крыма в деле снабжения плодами косточковых культур всего нашего Союза.

Размер посадок косточковых культур в Крыму должен быть значительно увеличен и доведен по крайней мере до 30% площади товарных садов социалистических хозяйств. Вполне целесообразно и реально иметь по Крыму в целом в течение самого ближайшего периода не менее 5000 га товарных косточковых насаждений. На приусадебных же участках число плодовых посадок должно быть по крайней мере удвоено с тем, чтобы в каждом хозяйстве, в среднем по Крыму, имелось хотя бы по 10 — 15 деревьев. Таким образом, в ближайшее время общая площадь плодовых насаждений на приусадебных участках Крыма может увеличиться примерно с 1500 до 3000 га, из которых не менее 2500 га должно приходиться на косточковые культуры.

Но не только этим определяется важность развития косточковых культур. Целый комплект агробиологических свойств выгодно выделяет их среди других плодовых. Сюда в первую очередь следует отнести их сравнительно раннее вступление в пору плодоношения. Если семячковые плодовые культуры, привитые на дичках, обычно вступают в пору плодоношения на 8—9-й, а чаще всего на 10—12-й год после посадки (и только на карликовых подвоях они вступают в плодоношение на 5—6-й год), то такие косточковые культуры, как слива и абрикос, обычно вступают в пору плодоношения на пятый год, черешни на 4—5-й год, а персики на третий год.

Наличие сортов с разными сроками созревания плодов, от самых ранних до поздних, позволяет практически ставить вопрос о создании бесперебойного снабжения плодами в течение по крайней мере 4-х месяцев. При соответствующем наборе плодовых культур с обязательным участием косточковых пород, можно добиться в пределах одного хозяйства не только бесперебойного поступления плодов в течение по крайней мере 4-х месяцев (от конца мая для черешен до конца октября для персиков). но, что не менее существенно, и равномерной затраты рабочей силы в течение всего сезона, в особенности в период реализации плодов. Это положение имеет огромное практическое значение для крупных социалистических хозяйств.

Помимо свойств раннего вступления в пору плодоношения, персики отличаются непродолжительным периодом своей продуктовой жизни и сравнительно не крупными размерами деревьев. Эта особенность данной породы широко позволяет использовать ее в качестве временной промежуточной культуры в рядах основной посадки пород с крупными размерами деревьев. При таком способе размещения более продуктивно используются земельные площади и более быстро возвращаются расходы, понесенные при закладке сада.

Наконец, следует отметить сравнительно высокую засухоустойчивость большинства косточковых плодовых культур, особенно при применении засухоустойчивых подвоев, какими являются для черешни и вишни магалебская вишня («антипка»), а для персика — миндаль.

Все это вместе взятое выгодно выделяет косточковые культуры не только для создания длительного и бесперебойного снабжения свежими плодами, но и для наиболее продуктивной организации труда в крупных социалистических хозяйствах.

Тем не менее, остается в силе ряд возражений против этих культур, основанных на их некоторых биологических особенностях, каковы, например, нежность плодов большинства косточковых пород (по сравнению с яблонями и грушами), требующая специфических приемов обращения при их сборе, упаковке, хранении и транспортировке; сравнительно непродолжительная лёжкость при хранении и транспортировке, требующая быстрой доставки на места потребления, а при более длительной транспортировке—применения холодильников, изотермических вагонов, авиатранспорта и т. д.

Но эти возражения едва ли выдерживают критику, особенно в свете намечающихся у нас перспектив развития транспор-

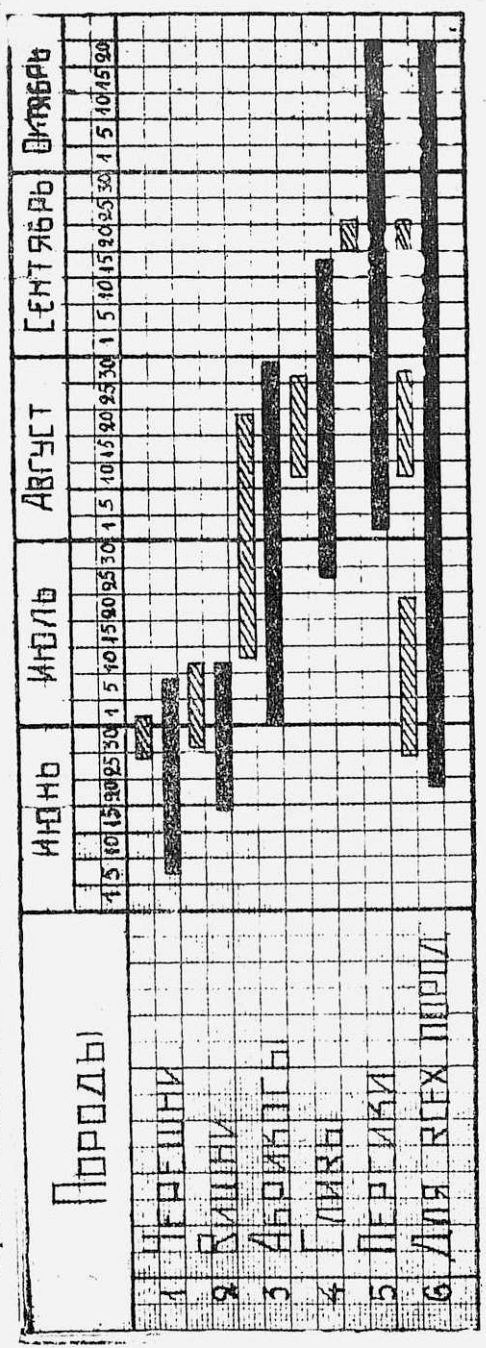


График созревания плодов старых крымских сортов косточковых пород и новых сортов, выделенных для Крыма Никитским Ботаническим садом им. Молотова.

Условные обозначения: крымский сортимент

Сортимент, выделенный Никитским садом

та, холодильного дела и технической переработки плодов. Даже и в современных условиях нет никаких препятствий для развития косточковых культур в Крыму в необходимом размере.

Говоря об этом, всегда хочется указать на пример Калифорнии, как одного из районов США, приближающегося по своим климатическим условиям к Крыму. В Калифорнии косточковые культуры занимают положение наравне с семячковыми, если не большее, причем культура персика занимает второе место после яблонь.

Какие же практические мероприятия сейчас требуются для восстановления насаждений косточковых культур в Крыму и для дальнейшего успешного их развития? Конкретные мероприятия можно наметить лишь для каждого конкретного случая в отдельности, так как каждый сад в этом отношении имеет свои особенности. Здесь же можно говорить лишь о некоторых общих мероприятиях.

Прежде всего необходимо признать равноценность косточковых культур в Крыму с семячковыми и изменить взгляд на косточковые культуры, как на второстепенные. Необходимо провести обследование существующих косточковых насаждений и установить площади, с которых нельзя получать в дальнейшем устойчивых урожаев; для перспективных же насаждений необходимо разработать наиболее рациональную агротехнику, включая сюда весь комплекс мероприятий по борьбе с вредителями и болезнями. Все засохшие деревья должны быть срочно удалены вместе с корнями и уничтожены, живые же деревья должны быть тщательно очищены от сухих веток.

При восстановлении изреженных старых насаждений следует применять в отдельных районах подсадку персиковых деревьев, а в отдельных случаях черешен и вишен на магалебской вишне. Следует обязательно восстановить ветроломные линии и ветрозащитные насаждения там, где по каким-либо причинам они отсутствуют или нарушены; особенно это имеет значение для степных и предгорных районов Крыма.

Дальнейшее развитие косточкового плодоводства в Крыму требует обследования свободных земель для выявления пригодных под косточковые культуры. При закладке новых садов следует строго соблюдать все требования агротехники как по предварительной обработке почвы, так и в выборе посадочного материала и уходе за молодыми садами. Необходимо помнить, что в Крыму говорить уверенно о развитии косточковых культур в промышленных размерах можно

только при наличии орошения, мелкие же насаждения в отдельных районах Крыма могут закладываться и на ограниченно орошаемых и даже неполивных землях. Широкие возможности имеются для плодовых насаждений на приусадебных участках во всех районах Крыма. Довольно значительным резервом земель, пригодных для расширения косточковых культур в предгорной зоне Крыма, являются склоны долин основных рек. Освоение их связано с устройством террас и применением специфической агротехники. Наилучшими породами для этих склонов будут абрикосы, персики, черешни и вишни.

В соответствии с планом восстановления и развития косточкового плодоводства необходимо организовать размножение в соответствующем ассортименте. С этой целью следует создать сеть районных питомников, разместив их во всех основных плодовых районах Крыма. При каждом питомнике должны быть созданы маточные сады в сортах, принятых для размножения. Организация районных питомников не исключает существования Центрального Крымского питомника, а наоборот, усиливает его роль, как руководящего центра.

Для внедрения новых сортов необходимо организовать сеть испытательных участков из перспективных сортов, из них в первую очередь выделенных Никитским Ботаническим садом им. Молотова, выбирая для этой цели наиболее типичные для района данного хозяйства. С этой же целью необходимо восстановить сеть колхозных хат-лабораторий и совхозных агрокабинетов, подняв их роль до уровня агроучастков и первичных ячеек опытных учреждений. Основной задачей их должно быть внедрение в производство наиболее рациональной агротехники и новых сортов применительно к местным условиям. Это должно быть неотъемлемой частью работы агрономов, которые обязаны привлечь к ней местных любителей и опытников-мичуринцев.

Не приходится сомневаться в том, что при соответствующем внимании косточковые плодовые культуры в Крыму в ближайший период получат новый толчок к мощному развитию и в надлежащем сочетании с семячковыми культурами приумножат славу крымского плодоводства.

В. Сергеенко

Зам. директора по научной части Крымской плодово-ягодной опытной станции

Способы ликвидации периодичности в плодоношении садов

Крымские плодовые сады имеют огромное народно-хозяйственное значение. Благоприятные климатические и почвенные условия позволяют выращивать здесь лучшие в мире сорта яблок и груш, которые являются незаменимым питательным и целебным продуктом для сотен и тысяч отдыхающих на курортах Крыма и для населения промышленных областей нашей страны.

Партия и советское правительство всегда уделяли огромное внимание крымскому садоводству. Достаточно сказать, что к 1941 году в нашей области насчитывалось около 20 тысяч гектаров садов, большинство из которых уже плодоносило, причем в среднем с каждого гектара сада убиралось ежегодно до 50 центнеров фруктов. Отдельные колхозы и совхозы, которые своевременно и достаточно полно проводили все агротехнические мероприятия, получали по 100 центнеров и даже до 200 и более центнеров фруктов с каждого гектара.

Но, к сожалению, крымские сады плодоносили не каждый год. Как правило, если один год был урожайный, то другой год деревья почти не давали плодов. Многие десятки лет плодоводы считали, что это явление вполне закономерное, и даже не пытались найти способы борьбы с этой так называемой периодичностью в плодоношении. Только с 1934 года по инициативе передовых плодоводов Крыма Топлынская опытная плодово-ягодная станция, Крымский сельскохозяйственный институт им. М. И. Калинина и многие специалисты начали изучать причины периодичности в плодоношении, и пришли к выводам, что эта периодичность является

результатом плохой агротехники и отсутствия должного ухода как за садами вообще, так и за каждым деревом в отдельности. Было установлено также, что именно отдельные деревья по некоторым причинам, о которых будет сказано ниже, в течение ряда лет ежегодно давали высокие урожаи.

Таким образом, начиная с 1934 года, вопросы ликвидации периодичности плодоношения, в частности у яблони, основной породы крымских садов, стали важнейшей задачей совхозов, колхозов, научных и хозяйственных организаций. Улучшая и вводя диференцированную агротехнику в уходе за садами, многие колхозы и совхозы уже в первые годы борьбы за ежегодное плодоношение деревьев добились положительных результатов. Количество ежегодно плодоносящих деревьев яблони стало увеличиваться. Так, в 1936 году в 10 колхозах, где наша станция заложила опыты, уже насчитывалось 3502 дерева, которые ежегодно давали высокий урожай.

Аналогичная работа проводилась в садах совхозов. Так, в 1935 году в садах первого отделения совхоза «Мариано», Белогорского района, два года подряд плодоносило около 10 тысяч деревьев. На опорном пункте станции, в совхозе «Весна», Нижнегорского района, ежегодно в течение двух-трех лет плодоносили 1120 деревьев. Колхозы и совхозы добились высокой урожайности с этих деревьев. В совхозе «Мариано» в указанные выше годы урожайность составляла по отдельным сортам от 150 до 300 центнеров с гектара, а в совхозе «Весна»—от 140 килограммов с дерева (шампанский ренет) до 240 килограммов (сары-синап). В 1941 году в колхозах и совхозах Крыма уже насчитывались десятки тысяч плодовых деревьев, которые плодоносили каждый год.

К сожалению, такое ежегодное плодоношение этих деревьев не было устойчивым. За редким исключением оно продолжалось не более 2—3 лет подряд. В дальнейшем из-за ослабленного ухода они вновь возвращались к периодичному плодоношению.

Изучая на протяжении 10 лет условия ежегодного плодоношения и причины периодичности, научные работники станции установили, что все сорта яблонь могут и должны плодоносить каждый год. Установлено также, что валовой сбор плодов с ежегодно плодоносящих деревьев за несколько лет подряд больше, а качество плодов лучше, чем при периодичном плодоношении. Отсюда вывод, что в ликвидации

периодичности плодоношения заключается важнейшая народно-хозяйственная задача колхозов и совхозов Крыма.

Заботами нашей партии и советского правительства крымское плодоводство, потерпевшее за годы немецко-фашистской оккупации колоссальный урон, начинает успешно восстанавливаться. И уже наступило время, когда Крым должен снова включиться в повседневную упорную борьбу за ежегодное плодоношение каждого дерева сада.

ПРИЧИНЫ ПЕРИОДИЧНОСТИ И УСЛОВИЯ ЕЖЕГОДНОГО ПЛОДОНОШЕНИЯ ЯБЛОНИ

Многолетние исследования в области агротехники и биологии яблони установили, что периодичное плодоношение ее есть результат ненормальных условий питания дерева. При периодичности плодоношения получение деревом питательных веществ и расходование их по двум смежным годам проходит не одинаково. Дело в том, что для образования цветочных почек яблоне нужны те же питательные вещества, которые используются деревом на общий рост, на формирование веток и на развитие плодов, причем наибольшее количество питательных веществ расходуется при цветении дерева. Поступление же питательных веществ во многом зависит от величины листовой поверхности.

При периодичном плодоношении величина листовой поверхности дерева по двум смежным годам изменяется. Так, в неурожайном году количество листьев, их размер, а отсюда и общая листовая поверхность периодично плодоносящих деревьев значительно больше, чем в урожайном году. Это и вызывает в неурожайном году намного большее поступление в дерево питательных веществ (углеводов), чем в урожайном. Расходование же питательных веществ в такие годы, вследствие отсутствия цветения, а затем и плодов, значительно меньше, чем в урожайные. Избыток питательных веществ приводит к обильной закладке цветочных почек, а затем и к чрезмерному цветению, являющемуся основной причиной периодического плодоношения. Таким образом, если добиться умеренного, нормального цветения плодового дерева, при котором образуется не более 60 процентов плодов, то огромное количество питательных веществ, которые идут на бесполезное цветение, поступит на образование вегетативной массы, в частности, листового аппарата, способствующего закладке цветочных почек для урожая следующего года.

И действительно, при ежегодном плодоношении сила вегетативного роста, величина листовой поверхности и внутренний питательный режим деревьев по двум смежным годам изменяются очень мало, сила же роста, урожайность и особенно качество плодов значительно лучше, чем у деревьев, которые плодоносят через год. Таким образом, ежегодное плодоношение способствует как повышению урожайности, так и повышению качества плодов.

Это подтверждается опытами, проводимыми в садах станции, где урожайность ежегодно плодоносящих деревьев в течение 3—5 лет подряд была больше урожайности периодично плодоносящих деревьев: у шампанского ренета на 91,3 процента, у сары-синап на 40,1 процента, у розмарина белого на 60 процентов и у орлеанского ренета на 24 процента.

КАК ЛИКВИДИРОВАТЬ ПЕРИОДИЧНОСТЬ В ПЛОДОНОШЕНИИ

Необходимым условием для ежегодного и устойчивого плодоношения деревьев является высокая агротехника, т. е. своевременная обработка почвы, внесение удобрений, правильное орошение, тщательная защита деревьев от вредителей, болезней и весенних заморозков. Только эти мероприятия могут вызвать у деревьев хороший прирост побегов, большую здоровую листовую поверхность и обильный прирост корневых мочек.

Согласно многолетним исследованиям станции, эти внешние морфологические признаки являются показателями здоровья и хорошего внутреннего питательного режима дерева. Вызвать их развитие чрезвычайно важно, ибо только у здоровых, хорошо питающихся деревьев воздействием специальных агромероприятий легко можно вызвать ежегодное и устойчивое в дальнейшем плодоношение. Ослабленные и угнетенные деревья надо предварительно хорошо подкормить, вызвать у них годичные приросты ветвей длиной не менее чем от 20 до 40 см и лишь тогда, применяя к ним специальные агровоздействия, переключать их на ежегодное плодоношение. Такими специальными агровоздействиями являются: применение по двум смежным годам различных способов обрезки, внесение азотистых удобрений, нормировка цветочных почек или соцветий.

Выше отмечалось, что и раньше наблюдались случаи, стихийного ежегодного плодоношения яблоневых деревьев. Как показали исследования, это являлось результатом уменьшения силы цветения, вследствие частичного повреждения цветков весенними заморозками или же вредителями. Уничтожение части цветков приводило к умеренному цветению, нужному для ежегодного плодоношения, но оно продолжалось два-три года и в дальнейшем утрачивалось вследствие того, что в садах не проводились особые агротехнические мероприятия, которые нужны для этой цели. Наоборот, в садах с высокой агротехникой, вызывающей у деревьев хороший рост, ежегодное плодоношение продолжалось в течение более длительного времени.

Уменьшение силы цветения деревьев под влиянием весенних заморозков или же повреждений вредителями, конечно, нельзя считать положительным явлением. Весенние заморозки и вредители при отсутствии борьбы с ними могут уничтожить все цветы, весь урожай. Однако наличие подобных явлений подтверждает всю важность уменьшения силы цветения в целях переключения деревьев с периодичного на ежегодное плодоношение.

Десятилетний опыт нашей станции, а также данные научно- исследовательских учреждений ряда стран показали, что специальные агротехнические мероприятия, уменьшающие силу цветения деревьев, способствуют возникновению у периодично плодоносящих деревьев ежегодного плодоношения.

Особо важное значение при этом имеет усиленный режим питания. Он создается применением в садах мероприятий для улучшения структуры почвы и повышенных норм органических и минеральных удобрений. Так, в садах, обеспеченных орошением, наибольший эффект дает сплошной или полосный посев люцерны на 2—3 года с дальнейшим содержанием почвы в течение стольких же лет под черным паром. В садах, не полностью обеспеченных орошением, лучшей системой является черный пар с посевом во вторую половину лета сидератов трав для запашки или же мульч из соломы и травы, укладываемый под пологом кроны. Во всех случаях необходимо вносить под зяблевую пахоту на каждый гектар по 20 тонн навоза, 400 кг суперфосфата и 75 кг сорокапроцентной калийной соли. Весной за 10 дней до цветения надо внести в почву по 300 кг на гектар сульфат-аммония и в течение лета произвести 2—3 подкормки азотом.

Когда у деревьев установится хороший рост, следует перед неурожайным годом производить сильную обрезку и перед урожайным очень умеренную. Сильная обрезка должна состоять из прореживания кроны, укорачивания всех побегов с удалением от половины до двух третей их длины и из прореживания сложных кольчаток с вырезкой от одной трети до половины их веточек. В течение неурожайного года надо сделать не менее четырех подкормок деревьев азотом. Сильная обрезка уменьшит содержание углеводов, а усиленные подкормки азотом увеличат содержание его в древесине деревьев.

Эти мероприятия создадут условия для закладки в неурожайном году умеренного количества цветочных почек. Перед следующим урожайным годом обрезка, в целях большего накопления углеводов в урожайном году, должна быть очень умеренной. Она должна состоять лишь в прореживании кроны. Большее накопление углеводов в этом случае необходимо для закладки цветочных почек. С этой же целью азот надо вносить в урожайном году лишь во второй половине лета, после того, как у деревьев началась закладка цветочных почек. Это потому, что избыток азота может помешать их закладке.

Если и при этих мероприятиях некоторые деревья будут упорно оставаться в периодичном плодоношении, у них надо обломать часть цветочных почек или же сделать прореживание соцветий.

Применением вышеизложенной агротехники на 3405 деревьях, имеющихся в садах станции, к 1936 году было переключено на ежегодное плодоношение 285 деревьев, а к 1941 году — 1432 дерева, или 42 процента от их общего количества. Из этих деревьев 310 сохранили ежегодное плодоношение до 1946 года, несмотря на полное отсутствие ухода за садами в годы временной оккупации Крыма немецко-фашистскими захватчиками.

Урожайность сада после переключения деревьев с периодичного на ежегодное плодоношение в так называемые «неочередные годы» увеличивалась. Так, урожай плодов с одного гектара поднимался последовательно с 14 центнеров в 1933 году до 41—42—48 центнеров в 1935-37-39 годах и до 83 центнеров в 1941 году, увеличившись таким образом в шесть раз по сравнению с 1933 годом, когда станция получила свою экспериментальную базу в Топлах. В «очередные годы» уро-

жай в садах станции в среднем с одного гектара составлял от 190 до 304 центнеров.

Многолетняя средняя урожайность плодоносящих деревьев в садах станции составляла: у сары-синапа 577 кг с каждого дерева, у шампанского ренета—470 кг. Это подтверждает возможность получения с каждого гектара ежегодно плодоносящих деревьев от 470 до 580 центнеров прекрасных крымских плодов.

Борьба за ежегодное плодоношение фруктовых деревьев имеет огромное народно-хозяйственное значение, и этого можно добиться при условии своевременного выполнения всех агротехнических мероприятий, разработанных передовой советской наукой и практикой наших колхозов и совхозов.

И. Нуждин

Кандидат сельскохозяйственных наук

Орошение в крымских садах

В условиях сухого климата Крыма орошение садов является исключительно действенной мерой борьбы за высокие и устойчивые урожаи. Опыты Крымской опытно-мелиоративной станции исчерпывающе подтвердили, как велика роль орошения в наших садах.

Свою работу по изучению режима и техники орошения садов Крымская опытно-мелиоративная станция проводила на землях совхозов и колхозов Крыма.

Результаты ее работы настолько показательны, что заслуживают немедленного применения. Характерной чертой этих исследований является полная увязка вопросов орошения с комплексом всех агротехнических мероприятий по уходу за садами. Именно это и обеспечило на опытных участках получение высоких и устойчивых урожаев фруктов.

Режим и техника орошения яблоневых садов Крыма изучались станцией в совхозах «Мариано» и им. Чкалова, а груш— в совхозе «Алушта» и колхозах им. Коминтерна и «Память Ильича».

Опытно-мелиоративный участок в совхозе «Мариано» вел свою работу в течение трех лет—1934—1936 гг. Участок был расположен на террасе долины реки Тана-Су, одного из притоков реки Биюк-Карасу, в двух километрах от Белогорска. Под опыты было отведено 25 га. Изучались преобладающие в плодовых садах предгорий Крыма сорта яблонь — сары-синап и орлеанский ренет. Возраст деревьев опытного сада— 24 года.

Исследования фактического водопользования в садах долины реки Карасовки показали, что садам дается 3—4 полива: в апреле или мае, в середине июня, в конце июля и в середине августа. Полив производится по чашкам диаметром от 5 до 6,5 м. Нормы полива колеблются от 600 до 1500 кубических метров на 1 га. Уход за садами производится обычно в пределах чашек. Междурядья сада находятся чаще

всего под естественным травостоем, а в молодых садах они занимаются овощными культурами. Урожаи в совхозе колебались от 16 до 70 центнеров с 1 га.

Мариановский опытный участок поставил перед собой задачу изучить нормы, сроки и способы полива, обеспечивающие в сочетании с высокой агротехникой по уходу за садами ежегодно высокие урожаи.

На опытном участке полив садов производился также по чашкам. Осенью, как обычно, их перекапывали, весной рыхлили и вносили минеральные удобрения. После полива производилось рыхление корки. В течение весны и лета велась борьба с вредителями и болезнями плодовых деревьев.

При изучении норм полива испытывались нормы: в 300, 500 и 700 кубических метров на 1 га. Всем вариантам давались обычные четыре полива в стандартные сроки: в середине мая, после очистки завязи, в конце июня, в период наиболее сильного роста вегетативных органов, в конце июля, в период формирования плодовых почек, и в конце августа, в период окончания формирования плодов.

В результате исследований оказалось, что в среднем за три года по сорту орлеанский ренет при норме полива в 300 кубических метров на 1 га получен урожай в 276,7 центнера с га, при норме в 500 кубических метров — 259,6 центнера с 1 га, и при норме в 700 кубических метров на 1 га получен урожай только 298,1 центнера, хотя воды на орошение израсходовано в 2,3 раза больше в сравнении с поливной нормой в 300 кубических метров. В 1934 г. участки, поливаемые нормой в 300 кубических метров, дали урожай 508,6 центнера с 1 га, а поливаемые нормой в 700 кубических метров только 476,6 центнера с га. По сорту сары-синап наибольший средний урожай за три года в размере 219,2 центнера с 1 га был получен с участков, орошаемых нормой полива в 500 кубических метров на 1 га. В 1936 г. на всех трех участках, поливаемых разными нормами (в 300—500—700 кубических метров на гектар), получен почти одинаковый урожай 356,5 — 353,8 центнера с 1 га.

Параллельно с величиной урожая, в зависимости от нормы полива, изучалось также и качество плодов — их сахаристость и кислотность. Орлеанский ренет дал наибольший выход первого сорта (47,5%), наименьший процент брака (2,7%), наибольшую сахаристость плодов (13,7%) и наименьшую кислотность (0,3%) при норме полива в 500 кубических метров воды на 1 га. Правда, и при норме в 300 кубических метров на 1 га получены очень близкие к этим результа-

ты: выход первого сорта 44,7%, сахаристость 13,51%, кислотность 0,35%. Средний вес плода при норме в 300 кубических метров—101 г и при норме в 500 кубических метров—100 г.

Подобные результаты получены и по сорту сары-синап.

В условиях Крыма с его малой водообеспеченностью и большими перспективами развития плодовых насаждений важнее оросить вдвое большую площадь небольшими поливными нормами и собрать в конечном счете значительно больше плодов, нежели при больших поливных нормах иметь вдвое меньшую площадь поливных садов.

Таким образом, для предгорных яблоневых садов Крыма, произрастающих в аналогичных совхозу «Мариано» природных условиях, можно принять норму полива от 300 до 500 кубических метров воды на 1 га.

На опытном участке в течение трех лет производилось также изучение сроков полива садов. В основу опытов был взят сорт сары-синап.

Стандартная схема полива садов в Крыму не совсем отвечает характеру стока рек Крыма.

Основная масса воды в реках, составляющая 75—90% нормы годового стока, проходит в зимнее время и ранней весной. Поэтому к испытанию были приняты такие схемы полива, которые отвечали бы режиму стока рек Крыма. Во всех вариантах для каждого полива была принята норма в 700 кубических метров на 1 га.

К испытанию были намечены четыре варианта с различными сроками полива садов. В первом варианте поливы давались в апреле, мае, июне и августе. В следующем варианте изучались поливы в мае, июне, июле и в августе, затем испытывались ранне-весенние поливы в марте и зимние поливы в декабре.

Оказалось, что участки сада, поливаемые в апреле, мае, июне и августе, дали урожай в 1934 г. в 412 центнеров плодов с 1 га и в 1936 г.—438 центнеров с 1 га, в то время как на участках, поливаемых в мае, июне, июле и августе (принятая в Крыму стандартная схема полива садов), был получен урожай в 1934 г. в 375 центнеров с 1 га и в 1936 году—403 центнера. На участках с ранне-весенним поливом садов, в марте, был получен урожай в 1936 г. 421 центнер с 1 га и с зимним поливом, в декабре, (остальные поливы давались в мае, июне и августе) был получен урожай в 410 центнеров с 1 га.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что ранне-весенние мартовские поливы создают в почве достаточный запас воды, обеспечивающий плодовые деревья влагой в

первую половину лета. Наконец, испытанный в 1936 г. зимний полив в декабре месяце дал также хорошие результаты как по величине урожая, так и особенно по его качеству.

Это очень важно для орошаемого земледелия Крыма, так как, исключая июньские или июльские поливы в садах, когда в реках Крыма мало воды, можно использовать в это время воду для нормального полива табака, овощных и других культур.

Вопросы режима орошения яблоневых садов Крыма изучались также и на Альминском опытно-мелиоративном участке в совхозе им. Чкалова.

Участок был организован в 1935 г. на отделении совхоза «Алмачик». Под опыты было отведено 7,5 га 19-летнего по возрасту сада.

Изучалось влияние орошения дождеванием на урожаи и качество плодов яблонь розмарин, шампанский ренет и кандиль-синап.

До закладки опытов урожаи плодов на опытном участке были очень низки: в 1931 г. здесь было собрано 25 центнеров с 1 га, в 1933 г.—45 центнеров и в 1934 г.—всего 10 центнеров.

Начиная с 1935 г., т. е. с начала опытов, благодаря хорошей агротехнике, внесению органических и минеральных удобрений, подкормкам и правильному орошению, урожаи плодов резко возросли. При изучении норм для всех вариантов было принято четыре полива в стандартные сроки.

В 1936 г. урожай плодов был получен очень малый, так как февральские заморозки уничтожили плодовые почки по всем сортам.

Наибольший средний урожай за 1935 и 1937 годы, в размере 248 центнеров с га, получен при поливе дождеванием нормой в 700 куб. метров на 1 га, а на участках, поливаемых нормой полива в 400 куб. метров, получено 208 центнеров с га. Но качество плодов оказалось ниже на участках, поливаемых нормой в 700 кубических метров на 1 га: сахаристость 10,05% и кислотность 0,45%, а на делянках, поливаемых нормой в 400 кубических метров на 1 га, сахаристость плодов была равна 10,45% и кислотность — 0,41%.

Следовательно, прирост урожая в первом случае (норма 700 куб. метров на 1 га) составляет всего 40 центнеров, или на 19,2% больше урожая, полученного с делянок, поливаемых нормой в 400 куб. метров, а затрачено воды на полив было в 1,6 раза больше, то-есть прирост урожая не пропорционален затратам воды на орошение. Данные о качестве плодов также

говорят о преимуществе нормы полива дождеванием для яблоневых садов в 400 кубических метров на гектар.

Опыты с изучением орошения сада дождеванием велись на участке с сортом шампанский ренет с 1935 г. по 1940 г. Целью этих опытов являлось выяснить влияние дождевания на урожайность плодовых деревьев, а также выявить общую эффективность дождевания как нового способа полива.

Сводные результаты по урожайности яблонь шампанский ренет в зависимости от способа полива получены такие:

Способ полива	Урожай в центнерах с 1 га						
	1935 г	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	Средний за 6 лет
Дождевание	179,3	нет урожая	258,3	144,0	307,1	31,8	153,4
По чашкам или бороздам	172,1	„	219,6	162,0	257,4	45,7	142,8

ПРИМЕЧАНИЕ: Низкая урожайность в 1940 г. объясняется морозной зимой. Цветение весной 1940 г. было сильным, а полезной завязи было всего 4—7 процентов.

При орошении дождеванием средний прирост урожая за 6 лет равняется 10,6 центнера с 1 га, или 6,9 процента. В отдельные годы (1937 и 1939) прирост урожая составил около 40—50 центнеров с 1 га.

При поливе дождеванием равномерно увлажняется не только вся почва сада, но и атмосфера, окружающая дерево, и само дерево. Это несомненно оказывает благоприятное влияние на развитие деревьев и ведет к повышению урожая.

Помимо этого, в сравнении с применяемым в садах Крыма способом полива по чашкам, дождевание оказывается и более эффективным по затратам труда и средств на орошение.

В 1936 г. в совхозе им. Чкалова были подсчитаны производственные расходы на 1 га при разных способах полива. Оказалось, что стоимость орошения сада за лето при дождевании 154 руб. на 1 га, а при поливе по чашкам 453 руб. Затраты труда на орошение при дождевании 9,5 человеко-дней, а при поливе по чашкам 65,5 дней.

Такая значительная разница в затратах труда объясняется тем, что при поливе по чашкам много времени тратится на ремонт и уход за мелкой сетью, а при поливе дождеванием эти расходы почти исключаются.

В условиях Крыма с его расчлененным рельефом и слабой водообеспеченностью полив дождеванием имеет большие преимущества по сравнению с обычными способами полива.

Проведенные исследования показали также, что при дождевании плодовых деревьев в дневные часы, в солнечную жаркую погоду, ожогов листьев и вообще каких-либо повреждений деревьев не наблюдалось. Пораженность листьев яблонь шампанского ренета пятнистостью была значительно ниже, чем при орошении поверхностными способами полива.

Режим орошения грушевых садов Крыма изучался на Алуштинском опытно-мелиоративном участке совхоза «Алушта» и в колхозах пригородной зоны города.

Грушевые сады района поливались по чашкам диаметром от 1,5 до 4 метров. Нормы полива колебались от 423 до1148 кубических метров на 1 га. Поливов дано 4—5 за лето в такие сроки: первый полив 15—20 апреля, до цветения; второй полив 10—15 мая, после цветения; третий полив 10—15 июня, в период формирования плодовых почек; четвертый полив с 10 по 15 июля и пятый полив с 20 по 25 августа, в начале созревания плодов. Урожаи плодов колебались от 82 до 105 центнеров с 1 га.

Опыты с изучением норм полива были начаты в 1934 г. на участке сада в возрасте 45 лет. Осенью 1934 г. было внесено на 1 га 100 центнеров навоза и 4 центнера суперфосфата. После этого сад был перепахан, в начале марта внесена калийная соль из расчета 1 центнер на 1 га. В течение весны и лета велась борьба с вредителями и болезнями. Удобрения вносились и в последующие годы.

Изучались нормы полива в 400 и 700 кубических метров на гектар при четырех поливах по каждому варианту.

За все годы исследований груши сорта «рояль» дали наибольший урожай—в среднем 333 центнера с га. Этот урожай получен при норме полива в 700 кубических метров на 1 га, а при норме полива в 400 кубических метров урожай равен 289 центнеров с 1 га. По сорту «Вильямс Кюрре» наилучшей по урожайности оказалась норма полива в 400 кубических метров на 1 га. При этой норме полива получено в среднем 232 центнера с га, а при норме полива в 700 кубических метров — 203 центнера.

По удельной затрате воды на 1 центнер урожая преимущество по обоим сортам остается за нормой в 400 кубических метров на 1 га. Автор отчета о работе участка за 1936 г. А. В. Вольский отмечает, что по сорту «Вильямс» на делянках с нормой полива в 700 кубических метров на 1 га наблюдается некоторая угнетенность деревьев, выражающаяся в более светлой окраске листьев и меньшем приросте вегетативных побегов.

Качество плодов груш сорта «Вильямс» было ниже на делянках, поливаемых нормой в 700 кубических метров на 1 га.

Например, в 1936 г. сухое вещество при норме в 700 кубических метров—16,91 процента, а при норме в 400 кубических метров — 18,13 процента. Сахаристость плодов соответственно 9,85 и 10,29 процента.

Таким образом и при орошении грушевых садов лучшей нормой полива надо считать 400 кубических метров воды на 1 га.

О СПОСОБАХ ОРОШЕНИЯ САДОВ

В настоящее время сады Крыма поливаются по чашкам. Сущность этого способа полива заключается в том, что вокруг дерева по проекции кроны вручную делается земляной валик высотой 20 — 25 см, образующий чашу вокруг дерева. Диаметр чаш колеблется от 2,5 до 6 метров. В эти чаши канавкой проводится вода, чашка наполняется, и вода постепенно впитывается в почву.

Многолетние исследования корневых систем плодовых деревьев Крыма, произведенные проф. В. А. Колесниковым, показали, что по горизонтали корни отходят от ствола до 11 метров, а радиус кроны примерно равен 3,5 метра. Следовательно, корни деревьев, выходящие за пределы чаш, будут при этом способе полива увлажняться недостаточно. Уход за деревьями, перекопка почвы, внесение удобрений, рыхление и другие работы совершаются также в пределах чаш, что влечет за собой неравномерность питания плодовых деревьев. Отрицательное действие полива затоплением чашек на почву (разрушение ее структуры, вымывание питательных солей, образование корки и проч.) требует перехода на более совершенный способ полива садов по бороздам.

Способ полива садов по бороздам изучался в совхозах «Мариано», Белогорского района, им. Чкалова, Бахчисарайского района, и «Алушта», Алуштинского района.

Целью этих исследований являлся выбор длины борозд и величины поливных струй, отвечающих местным почвенным и другим условиям.

Параллельно с этим изучались равномерность увлажнения почвы, вопросы экономики и организации труда, а также общая эффективность полива по бороздам. В результате этих изучений выявлено, что для аллювиальных (наносных) средне-

суглинистых почв и уклонов поверхности поля от 0,008 до 0,013 градусов допустимая длина борозд от 110 до 150 метров. Расход воды в борозду колеблется от 1,5 до 0,5 литров в секунду.

На шиферных легкопроницаемых почвах с уклонами до 0,02 градусов наибольшая длина борозд 90 метров и струя воды в борозду 0,5 литров в секунду. Глубина борозд не должна быть больше 15 сантиметров во избежание повреждения более толстых корней плодовых деревьев.

Сравнительное изучение затрат труда на 1 га при поливе сада по бороздам и чашкам дало такие результаты: на работы по уходу за оросительной сетью израсходовано за лето при поливе по бороздам 23,9 человеко-дня, а по чашкам—75 рабочих дней на 1 га.

Следовательно, при поливе сада по бороздам получена экономия за лето в 51,1 рабочих дня на 1 га. Еще большая экономия получается на работах по уходу за почвой сада, так как при поливе по бороздам эти работы целиком механизируются, а при поливе по чашкам производятся вручную.

Наблюдения за характером увлажнения почвы показали, что при поливе по чашкам влажность почвы после полива повышается только в пределах чашек, а между чашками, в междурядьях деревьев, остается почти постоянной в течение лета или же изменяется в ту или другую сторону очень незначительно. Например, в 1937 г. в совхозе им. Чкалова влажность почвы между чашками до первого полива была равна 16,6 процента, а после полива 14,5 процента. Перед вторым поливом 14,5 процента и после полива 15,2 процента. Перед третьим поливом 15,7 процента и после полива 15,1 процента.

Что же касается бороздного полива, то здесь равномерно увлажняется вся поверхность сада.

В результате этого при поливе сада по бороздам условия питания и увлажнения плодовых деревьев более равномерны на всей поверхности сада. Урожай плодов на делянках, поливаемых по бороздам, оказался значительно выше, нежели при поливе по чашкам.

Так, по сорту «орлеанский ренет» в среднем за три года (1934 — 1936) получен урожай с 1 га при поливе по бороздам 215,1 центнера, а при поливе по чашкам 159,8 центнера. Разница в пользу полива по бороздам — 55,3 центнера на 1 га. А в 1936 г. получен урожай плодов при поливе по бороздам 464,1 центнера с 1 га, а по чашкам 236,5 центнера, разница 137,6 центнера на 1 га в пользу полива по бороздам.

Для перехода от полива садов по чашкам к поливам по бороздам необходимо предварительно вспахать и выровнять поверхность сада, а затем уже окучником или садовым плужком нарезать в междурядьях сада поливные борозды. В молодых неплодоносящих садах нарезается по две борозды вдоль каждой стороны ряда деревьев. Первая борозда проводится на расстоянии 0,8 — 0,9 метра от штамба дерева, вторая борозда на таком же расстоянии от первой. В старых плодоносящих садах проводится 8 — 10 борозд в междурядьях плодовых деревьев. Длина поливных борозд в предгорных районах Крыма, на средних и тяжелых почвах, может быть принята от 80 до 150 метров в зависимости от уклона поля. На легких щебенчатых почвах длина борозд колеблется от 60 до 90 метров. Расход воды в одну борозду при поливе изменяется от 0,6 до 1,2 литра в секунду. В садах, расположенных на крутых склонах, а также на участках с неспокойным рельефом, полив садов можно производить по чашкам. Для сохранения влаги в почве после полива необходимо производить рыхление борозд.

НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОРОШЕНИЮ САДОВ

Перед садоводами Крыма в четвертой пятилетке стоят серьезные задачи по ремонту, восстановлению и значительному расширению садовых насаждений, особенно в степных районах Крыма. Но это только часть проблемы, так как без серьезного улучшения агротехники и особенно орошения нельзя добиться получения высоких и устойчивых урожаев садов.

Это относится не только к садоводству. В законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР говорится, что «важнейшей задачей сельского хозяйства в 1946—1950 гг. является всемерное повышение урожайности и увеличение валового сбора сельскохозяйственных продуктов на основе значительного повышения культуры земледелия и широкого использования достижения передовой агрономической науки».

Без правильного орошения, особенно в Крыму, нельзя выполнить эту задачу, поднять благополучие переселенческих колхозов, для которых во многих районах Крыма сады являются основным источником дохода. Достаточно сказать, что среди орошаемых сельскохозяйственных культур Крыма сады занимают около 60 процентов всей орошаемой площади.

Перспективы и потребности в развитии водохозяйственных работ в Крыму огромны. Безводные районы Керченского

полуострова давно ждут большого строительства водохранилищ, бурения артезианских скважин, устройства колодцев и водопроводов.

Степные районы Крыма также требуют нового массового бурения артезианских колодцев для использования богатых запасов подземных вод в целях орошения виноградников, огородов и садов.

Предгорные районы Крыма и прилегающая к ним часть степных нуждаются как в реконструкции и расширении оросительных систем, так и в строительстве водохранилищ в целях аккумуляции обильного стока рек Крыма, ныне бесполезно сбрасывающих свои воды в море.

Обилие родников, ключей, ручьев и мелких речек по Южному берегу Крыма требует упорядочения их использования. Это же позволит оросить новые земельные площади табака, винограда и садов.

Возможности для орошения новых земель имеются во всех зонах Крыма. В степных районах использование артезианских вод на орошение производится сейчас крайне нерационально. Одной скважиной орошается от 8 до15 га, в то время как при плановом водопользовании и большей продолжительности полива в течение суток (вместо 6—8 часов—16—20), площади орошения существующими артезианскими скважинами могут быть удвоены и утроены. Подсчитано, что существующими артезианскими скважинами можно оросить до 25 тыс. гектаров.

Помимо артезианских вод в степных районах Крыма могут быть использованы талые весенние воды, путем устройства запруд и плотин на балках.

Большие возможности орошения новых площадей в предгорных и прилегающих к ним районах Крыма создает регулирование стока рек. Существующие в настоящее время три крупных водохранилища—Базар-Джалгинское, Тайганское и Эгиз-Обинское сохраняют только 22,2 млн кубических метров воды. А среднегодовой сток шести основных рек Крыма: Салгира, Карасовки, Альмы, Качи, Бельбека и Черной равен 320 млн кубических метров. Таким образом, зарегулированный сток главнейших рек Крыма составляет едва 7 процентов их среднегодового стока.

Следовательно, основной путь более полного использования речных вод Крыма—регулирование их стока путем устройства крупных водохранилищ.

И совершенно естественно, что в плане работ четвертой пятилетки по водному хозяйству Крыма намечено построить

ряд крупных водохранилищ: Симферопольское на р. Салгир, Булганакское и ряд водохранилищ на Керченском полуострове.

Все эти мероприятия позволят вовлечь в хозяйственный оборот новые орошаемые площади и увеличить насаждения садов и виноградников, посадку табаков, овощных и других специальных культур.

М. Пенюгалов

Доцент Крымского сельскохозяйственного института.

Запасы энергии ветра в Крыму и их использование

Движущийся воздух, или ветер, как и всякое движущееся тело, обладает энергией, т. е. способностью производить работу. Часто называют эту энергию «голубым углем». «Голубой уголь» представляет собою один из самых общедоступных видов энергии в природе.

Наблюдая окружающую природу, человек не мог не заметить, что движущийся воздух производит на встречные предметы давление, которое тем сильнее, чем больше скорость потока воздуха. Практическим выводом из этого наблюдения было использование силы ветра для производства полезной человеку работы. Это использование началось в глубокой древности, за несколько тысячелетий до нашей эры.

В Англии, Франции и Германии ветряные двигатели начали распространяться с XII—XIII столетия. Служили они, да и сейчас еще служат, главным образом, для помола зерновых хлебов, а кое-где, как например, в Голландии, для откачки воды с залитых морем земельных пространств.

Большое распространение, благодаря улучшению конструкций, за последнее время получили ветряки в Америке. Здесь они служат для самых разнообразных сельскохозяйственных работ: водоснабжения, орошения, механизации сельского хозяйства, сельскохозяйственной электрификации и др.

Дореволюционная Россия не могла похвастаться ветросиловым хозяйством. В 1917 году, по данным Академии Наук, на территории Европейской части СССР насчитывалось всего 170 000 крестьянских ветряных мельниц с мощностью 700 000 л. с. Кроме мельниц, ветряки работали также в маслобойном деле и водоснабжении.

С течением времени ветер, как движущая сила, стал все более оттесняться на задний план, уступая место пару.

В чем же лежит причина пренебрежения этим видом энергии? Прежде всего в отрицательных качествах, свойственных природе ветра и затрудняющих его использование.

Энергия ветра крайне непостоянна по силе. Она претерпевает как периодические, так и непериодические изменения. К числу периодических изменений относятся суточные и годовые ее колебания. Обычно в дневное время ветер усиливается, в ночное, наоборот— затихает. Зимой ветер дует с большей силой, летом с меньшей.

Кроме этих периодических изменений, наблюдаются нередко весьма резкие колебания силы ветра непериодического характера. Скорость ветра иногда падает до нулевого значения, до так называемого штиля, но наряду с этим через малое время поднимается до силы урагана. Вследствие этого всякая работа при непосредственном использовании ветровой энергией неизбежно сопряжена с заминками, задержками, которые могут вызывать перебои, совершенно недопустимые в случае жесткого графика нагрузки, как это имеет место в промышленном энергоснабжении.

Другой причиной упадка использования ветровой энергии был крайне низкий коэфициент полезного действия прежних кустарных и примитивных ветродвигателей.

Однако указанные недостатки ветровой энергии сторицею окупаются ее преимуществом перед другими видами, даже перед водной. Ветровая энергия имеется всюду, нет надобности ее искать, придвигаться к ней, так как ветер в большей или меньшей степени действует везде, тогда как водяные двигатели могут быть использованы только там, где имеется речная или озерная вода, могущая дать достаточный напор. Ветровая энергия — энергия вечно возобновляемая, движение воздуха будет продолжаться, пока источник ее — солнце — не потухнет.

Запасы ветровой энергии громадны. На образование энергии воздушных потоков расходуется за год около 6% всего количества солнечной энергии, достигающего поверхности земли. Трудно представить себе размер этой энергии, выраженной числом. Она в сотни миллионов раз превосходит потребности в энергии всего земного шара. Но в настоящее время освоено при помощи ветродвигателей не более 0,02% этого количества, т. е. ничтожная его доля.

Как писала «Правда» в № 43 за 1946 год, наша страна располагает огромными потентиальными ресурсами энергии ветра,

которая оценивается в 20 миллиардов киловаттчасов в год. Однако у нас эти ресурсы используются в совершенно незначительных размерах.

Партия и правительство СССР уделяют большое внимание ветродвигателям. В законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства в 1946—1950 г. г., принятом Первой сессией Верховного Совета, сказано: «обеспечить массовое строительство в сельских местностях небольших гидроэлектроцентралей, ветростанций и тепловых электростанций с локомобильными и газогенераторными двигателями».

Необходимо привлечь на службу все возможные источники энергии, в том числе и силу ветра. Ветровая энергия должна занять в нашем хозяйстве, главным образом в сельском, подобающее ей место.

Что же касается затруднений в ее техническом использовании, то они легко преодолимы. Непостоянство и изменчивость ветра могут быть обезврежены путем аккумулирования его энергии, а при использовании его в сельском хозяйстве можно часто обойтись и без аккумулирования.

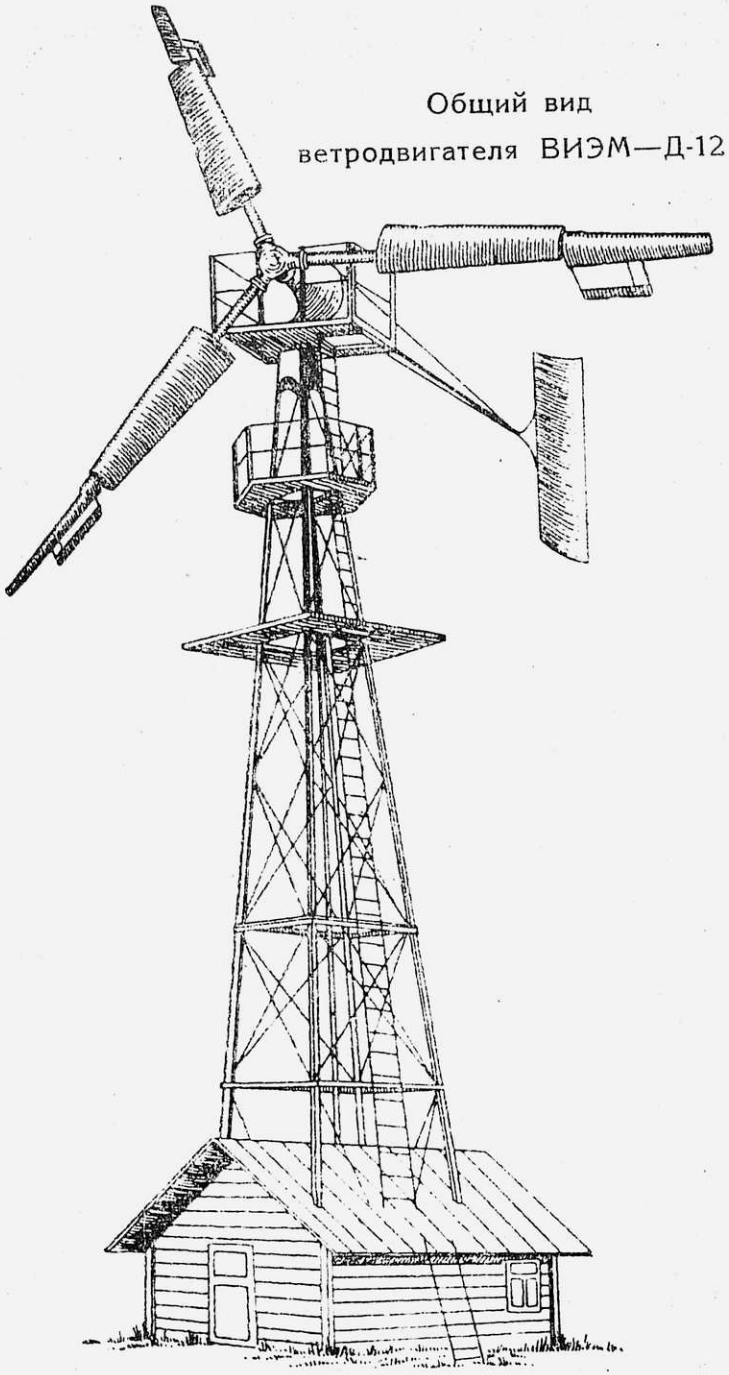
Коэфициент полезного действия ветродвигателей, очень низкий в прежних конструкциях, в современных конструкциях весьма повышен. Современные ветродвигатели относятся к прежним примерно так же, как современная паровая машина к первой, только что появившейся на свет, крайне несовершенной паровой машине Ньюкомена.

* * *

До войны в Крыму было установлено 82 ветродвигателя системы ТВ—5 и ТВ—8. Основные показатели этих ветродвигателей таковы.

У тихоходного ветродвигателя ТВ—5 диаметр ветрового колеса 5 метров. Нормальное число оборотов 55, при скорости ветра в 8 м/сек. Неравномерность вращения колеса 10—15%. При скорости ветра в 8 м/сек. ветродвигатель начинает выходить из-под ветра. Расчетная мощность при скорости 8 м/сек — 2,7 лошадиных сил. Ветряк начинает работать при достижении ветром 4 м/сек. Ветродвигатель ТВ—5 может быть применен исключительно для водоснабжения при помощи поршневого насоса.

Тихоходный ветродвигатель ТВ—8 имеет диаметр ветрового колеса 8 метров. Нормальное число оборотов при скорости в 8 м/сек.—35. Неравномерность вращения колеса—10—15%. Расчетная мощность при скорости ветра в 8 м/сек. —



Общий вид ветродвигателя ВИЭМ—Д-12

6 л. с. Этот ветряк начинает работать при скорости ветра в 3 м/сек. и выходит из-под ветра при скорости на 8 м/сек.

В отличие от ветродвигателя ТВ—5 этот ветродвигатель может быть использован для привода различных сельскохозяйственных машин, станков, мельниц, маслобоек, силосорезок, зернодробилок, центробежных и поршневых насосов и т. п.

В Крыму ветродвигатели ТВ—5 и ТВ—8 использовались в основном для водоснабжения и в ничтожных размерах для орошения.

Большинство из них разрушено немецкими захватчиками.

В Крыму проблема использования энергии ветра назрела больше, чем в других районах СССР, потому, во-первых, что немецкими захватчиками почти все тепловые насосные двигатели, служившие в колхозах и совхозах для целей водоснабжения и орошения, разрушены или вывезены, и во вторых, потому, что Крым в отношении запасов ветровой энергии находится в более благоприятных условиях, чем большинство областей Европейской территории нашего Союза. Там она равна 4,0 метрам в секунду, тогда как средне-годовая скорость по всему Крыму составляет 4,4 метра в секунду, а на обширной территории степного Крыма и в прибрежных его районах она еще выше. К тому же ветер в Крыму отличается не только большей силой, но и сравнительно большим постоянством.

Ветродвигатели в Крыму могут служить для целей электрификации сельского хозяйства, для водоснабжения, орошения, механизации сельского хозяйства путем привода к ним различных сельскохозяйственных машин, как силосорезки, соломорезки, жмыходробилки, зернодробилки, молотилки, мельницы.

Источником водоснабжения и орошения ветродвигатели могли бы явиться в переселенческих колхозах, расположенных в Балаклавском, Белогорском, Судакском, Куйбышевском, Старо-Крымском районах и прибрежной части Бахчисарайского района. В этих районах они были бы обеспечены ветром достаточной силы. И только в колхозах южного берега и предгорной части Крыма из-за слабой силы ветра они могут оказаться нерентабельными.

Поэтому проблема использования энергии ветра в Крыму должна быть поставлена, как одна из первоочередных.

При решении этой проблемы должны быть выяснены ресурсы ветровой энергии всего Крыма, а также распределение их по отдельным его районам. Такие данные необходимы для выбора типа ветродвигателя.

Часть этой работы уже проведена. Вот некоторые ее предварительные результаты.

Для исследования запасов ветровой энергии в Крыму составлена карта изолиний средне-годовой скорости ветра, т. е. линий, соединяющих пункты с одинаковыми средне-годовыми скоростями ветра. В основу этой карты положены данные наблюдений 25 метеорологических станций с различными периодами наблюдений. Из них одна станция с продолжительностью наблюдений в 50 лет, 14 станций с продолжительностью больше 20 лет, 20 станций с периодом свыше 10 лет, и только 3 станции имеют продолжительность наблюдений менее 10 лет. Кроме того, для корректива были использованы данные станции с меньшим периодом наблюдений.

Несмотря на сравнительно большое число использованных станций, все-таки их оказалось недостаточно для вполне уверенного проведения изолиний, в особенности в горной и предгорной областях, где очень большая изменчивость скорости ветра от места к месту, вследствие изрезанности рельефа поверхности.

Каковы же выводы и закономерности в распределении ветровой энергии в Крыму?

Самая высокая средне-годовая скорость ветра замерена на самой восточной из яйл, на Караби-Яйле, и составляет 7,3 метра в секунду. Принимая во внимание, что скорость ветра с высотой возрастает, надо полагать, что на других, более высоких яйлах, она еще больше.

Самая низкая из замеренных скоростей—1,6 метра в секунду—на Южном берегу в санатории Долоссы. Вообще на южных склонах горного хребта и на побережьи все метеостанции, за исключением таких выступающих в море мысов, как Сарыч, отмечают скорость от 1,5 до 3 м/сек., причем какой-либо зависимости скорости от высоты места не обнаруживается. Объясняется эта малая скорость большой изрезанностью рельефа поверхности и лесной растительностью южных склонов, что обусловливает сильное трение, тормозящее движение воздуха.

При переходе со склонов на яйлу, по всем данным, скорость ветра испытывает резкий скачок, увеличиваясь с 2 — 3 м/сек до 5—6 м/сек. Такая же примерно картина наблюдается на северных склонах и во всем предгорном Крыму.

Таким образом, южные горные склоны и весь предгорный Крым относятся к наиболее спокойным районам Крыма, и перспективы использования ветровой энергии здесь весьма слабые.

В степном Крыму скорость ветра составляет от 3 до 5 м/сек., причем ветер со скоростью от 3 до 4 м/сек. распространен на сравнительно небольшой части степной области, примыкающей к предгорному Крыму.

Прибрежные районы степной области относятся к числу еще более ветряных. Здесь скорость выше 5 м/сек., а местами превышает 6 м/сек. Средняя многолетняя скорость ветра, например, на Казантипском мысу, равна 6,2 м/сек.

Таким образом, область ветров со скоростью от 4 до 5 м/сек. занимает наибольшую площадь Крыма, почти всю его степную область, составляющую 14.500 кв. км, или 58,4% территории Крыма.

Таково распределение скорости ветра по территории полуострова.

Обращаемся теперь к мощности ветра. Общая мощность ветра, которую можно получить со всего Крыма, достигает огромных размеров. Надо иметь в виду, что выявленная энергия значительно ниже действительной, потому что выявленная скорость ветра занижена против действительной.

Но даже если принять эту несколько заниженную мощность, то и тогда необходимо признать ее громадной. Десятой доли этой мощности вполне достаточно, чтобы удовлетворить все потребности Крыма в энергии. Надо только суметь получить ее и рационально использовать.

Из ветров разной скорости наибольшей мощностью обладает ветер от 4 до 5 м/сек., господствующий на наибольшей площади. Его мощность достигает 2 миллионов лошадиных сил, т. е. 58,9% общей мощности по Крыму.

На этот, если можно так сказать, господствующий ветер для Крыма и следует ориентироваться при выборе типа ветродвигателя.

Заслуживает внимания и ветер от пяти и выше метров в секунду, так как его мощность также достигает значительной величины 33,9%, хотя площадь, занимаемая им (19,2%), сравнительно невелика.

Знание распределения скорости и мощности по территории Крыма дает возможность ответить на вопрос, на какой ветер следует ориентироваться при установке ветродвигателей, на какую мощность можно рассчитывать в том или другом районе, но она не дает еще возможности определить, какую работу можно получить от ветра в том или другом пункте.

Даже при одиноковой средне-годовой скорости ветра в двух пунктах работа его может быть весьма различна, так как она за определенный промежуток времени, например, за год, будет находиться в зависимости от распределения продолжительности ветров разной силы в течение года.

Таким образом, вопрос о работе ветра при помощи ветродвигателей сводится к определению продолжительности ветров различной скорости в течение года, что, главным образом, и должно интересовать при выборе типа ветродвигателей.

Зная продолжительность ветров различных скоростей, легко рассчитать энергию, проносимую за год каждым ветром в отдельности, всеми ветрами, взятыми вместе, и группами их в любых комбинациях.

Обычно с этой целью используют записи самописцев (анемографов),которые автоматически и непрерывно записывают скорость и направление ветра. В результате обработки лент самописцев получают сведения о продолжительности различных ветров в часах.

К сожалению, самописцев в Крыму очень мало, работают они недолго, и их записями поэтому нельзя было воспользоваться. Пришлось остановиться на флюгерных наблюдениях. Их в Крыму довольно много, и установлены они давно.

Была взята повторяемость скорости ветра через 1 метр в секунду, вычисленная Управлением гидрометеорологической службы Черноморского флота для следующих семи пунктов: Симферополь, Ташлы-Кипчак, Евпатория, Черноморское, Судак, Керчь, Казантип. Затем повторяемость каждой скорости была переведена в продолжительность, выраженную в часах, причем условно допускалось, что скорость, наблюдавшаяся в один из сроков наблюдений, сохранялась неизменной в течение 8 часов, от одного срока до другого.

Полученные данные показали, что с увеличением скорости от нуля продолжительность первоначально возрастает и достигает максимальной величины при скорости, равной примерно средне-годовой, а затем убывает и тем быстрее, чем скорость выше.

После выяснения продолжительности ветра различной скорости, была вычислена величина энергии, проносимая каждым ветром и всеми ветрами вместе через 1 квадратный метр поперечного сечения воздушного потока за год в киловаттчасах.

Результаты этих вычислений позволили сделать вывод, что чем выше средне-годовая скорость ветра в данном пункте, тем больше количество энергии, проносимое ветрами за год. В Симферополе, при средне-годовой скорости в 2,9 м/сек., количество проносимой энергии 821 квт. час., в Ташлы-Кипчаке, при среднегодовой скорости в 4,2 м/сек., количество энергии 1349 квт. час, в Керчи, при средне-годовой скорости в 5,0 м/сек., количество энергии — 1675 квт. час., в Казантипе, при 6,2 м/сек, количество энергии 2583 квт. час и т. д.

Могут быть и отклонения от этого правила. Например, в Судаке при средне-годовой скорости 4,2 м/сек., равной среднегодовой скорости в Ташлы-Кипчаке, количество проносимой за год энергии всего лишь 1187 квт. час., т. е. значительно меньше, чем в Ташлы-Кипчаке. Это зависит от распределения повторяемости скоростей ветра в году в Судаке.

Количество проносимой в течение года энергии сначала, с увеличением скорости, возрастает, достигает максимума, а затем постепенно убывает, падая в конце концов до нуля, вследствие того, что продолжительность ветра с увеличением его скорости быстро уменьшается и доходит до нуля. Важно, что главная масса энергии заключается в ветрах значительно большей силы, чем в ветрах средних. Следовательно, при использовании энергии ветра надлежит ориентироваться на ветры больших скоростей.

На первый взгляд энергия, проносимая ветром во взятых нами пунктах, может показаться незначительной. Самая большая величина ее, например, в Казантипе составляет 2583 киловаттчаса, что равно 317 кг условного топлива, да если еще учесть неизбежные при использовании этой энергии потери, то будет, конечно, еще меньше, по крайней мере вдвое. Однако, если принять во внимание, что площадь, ометаемая крыльями ветродвигателей в 1 квадратный метр, на практике никогда не встречается, а бывает всегда значительно больше, то эта величина будет выглядеть совсем иначе. Возьмем, например, ветродвигатель, диаметр ветрового колеса которого равен 10 метрам. Тогда ометаемая его крыльями площадей составит 78 кв. метров. Соответственно и проносимая в Казантипе энергия увеличивается в 78 раз и будет равна 202120 киловаттчасам, или 24805 кг условного топлива. А ведь это результат работы только одного ветродвигателя. Увеличение числа ветродвигателей вызовет и увеличение количества используемой ветровой энергии.

Как уже упоминалось, ветродвигатель начинает работать, когда ветер достигает определенной силы. При ветрах меньшей силы он находится в бездействии и не производит никакой работы. Чаще всего он начинает работу при достижении ветром скорости в 4 м/сек. Следовательно, энергия, проносимая ветрами меньшей скорости, остается без использования. Следует отметить, что энергия ветра до 4 м/сек. составляет ничтожную долю, от 0,5 до 3% общей энергии ветра.

С другой стороны, у наиболее распространенных в колхозах тихоходных ветродвигателях ТВ — 5 и ТВ — 8 число оборотов ветрового колеса при постоянной приключенной нагрузке возрастает с увеличением скорости. Чтобы ветровое колесо не развивало более установленных 40 оборотов в минуту, имеется регулирующее приспособление. При помощи этого приспособления при скоростях ветра более 8 м/сек. ветровое колесо начинает уходить из-под ветра. Таким образом мощность и производительность всякого ветродвигателя зависят от скорости ветра. Максимальная мощность ветродвигателей указанного типа достигается как раз при скорости 8 м/сек, называемой установочной.

Следовательно, этими ветродвигателями полностью используется энергия только тех ветров, скорость которых заключается между 4 м/сек и 8 м/сек. Она составляет примерно 30% от годового запаса энергии всех ветров.

С увеличением установочной скорости количество используемой энергии повышается. Так, при установочной скорости в 9 м/сек. величина используемой энергии равна 40%, при установочной скорости в 10 м/сек. — 56%, при скорости в 12 м/сек. — 72% и т. д.

Быстроходные ветродвигатели, как например, ВИМЭ-Д-12, отличаются от предыдущих, между прочим, в том отношении, что у них при помощи особого механизма регулирования обеспечивается равномерность вращения ветрового колеса в 60 оборотов в минуту.

В быстроходных двигателях при скорости ветра больше установочной, весь излишек ветра против принятого предельного пропускается мимо ветряка без использования. Например, при установке на ветер в 8 м/сек ветряк будет работать и при более сильных ветрах, но лишь так, как он работал бы при 8-метровом ветре. В этом случае используемое количество ветровой энергии достигает около 55% от общего количества энергии, заключающейся во всех ветрах, взятых вместе, при 9 м/сек. — 66%, при 10 м/сек — 76%, при 12 м/сек — 92%.

Таким образом, при увеличении установочной скорости возрастает и количество используемой энергии, причем это

количество для быстроходных двигателей больше, чем для тихоходных.

Поэтому следует признать, что прежде распространенные в Крыму ветродвигатели ТВ-5 и ТВ-8 являются для него мало подходящими. Мощность первого очень мала (2,5 л. с.), он может служить только для водоснабжения при помощи поршневого насоса. Приспособить этот электродвигатель для электрификации и привода машин нельзя. Между тем в сельском хозяйстве от ветродвигателя требуется многообразная работа.

Ветродвигатели ТВ-8 более мощны, годны для производства большинства работ, но они вследствие неравномерности вращения ветрового колеса не могут служить для электрификации сельского хозяйства.

В крымских условиях более подходящими являются быстроходные ветродвигатели ВИМЭ — Д-12. Они обладают большей мощностью (13,5 л. с.), чем ТВ-5 и ТВ-8, пригодны для обслуживания различных сельскохозяйственных машин, станков, центробежных насосов, а также для электрификации сельского хозяйства.

Ветродвигатель ВИМЭ-Д-12 может дать ток для освещения небольших поселков, может приводить в действие центробежный насос для орошения небольших участков, поднимая до 6 кубических метров воды в час, и выполнять ряд других работ.

Работа по разрешению проблемы использования ветровой энергии только начата. Однако и сейчас уже должно быть ясным, что подчинение ветровой стихии воле и разуму человека путем широкого внедрения ветродвигателей значительно увеличит в Крыму энерговооруженность и механизацию нашего сельского хозяйства, а это позволит, наряду с другими мероприятиями, не только поднять его до довоенного уровня, но и превзойти его в значительных размерах.

М. Русаков
Кандидат технических наук

Курортные богатства восточного берега Крыма

В планировке Южного берега Крыма его восточной границей принято считать Семидворье (к востоку от Алушты). Побережье на восток от Семидворья и есть район Восточного берега Крыма.

Район занимает вдоль берега моря до Феодосии 80 км и далее до Керчи — 130 км. По своим размерам этот район превышает крупнейшие курортные районы нашей страны.

Восточный берег Крыма отличается от других курортных районов не только своими размерами. Ни один курортный район страны не сравнится с Восточным берегом Крыма по разнообразию курортно-лечебных факторов. Район располагает разнообразными климатическими особенностями, в ряде мест мало уступающими по своей лечебной ценности климатолечебным свойствам Южного берега Крыма.

Подобно Сочи-Мацесте, Восточный берег обладает большими запасами сероводородных вод различной концентрации. Однако ни в Сочи-Мацесте, ни на другом курорте нашей страны они не встречаются в таком крепком растворе, как на Восточном берегу Крыма.

Подобно Евпаторийско-Сакскому и Одесскому курортным районам, Восточный берег Крыма располагает громадными запасами лечебной грязи самого высокого качества.

Данные гидрогеологических работ и уже имеющиеся выходы минеральных источников говорят также о том, что в различных частях Восточного берега имеются возможности для создания курортов с лечебной минеральной водой. Это обстоятельство до некоторой степени сближает данный район Крыма с районом Кавказских минеральных вод.

Немалый интерес представляет Восточный берег Крыма и для туристов, для которых здесь имеется много разнообразнейших пеших, автомобильных, морских и иных маршрутов.

Восточный берег Крыма после восстановления Керчи снова станет одним из крупнейших индустриальных районов с мощ-

ным металлургическим центром на Керченском полуострове. На полуострове наряду с огромными запасами железной руды хранится еще множество иных ценнейших ископаемых, в частности — нефть.

Помимо того, на Восточном берегу расположен ряд городов и населенных пунктов, из которых некоторые, например, Феодосия, являются значительными портами. Город Керчь является большим рыбопромышленным пунктом СССР; керченская селедка пользуется мировой славой.

Сельское хозяйство в условиях Восточного берега Крыма имеет особенно большое значение: этот берег, особенно его Судакский район, является одним из крупнейших центров виноградарства и садоводства в стране.

КЕРЧЕНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Полуостров тянется на запад от Керченского пролива почти на 90 километров, при ширине от 17 до 45 километров. Общая его площадь—около 3000 кв. километров. Северная честь полуострова омывается Азовским морем с Арабатской стрелкой (косой), Сивашским или Гнилым морем, восточная часть — Керченским проливом и южная — Черным морем.

Большая часть полуострова имеет степную равнинную поверхность. В северо-восточной части Керченского полуострова расположены холмы (до 190 м высоты). Для береговой зоны этой части полуострова характерны соленые озера, отделенные от моря песчаными пересыпями.

Одним из таких озер является глубокое, насыщенное солью Чокракское озеро, находящееся на дне котловины, отделенной от Азовского моря узкой пересыпью. Озеро известно громадными запасами лечебной грязи очень высокого качества. Берега и окрестности озера являются местом выхода ряда источников с высокой концентрацией сероводорода.

Чокракская котловина поражает обилием и мощью своих лечебных факторов и редким их сочетанием.

Еще задолго до приближения к источникам чувствуется сильный запах, не оставляющий сомнения в наличии большого количества свободного сероводорода в минеральной воде. Не приходится также сомневаться в качестве грязи. Ее свойства можно определить даже по внешним признакам — пластичности и отсутствию посторонних примесей. Чокракская грязь — редкое явление даже в нашей стране, столь богатой грязевыми ресурсами. Данные анализов полностью подтверждают высокие качества лечебных факторов Чокрака.

При оценке природных богатств этого курорта следует учитывать, что нигде более не встречается столь удачное сочетание высококачественной лечебной грязи и сероводородных вод высокой концентрации.

Другие курорты СССР, где применяется комбинированное лечение грязью и сероводородной водой, располагают лишь сероводородной водой средней (Сергиевские минводы) и малой (Кемери, Хилово) концентрации, причем на таких курортах иногда приходится привозить грязь из озер, расположенных в окрестностях, иной раз на далеком расстоянии.

Особенностью Чокрака является также возможность совместить грязе-и водолечение с талассо-терапий на близлежащем побережьи Азовского моря.

Несмотря на свой несколько мрачный колорит, ландшафт Чокрака имеет своеобразную прелесть, и на фоне окружающих его однообразных степей и холмов Керченского полуострова является даже живописным уголком.

Помимо Чокрака, в северо-восточной части Керченского полуострова имеется еще много мест с природными лечебными богатствами. К ним относятся:

1) Караларские и Сююрташские источники, хлоридно-натриевые с минерализацией в 15,0 гр., с содержанием свободного сероводорода до 0,640 гр. на литр, т. е. намного больше, чем источники Мацесты и Талги.

2) Источник Сеит-Эли, принадлежащий к типу холодных хлоридно-гидрокарбонатно-натриевых вод, с высокой минерализацией (11,0 граммов на 1 литр), что приближает его к знаменитым источникам Ессентуков. По данным заслуженного деятеля науки проф. В. А. Александрова, Сеит-Эли превосходит все боросодержащие источники СССР.

3) Булганакские и другие сопочные грязи.

Небольшие Булганакские грязевые сопки расположены группой в холмистой котловине. Они непрерывно извергают жидкую грязь, которая с характерным «бульканьем» прорывает засыхающую корку на вершине и медленно стекает по бокам сопки. В результате длительного извержения мощность грязевого покрова в Булганакском районе составляет 30 метров глубины на площади в 50 квадратных гектаров.

Эти факты говорят, что в северо-восточной части Керченского полуострова налицо многообразные природные лечебные факторы. В дальнейшем эта часть полуострова может стать базой для развития ряда курортов или для вывоза минеральной воды и грязи в другие части Крыма.

РАЙОН ФЕОДОСИИ

От Керченского полуострова и далее на запад до Коктебеля резко заметен переход к горному Крыму. Этот переход ярче всего, пожалуй, сказывается на рельефе Феодосии. Город расположен своей восточной окраиной в степи, а далее к западу занимает горный амфитеатр Тебе-Оба, по склонам которого разместилась большая часть города. Впрочем, и далее, по дороге к Коктебелю, степные участки чередуются с безлесными холмами. После невысокого перевала через гору Клементьева неожиданно открывается грандиозная панорама горного массива Карадага.

На полпути между Феодосией и Коктебелем ответвляется шоссейная дорога на Старый Крым (25 километров) и далее на Симферополь (116 километров). Холмистая степь и в этом направлении преграждается горным массивом. В противоположность вулканическому массиву Карадага, здесь границей гор и степей служит небольшой и сильно расчлененный размывом Агармыш (707 м), у подножья которого расположен город Старый Крым.

Таким образом, в предгорной части описываемого района встречаются и типичные равнинные места, мало отличающиеся по своему пейзажу от смежной восточной части Керченского полуострова, и горные амфитеатры (Тебе-Оба), и пересеченная местность, в которой холмы сменяются степными участками.

Район Феодосии в описываемых границах относится к разряду сильно засушливых. Этим и объясняется бедность растительного покрова.

Впрочем, и в самой Феодосии, и в ее окрестностях растительности все же значительно больше, чем на Керченском полуострове. Склоны Тебе-Оба, в результате успешной работы опытной лесной станции, в известной части покрылись зелеными насаждениями. Точно так-же в курортной зоне Феодосии созданы большие парки при бывших особняках. На пути к Коктебелю и Старому Крыму также нередко можно встретить зеленые участки. Старый Крым со своими многочисленными садами кажется уже совершенно зеленым уголком.

Природные лечебные факторы района Феодосии весьма разнообразны.

В первую очередь район располагает климатическими условиями, весьма благоприятными для лечения различных заболеваний. Целебные свойства климата Старого Крыма издавна испытаны в лечении туберкулезных больных.

Следующим фактором, предопределяющим курортное значение района Феодосии, является наличие прекрасных пляжей в Феодосии и Коктебеле, занимающих одно из первых мест после пляжей Евпатории и Анапы.

Далее следует использование питьевого хлоридно-сульфатно-гидро-карбонатно-натриевого источника Паша-Топе. По свидетельству виднейших наших бальнеологов, он должен быть широко использован для лечения желудочно-кишечных заболеваний. В этом же направлении может быть использован питьевой источник Кафа.

Имеет перспективы для своего развития сероводородный источник Акмелез, расположенный неподалеку от скрещения Коктебельской и Старо-Крымской дороги, в 15 км к западу от Феодосии.

Есть все основания также для использования лечебной грязи Аджи-Гольского озера, расположенного в 12 километрах к востоку от Феодосии.

Интересные возможности открываются для использования бальнеоресурсов Коктебеля.

Таким образом, если Керченский полуостров может явиться крупным бальнеологическим районом, то район Феодосии должен получить развитие как комбинированный климато-грязе-водолечебный район.

КАРАДАГ

Горная группа Карадага, служащая рубежом между степной и горной частью Крыма, представляет выдающийся интерес во многих отношениях и служит предметом внимания различных исследователей.

Карадаг привлекает геологов как древний вулканический очаг. По словам академика А. П. Павлова в его докладе Всероссийскому съезду геологов в феврале 1922 г., эта местность представляла в одну из далеких геологических эпох (юрский период) прибрежную полосу моря, богатую вулканами. Долгое время они изливали потоки и выбрасывали тучи пепла, падавшего в море и на береговую полосу суши. Море было населено разными формами органической жизни, остатки которых погребались в осадках пепла и в отлагавшихся на дно вулканических туфах. После того, как образовалась мощная толща этих разнообразных напластований, район подвергся коренным изменениям. Начался процесс подымания горной цепи. Все горизонтальные пластованные толщи были подняты и смяты, горизонтальные покровы лав и пеплов и морские осадочные слои были поставлены

вертикально, а вертикальные вулканические жерла местами приняли горизонтальное положение. Это создало такие оригинальные формы рельефа, которые могут поспорить с самыми замечательными уголками Целустонского Национального парка в Скалистых горах Северной Америки.

Берег Черного моря перерезает это сложное нагромождение, что и дает возможность изучать детали циклопической работы природы.

Большое разнообразие вулканических пород и минералов, веками образовывавшихся в пустотах лавовых покровов, и вызывает разнообразие и красоту галек, которые прибой моря вытачивает из этих материалов. Среди галек, о которых упоминает акад. Павлов, много халцедонов, сердоликов, горного хрусталя, серого мрамора и зеленого малахита с белыми и черными жилками.

Карадаг — также исключительное по своему практическому назначению месторождение трасса — материала для высококачественного цемента, обладающего способностью твердеть под водой и применяемого для портовых сооружений.

Климатологу предстоит большая работа по изучению микроклиматических особенностей Карадага. Громадный интерес представляет изучение не только изменений микроклиматических условий по мере подъема на вершину горы, но и сопоставление резко отличных друг от друга климатических показателей различных склонов Карадага.

Ботаник, перевалив на западный склон Карадага, изумляется разнообразию зеленого покрова, который приходит на смену голым, кажущимся издали черными, восточным склонам этого горного массива.

Туриста Карадаг привлекает легким и плавным подъемом на его вершину, откуда открывается редкая даже для богатого пейзажными красотами Крыма панорама.

К востоку четко выделяется уступами мыс Кишк-Атлама (прыжок дикой козы). Еще дальше живописная картина Феодосии, а в глубине панорамы контуры Керченского полуострова и Азовского моря.

На юго-запад перед зрителем лежит, как чудесно сделанный макет, все побережье вплоть до Алушты со всем разнообразием его горных хребтов, заливов и далеко выступающих в море мысов.

Спустившись вниз, к берегу моря, турист имеет возможность познакомиться с одним из самых интересных уголков Крыма — Карадагской научно-исследовательской станцией Украинской Академии наук, примостившейся между Карадагом и холмом так, что она ограждена от холодных ветров.

Не меньший интерес представляет и своеобразный ландшафт горного массива в районе станции. Турист, следуя далее вдоль берега моря, может познакомиться с приморскими частями долины Щебетовки и Лагерного.

Каждый посетитель Коктебеля считает также своим долгом осмотреть со стороны моря, с лодки или катера, Карадаг и ряд его небольших бухт. Красоту этого путешествия описал К. Паустовский:

«Я впервые увидел Карадаг. Впечатление этого зрелища могло сравниться только со зрелищем Сахары, неизмеримых рек, беснующихся океанов, громадных водопадов мира и разрушительных извержений. Я увидел окаменелое извержение, поднявшее к небу пласты земной коры. Могучие жилы лавы подымались столбами из зеленых морских глубин и останавливали далекие облака».

ЗАПАДНАЯ (ГОРНАЯ) ЧАСТЬ

К юго-западу от Карадага Восточный берег тянется полосой непосредственно у моря. Дорога идет среди гор, образующих сложную систему хребтов с рядом свободных проходов к морю в виде глубоких долин. По отношению к этой части района вполне применимы яркие строки поэта крымской природы Е. Маркова, приведенные в его книге «Крымские очерки»:

«Если ты хочешь, читатель, погрузиться на несколько дней в живой родник неподдельной поэзии, тебе нечего искать Италии, ты найдешь все, что жаждешь, у себя на родине, на Южном берегу Крыма... При этом Южный берег Крыма встанет перед твоими очами во всей своей изумительной неча янности, как-то нежданно-негаданно, не похожее ни на что, тобою прежде виденное, не подготовленное ничем, тобою только что пройденным. После беспредельного однообразия степей, выжженных солнцем, ты попадешь вдруг в бушующее изобилие воды, зелени и утесов. Русская равнина превращается в швейцарские вершины гор»...

Вся западная часть Восточного берега может быть названа краем цветущих горных долин.

Один из виднейших климатологов нашей страны, проф. П. А. Коростылев, следующим образом оценил этот район:

« Район от Алушты до Феодосии характеризуется более прохладной зимой при одинаково жарком лете, меньшим количеством осадков — от 300 до 350 мм, сравнительно большими суточными амплитудами температуры и влажности,

большими скоростями ветра, чем в соседнем Гурзуфском районе. В восточной своей части этот подрайон приобретает уже черты степного климата. Морские влияния ограничиваются здесь сравнительно небольшой высотой, осадки теряют средиземноморский характер и выпадают более равномерно, с некоторым даже усилением в летние месяцы. В соответствии с направлением долин здесь преобладают северо-западные ветры».

Ряд участков Восточного берега по красоте местности, по условиям климата и по богатству растительности не уступает Южному берегу.

Это относится к приморским частям долин (Щебетовка, Лагерное, Судак и др.), плодородным, почти сплошь покрытым виноградниками и фруктовыми садами. Во многих случаях устья долин, защищенные от северных ветров высокими горами, обладают очень высоким лечебным климатом.

В первую очередь это подтверждается данными метеорологических станций в Щебетовке и Судаке.

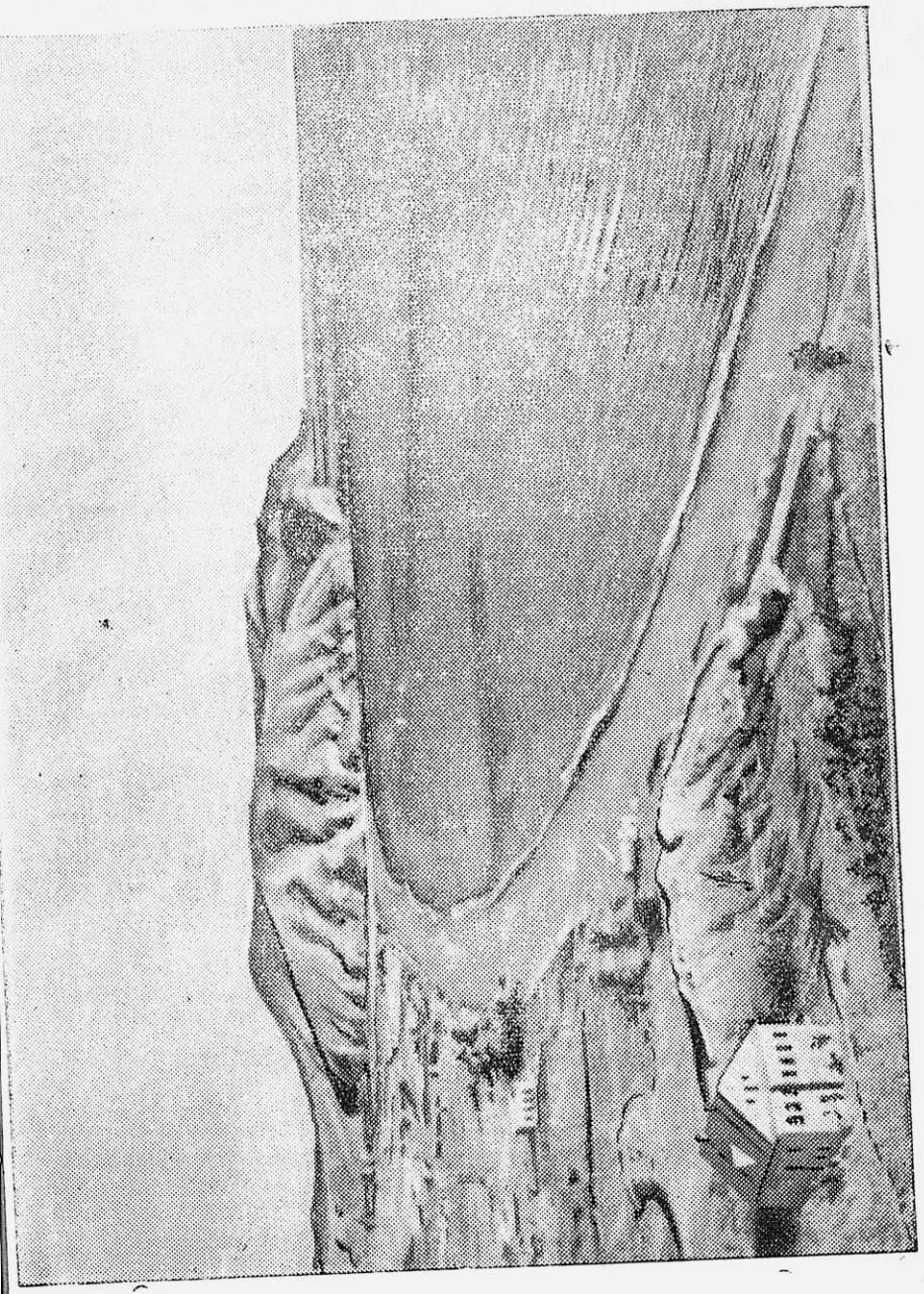
Приморская часть Щебетовки по своим климатическим свойствам, пляжу, красоте ландшафта и богатству растительности является, как установлено экспедицией Центрального Института Курортологии и Комиссией Наркомздрава СССР в 1939 г., одним из самых ценных участков для строительства детского курорта.

О Судаке в выводах комиссии Наркомздрава СССР сказано: «Судак, как приморская климатическая станция, имеет все данные для развития также в качестве виноградолечебного курорта. Судак является одним из первоочередных объектов курортного строительства на Восточном берегу Крыма».

Сухой климат Судака позволил засл. деятелю науки проф. В. А. Александрову выдвинуть предположение о целесообразности лечения почечных больных в Судаке.

Ценно и то, что лечение и отдых в Судаке может сочетаться с туризмом, так как там имеется много интересных в историческом отношении объектов (Генуэзская крепость, знаменитый винсовхоз «Новый Свет», крупнейшие виноградарские колхозы и т. д.).

Помимо долин Судака и Щебетовки, для курортных целей использовался до Отечественной войны также Кизилташ, расположенный в глубокой котловине. Климатическая оценка этого живописного пункта затрудняется отсутствием метеорологических данных. Однако Кизилташ представляет интерес благодаря выходу сероводородного источника. Из дру-



Восточный берег Крыма у Судака.

гих бальнеологических факторов в западной части Восточного берега следует отметить выход сероводородного источника в районе Судака, на горе Перчем.

Можно считать установленным, что Керченский полуостров располагает в основном бальнеологическими факторами, район Феодосии — климато-бальнеологическими, а в западной части Восточного берега преобладают климатолечебные факторы.

КУРОРТЫ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА КРЫМА ДО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

До Отечественной войны на Восточном берегу Крыма находилось до 7 проц. всех санаторных коек, имевшихся в Крыму (1635), и около одной трети коек в домах отдыха (2639).

Большой удельный вес имел Восточный берег в обслуживании так называемых амбулаторных больных, число которых достигло примерно следующих размеров Феодосия — 5-6 тыс. амбулаторных больных за сезон, Судак — 3-4 тысячи, Коктебель — 6-7 тысяч и Старый Крым — 4-5 тысяч; итого 18 — 22 тысячи посетителей за сезон.

Приведенные данные говорят о том, что курорты Восточного берега Крыма в большинстве использовались амбулаторными больными.

Вот почему использование всех курортных ресурсов Восточного берега Крыма в полном объеме представляет большую и сложную задачу, которая может быть правильно разрешена только на основе дальнейших исследований и надлежаще поставленных проектно-планировочных работ. Тем не менее уже сейчас можно сделать ряд выводов о путях к использованию этих богатств.

РАЙОНИРОВАНИЕ КУРОРТОВ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА

На Керченском полуострове важнейшие природные и лечебные факторы могут быть сведены к трем группам:

1. Сероводородные воды и лечебные грязи Чокрака.
2. Приморская станция Карантин и грязи Булганака в районе Керчи.
3. Источник Сеит-Эли.

Использование природных лечебных факторов Керченского полуострова на ближайший период должно концентрироваться возле двух пунктов: в Чокраке и Карантине.

Карантин должен быть первоначально использован для размещения домов отдыха, обслуживающих население Керчи. В дальнейшем здесь могут быть поставлены работы по изысканию сероводородной воды. В Карантине могут найти применение булганакские и другие лечебные грязи.

По мере восстановления и развития Керчи может встать вопрос о развитии Карантина в качестве бальнеоклиматической станции для нужд этого крупного промышленного центра.

В отношении Чокрака стоит задача организации небольшого по емкости, но достаточно благоустроенного бальнеологического курорта межобластного значения для обслуживания населения Крымской области и смежных областей УССР. Первоочередные мероприятия — изыскание питьевой воды, обследование состояния недроминеральных ресурсов, разработка генерального плана и осуществление первой очереди строительства в виде одного санатория с бальнеологическими установками.

В районе Феодосии — Судака курортно-лечебные факторы могут быть разделены на две основные группы:

1. Группу предгорных курортов, в состав которой можно включить Феодосию, Акмелез, Старый Крым и Коктебель.
2. Группы курортов, расположенных в горных долинах (Щебетовка, Лагерное, Судак).

Более детальное рассмотрение позволяет выделить в этом районе еще ряд курортных пунктов.

Карадаг, служащий рубежом между предгорной и горной частями описываемого района, может явиться центром, вокруг которого группируется большой и очень интересный комплекс санаториев и туристических баз.

В Карадагскую группу курортов войдет Коктебель в качестве бальнеоклиматической станции, зеленая уютная Щебетовка в качестве климатического, по преимуществу детского курорта, Кизилташ, как горно-климатическая станция, и по всей вероятности, ряд климатических санаториев и пионерлагерей на склонах Карадага.

Для этого дорога, ныне огибающая Карадаг с севера так, что вне поля зрения остаются наиболее интересные ландшафты, открывающиеся с Карадага, и вся наиболее замечательная приморская часть щебетовской долины, должны быть дополнены дорогой через Карадаг в Щебетовку и далее вдоль берега моря к Лагерной долине. Устройство такой дороги, или, вернее, продолжение и улучшение существующей ныне дороги к трассовым разработкам вовлечет в курортное и туристическое использование целый приморский район.

При осуществлении этого мероприятия Карадаг станет одним из опорных пунктов для потоков туристов, которые будут совершать путешествия вдоль Крымского побережья от Феодосии и до Евпатории.

Таковы в самых общих чертах перспективы использования Карадага и прилегающих к нему Коктебеля, Щебетовки, Кизилташа и Лагерного.

Развитие Феодосии как курортного и туристического центра предопределено географическим положением этого пункта. Природные лечебные факторы подчеркивают роль Феодосии как климатобальнеологического курорта.

Старый Крым представляет большие возможности для строительства противотуберкулезных санаторно-курортных учреждений.

Наконец, при условии проведения надлежащих гидрогеологических работ, не исключена возможность в организации бальнеологического центра для лечения сероводородными водами в Акмелезе. Этот пункт, лежащий почти на равном расстоянии от Феодосии и Коктебеля, сможет обслуживать оба эти курорта.

С другой стороны, совершенно отчетливо выявляются перспективы развития Судака как приморской климатической станции с широким применением виноградолечения и использованием сероводородного источника Перчем-Кая.

Район Кутлака—Семидворье еще требует изучения. Однако даже предварительное ознакомление с ним говорит о том, что его ждет большое будущее. Вслед за освоением более близких к железной дороге курортных районов будет освоен и он. Пока что необходимо изучение долин в районе между Кутлаком и Семидворьем, с одной стороны, и в районе Рыбачьего, с другой. Эти районы со своеобразным ландшафтом, обширными садами и виноградниками, хорошими пляжами, несомненно, в будущем станут крупными приморскими курортами.

Выяснение основных принципов районирования природных лечебных факторов Восточного берега позволяет одновременно выявить контуры будущей карты курортов Крыма. Можно предположить, что существующие сейчас климатические курорты, расположенные на Южном берегу, будут дополнены широкой сетью климатических курортов в западной части Восточного берега.

Легко себе представить и непревзойденный по своей красоте, разнообразию и доступности туристический маршрут вдоль всего Крымского побережья, опорными пунктами которого явятся существующие и вновь проектируемые курорты.

Такой путь в действительности уже существует. Потребуются лишь сравнительно небольшие мероприятия в течение ближайших лет для того, чтобы организовать сквозное автомобильное путешествие от Керчи на Феодосию, Судак, Алушту и далее через Ялту на Евпаторию.

Особое значение приобретет крымская приморская дорога по мере окончания автомагистрали Москва—Симферополь. Несомненно, что Крымская приморская автодорога станет в дальнейшем одним из самых важных звеньев в системе приморских дорог вдоль всего побережья Черного моря, которая свяжет громадный курортный район международного значения—от Батуми до Дуная.

Н. Дубровский
Кандидат технических наук

Причины оползней и меры борьбы с ними

Под оползнями разумеют сравнительно спокойное передвижение, «оползание» обычно слабо наклоненных или даже горизонтально лежащих пород к подошве горы. Такое перемещение значительных, иногда весьма крупных горных масс влечет за собой образование трещин, ям, всяких неровностей, разрушает дома и культурные площади; нередко оно сопровождается треском и шумом, наводящим панику на население. По своим внешним проявлениям оползни иногда напоминают землетрясения.

Нужны особые условия, чтобы оползень перешел в активное состояние и мог начать свою губительную работу.

Оползень требует наличия по крайней мере двух поверхностных земных горизонтов: верхнего, легко пропускающего воду, и нижнего, водонепроницаемого, каким обычно бывает глина. Она способна поглотить большое количество воды, от нее она ослизняется, разжижается, в сильно намокшем состоянии приобретает текучесть и таким образом перемещается вместе с лежащей на ней породой и всем, что на ней находится.

Необходимым условием оползневой деятельности является присутствие водных источников, которые проникали бы к глинистому слою.

Такова в общих чертах схема развития оползня. На Южном берегу обстановка для формирования оползней весьма благоприятна. В большинстве местностей сверху лежит известковый водопроницаемый нанос; под ним располагается водонепроницаемая глина. На поверхности во многих местах разбросаны скатившиеся сверху огромные камни, а в местах, занятии курортами и населенными пунктеми, кроме того, расположены и тяжеловесные сооружения; все эти естественные и искусственные нагромождения ускоряют возникновение оползня; толща верхних слоев земной коры прорезана многочисленными источниками. Не удивительно, что

оползни здесь представляют обычное явление, и если о них приходится слышать не слишком часто, то лишь потому, что они не всегда возникают в густо населенных местностях.

Сопутствующими условиями оползней, на которые до сих пор не обращали внимания и которые, возможно, способствуют их возникновению и развитию, являются особенности химического состава оползневых вод и пород.

Оползни на Южном берегу Крыма впервые стали планомерно изучаться Крымводхозом. В числе методов исследования Крымводхоз использовал и химический анализ воды источников, шурфов и скважин для характеристики водоносных горизонтов. Впоследствии работа перешла в руки особого Управления по борьбе с оползнями, которое и продолжало исследования Крымводхоза. Анализами, на которые опираются выводы настоящей статьи, охвачены всего 373 пробы; ими в достаточной степени определяется состав южнобережных вод, а также в известной мере и тех пород, среди которых они протекают. Вот какова их химическая оценка.

Наиболее многочисленную группу представляют известково-магниевые карбонатные источники вместе с небольшим количеством таких же колодезных вод. Их всего выявлено 212, т. е. 57 проц. от всех исследованных вод. Эти воды прошли свой подземный путь в известковых наносах, не внедряясь в ниже расположенную глинисто-сланцевую толщу.

Воды эти слабо минерализованы, обладают умеренной жесткостью, но весьма высокой карбонатностью, иначе говоря, содержат много углекислой извести. Отвечающие им породы должны обладать значительной водопроницаемостью и прямого влияния на создание оползневых явлений иметь не могут.

Совсем иначе обстоит дело с нижерасположенным глинисто-сланцевым (таврическим) горизонтом. Протекающие через него воды носят весьма своеобразный характер. В них весьма мало хлористого натрия и вообще хлористых солей, сернокислых же, наоборот, очень много.

Таврические слои принадлежат к морским отложениям, а в морских глинах обычно наблюдаются другие соотношения между хлором и серной кислотой; в протекающих через них водах много хлористых солей и мало сернокислых. Очевидно, за время существования этих сланцев с ними произошли глубокие изменения, которые отразились и на составе связанных с ними вод.

На разрезах сланцев часто можно видеть бурые прослойки окиси железа. Они возникли в результате окисления рассеянного в породе железного колчедана, что послужило для образования частью серной кислоты, частью железного купороса и даже окиси железа. Кислота разрушает породу, отщепляет от нее ряд оснований (кальций, магний, натрий), образуя соли, которые уносятся в море.

Таким образом, воды здесь не только механически переносят мелкие частицы глины, но также, воздействуя на породу, химически разрушают ее и выносят продукты разрушения, ослабляя монолитность породы, и тем самым создают весьма благоприятные условия для возникновения оползней.

Причиной оползней, как было сказано, является размокание и ослизнение глинистых пород, смачиваемых водой источников. Но как ни тяжелы по своим последствиям такие явления, все же с ними сравнительно легко можно бороться: надо перерезать в известняках путь источникам и направить последние в безопасное место. Значительно серьезнее представляется дело, когда источник направляется из глубины земных недр и не поддается или почти не поддается контролю. К этой категории относятся щелочные источники, содержащие двууглекислую или углекислую соду.

Сода появляется в воде этих источников, вероятно, в результате воздействия на весьма значительной глубине сернокислых солей на углеводороды ((жидкие, газообразные, а может быть и твердые). Выделяющиеся при этом газы (сероводород, углекислота, углеводороды) выталкивают по трещинам воду на возможную высоту, и вода либо выходит на поверхность, либо изливается где-либо в глубине. Если она остановится в сланцевой толще, она, кроме описанного уже воздействия на глубину, сильно ослизняет ее, благодаря присутствующей в ней щелочи, и таким образом энергично производит подготовку к оползню. Такие воды особенно опасны не только потому, что они несут с собой более мощные свойства разрушения, но еще и вследствие того, что их трудно обнаружить и принять против них необходимые меры.

От щелочных вод с весьма высоким содержанием соды и пониженною жесткостью могут возникнуть и действительно возникают крупные оползни. Такие щелочные воды наблюдались в Ущельновском источнике, вскрывшемся после землетрясения в районе с. Оползневое, на Черном бугре, в скважине № 11, в скважине № 12 на Чукурларе, в серном источнике в

Краснокаменке, на винограднике совхоза «Судак» и на ферме № 5 Ливадии. Все эти места являются опасными оползневыми участками.

В Севастополе, в районе электрической станции, тоже имеют или имели место оползневые явления. Рассмотрение анализов вод в окрестностях Севастополя показало, что среди них вдоль р. Черной находятся многочисленные субартезианские источники с ясно выраженной щелочной водой. Невольно возникает вопрос, нет ли причинной связи между оползнями и источниками? Повторяем, что при изучении оползней следовало бы одновременно заняться изучением химических особенностей оползневых пород и сопровождающих их вод.

Оползни в России — явление нередкое, они не раз разрушали города и селения по Волге, Днепру, Дону и другим рекам, наводя ужас на население, причем причиной их всюду служило одно и то же обстоятельство — скольжение верхнего водопроницаемого слоя по расположенному под ним слою водонепроницаемых глин, размокнувших и ослизнившихся под влиянием проникших к ним грунтовых вод. Особенно оползни обычны в таких горных районах, как Крым и Кавказ.

В Крыму можно указать ряд местностей, где оползни приобретали весьма опасное течение. Сюда относятся многие южнобережные пункты, как Ялта с окрестностями, Алупка и ряд других, расположенных неподалеку от главной Крымской гряды. Под основанием этой гряды предположительно находятся крупные резервуары, из которых вода время от времени вырывается, смешивается с глиной и глинистыми сланцами и вызывает перемещение больших площадей вместе со всем, что на них находится. Из таких оползневых движений особенно памятна катастрофа в районе поселка Чукурлар, случившаяся в 1945 году и разрушившая часть поселка, смывшая плантации и повредившая на протяжении 300 метров шоссейную дорогу на Севастополь.

Когда пришли в движение огромные массы земли, породившие множество разрушений, человеку уже делать было нечего, справиться с разыгравшейся стихией было невозможно, и ему оставалось лишь наблюдать картину взбудораженной природы. При ином подходе к такому грозному явлению, как оползни, дело могло бы принять совсем другой оборот. Если бы в свое время была разгадана причина оползней и были приняты предупредительные меры, размеры катастрофы во всяком случае были бы меньше.

Чаще, конечно, случаются в горных и предгорных районах небольшие оползни, вызванные проникновением вглубь глинистых слоев местных источников. В таких случаях воду нужно обнаружить и отвести. Одним из признаков угрозы оползня надо считать появление в почве трещин. Дополнительно к отводу вод здесь возможны деревянные или каменные закрепления передвигающихся участков. Но даже при оползнях не слишком крупных необходима консультация со специалистами Оползневой станции.

Для выявления причины оползней требуется большая исследовательская работа в области геологии, для чего необходимы обширные специальные познания, чтобы обнаружить источники, вызывающие оползни, своевременно захватить их и отвести в безопасном направлении.

Работа эта не под силу единичным лицам. Нужна организация, которая была бы способна с ней справиться. Такой организацией является Ялтинская станция по борьбе с оползнями, к которой следует в случае необходимости обращаться. Станция произведет соответствующее обследование и примет необходимые предупредительные меры.

Литературный отдел

П. Павленко

В колхозе

(Глава из романа «Счастье»)

В романе «Счастье» главный герой — демобилизованный по инвалидности полковник Воропаев, ранее крупный политработник. Он приезжает в Крым, чтобы осуществить свою давнишнюю мечту — жить на берегу моря, возделывать сад и писать. Маленький, разрушенный до тла крымский городок, переселенцы, прибывшие издалека, чтобы в новых местах строить свои жилища и судьбы—вся эта необычайная для Воропаева жизнь с ее горем и радостями, неполадками, недостатками и бурным движением захватывает его.

Воропаев с головой окунается в трудную и прекрасную жизнь. Он становится одним из организаторов этой жизни, руководителем масс на новом месте.

* * *

Колхозное собрание шло пятый час.

Председатель правления колхоза, высокий мужчина с вогнутой внутрь, как казачье седло, короткой мясистой спиной, потрясая докторскими записочками об освобождении от тяжелых работ, слезно умолял собрание выйти всем завтра на перекопку виноградников, ибо все сроки уже упущены.

В зале стояла тишина, точно все спали.

За окном, заглушая докладчика, взвывал дождливый ветер. Страшно было подумать выйти на улицу. Что только сейчас делалось на темных, грязных тропках, заменявших тут улицы!

Дождь захлестывал глаза и затруднял дыхание. Земля скользила под ногами, и в воздухе что-то скрежетало и выло, точно в вышине терзали нечто живое.

Тяжело и скучно было здесь новым людям, и о какой тут, прости господи, можно говорить перекопке, если многих в этой деревне трясла малярия, карежил ревматизм, а всяких несуразностей в новой жизни была еще целая пропасть.

И, конечно, деревенский врач был по-своему прав, выдавая колхозникам записки и бюллетени, но все же Воропаев с трудом удержал себя от того, чтобы не рыкнуть во весь голос этого не в меру ретивого служителя медицины, к счастью сидевшего довольно далеко от него, через три или четыре места, на дальнем краю скамьи президиума.

Вдруг Воропаев неясно почувствовал, что к нему обращаются. Он захлопнул блокнот, в котором рисовал завитушки, и, — виновато улыбнувшись, — оглядел зал.

Председатель колхоза стоял вполуоборота к нему, и кажется, не в первый раз спрашивал, что же в конце концов прикажет он делать с этим народом, который никому ни в чем не сочувствует.

В голове Воропаева не было сейчас ни единой дельной мысли, но выбора ему не представлялось. Вздыхая и облизывая мгновенно подсохшие губы, он поднялся и, скрипнув протезом, жалко выдвинулся на край эстрады.

В зале попрежнему стояла чудная тишина.

Лицо Воропаева защипало нервным румянцем. Он откашлялся. Это было последнее, что он мог себе позволить.

— Есть в зале фронтовики?—наконец хрипло спросил он, не зная сам, что ему нужно выяснить этим вопросом.

— Есть...Имеются...—вразнобой ответило ему несколько сонных голосов.

— А ну, дайте на вас взглянуть, какие вы... Пересядьте-ка, друзья, в первый ряд.

Вяло и нерешительно, а иные и не без издевки, фронтовики прошли вперед.

— А солдатки, как, на заду останутся? —визгливо раздалось из глубины зала под негромкий озорной смех нескольких женщин.

Ни с того, ни с сего Воропаев вдруг начал рассказывать, как, едучи к ним, он, встав поутру, не обнаружил своей левой ноги и испугался, не украли ли.

От неожиданности ли перехода или от того, что рассказ и в самом деле вышел смешным, в зале повеселело, люди заерзали на скамьях и сдвинулись ближе.

Рассказав еще два-три эпизода из не случившихся с ним приключений, которые рисовали, как трудно фронтовику сразу разобраться, что у них тут такое происходит и что ему гораздо проще было форсировать Днепр, Воропаев в очень смешных тонах набросал картину, каким представлялся ему колхоз со стороны. Он не жалел красок и не остерегался острых сравнений. В зале давно уже гудело.

Курившие в сенях вернулись толпой и, сгрудясь в проходе, мешали слушать задним рядам. На них громковато покрикивали из глубины. Фронтовики же, сидевшие в первых рядах и вместе с оратором в военном кителе с тремя полосками ленточек и четырьмя шевронами за ранения как бы представлявшие единый лагерь порядка, оборачивались назад и шикали, стараясь восстановить тишину.

Воропаев должен был невольно остановиться, передохнуть, но что-то, та глубочайшая интуиция, то нежнейшее и тончайшее чувство, что мы иной раз зовем подсознательным, повелительно подсказало не ждать, атаковать не медля.

— А ну!.. Тихо! По местам!

Все замерли, как стояли.

— Товарищи фронтовики, что же это такое? — явно для всех повышая голос, начал он.—Не для того, кажется, воевали, чтобы погибать дома. Как же у вас хватает совести смотреть спустя рукава на бездельников, лодырей, пьяниц и лежебок? Вы что—очумели? Или у вас глаза замстило, как у нас говорят. Пять часов подряд стоит перед вами этакая чечевица двояковогнутая,—он через плечо небрежно показал в сторону председателя и чуть помедлил, пропуская крутую волну смеха. — Стоит перед вами этакая чечевица двояковогнутая, и вам рты как смолой позаливало! Да гнать его надо с трибуны, кобла! О чем он может говорить, если хозяйство у него запущено до-нельзя, до омерзения, если он может у себя терпеть такого, с позволения сказать, врача, который за каждый прыщ, выскочивший на сидячем месте, готов всем неделю отдыха дать! Да тут прыщеватым рай! (Снова раздался смех и не вслед грубой шутке, а вслед шутке верной. Он сразу же почувствовал это и осмелел). Не-е-т! Под Сталинградом мы, дорогие товарищи колхозники, не так работали. Ты, друг, в какой дивизии был?—резко спросил он высокого, с одутловато-больничным лицом фронтовика, на груди которого увидел медаль «За оборону Сталинграда».

— В тридцать девятой, товарищ полковник!—встав, отрапортовал тот, не то косноязыча, не то икая.

Воропаев не сражался в этой дивизии, но он твердо знал, что во всех, сколько бы их ни было, сталинградских дивизиях происходило примерно одно и то же и, точно он не раз бывал в этой тридцать девятой, обрадованно протянул вперед руки, что выражало: «Ну, значит, должен же обязательно помнить»,—и сказал:

— Так помнишь Захарченку?.. Радиста!..Он, правда, не вашей дивизии. был, но о нем же слух по всему Сталинграду

прошел...Да ты сейчас вспомнишь! Это который одиннадцать раз раненым нырял за ротной радиостанцией, пока не вытащил ее со дна Волги...А пока нырял, его еще в двенадцатый угостило... А главное, человек до тридцати лет дожил, ни разу не плавал, не нырял...

— То не Захарченко, а Колесниченко,—напористо прокосноязычил сталинградец.— С нашей дивизии, почему же... как же! Ноне Герой Союзу!.. Как же! Именно с нашей дивизии!..

— На Днепре однородный случай был...—и чей-то новый голос, которому легонько аккомпанировало позвякиванье нескольких медалей, непринужденно врезался в нарастающий разговор.

Командный пункт собрания от трибуны незримо перемещался в зал. Следовало спешить. По узенькой боковой лестничке (его сразу подхватили) Воропаев спустился со сцены в зал и, окруженный фронтовиками, продолжал без умолку говорить с ними.

— А Киев, ребята? Кто брал Киев? Помните, какие бои шли?.. А Корсунь-Шевченковская? Ты, да?.. Дай руку — земляки мы с тобой на всю жизнь!.. Может, и под Яссами был? — обнимал он кого-то.—Может, такое счастье, что ты и ранен там?.. Ну, иди, поцелуемся... Кто резал, не Горева ли?.. Нехватало еще, чтобы она тебя оперировала...

— А ты, милый друг, и более моего видывал,—и Воропаев снова положил руку на плечо того сталинградца с бледным сдутловатым лицом, который, он только сейчас рассмотрел, был без одной руки и без одного глаза.

— Десять р-раз помми-ррал—не пом-мер,—с невероятною гордостью отвечал тот, конвульсивно подергивая губами.— Хрен меня возьмешь на одиннадцатый...

— А в Берлине вы не были?.. А Белград не брали? — между тем раздавалось со всех сторон.

— Кто был, ребята, в Севастополе да в Сталинграде, тот везде побывал!

— Это верно!.. А вы где были, в Севастополе?..

— После, милые, после. Сейчас я объявляю колхоз на угрожаемом положении... Фронтовикам организовать и возглавить штурмовые группы... Кто помер, только тому бюллетень, все остальные — с нами в атаку!.. Как тебя? Огарнов?.. Записывай, Огарнов, народ... Быстро! Не будем терять ни минуты! Внезапность — половина успеха. Не забыли?

Сталинградец с блаженно-счастливым лицом уже метнулся в сторону, и в этот момент, когда, казалось, уже ничто не могло воспрепятствовать стремительно нарастающему гос-

подству Воропаева над душами, когда в воздухе запахло порохом и все живое засуетилось, как перед подлинной атакой, и уже раздавался до-нельзя волнующий полушопот «Лопаты!.. Живо!.. Огня!.. Где первая штурмовая?» — чей-то женский голос пронзительно взвизгнул, послышалась глухая возня, и прямо на Воропаева, расталкивая окружавших его фронтовиков, выскочила и, точно о него с разбегу ударившись, остановилась потная круглая бабочка с такими оголтело-голубыми глазами, что в них было даже как-то неловко глядеть.

— С откудова ты такой взялся на мою голову?—прокричала она.—А я... раненого своего... брось... не позволю...—и обняла мужа, того, с медалью за Сталинград, Огарнова, но он тут же стыдливо отвел ее руки.

— А срамить его позволяешь? — прикрикнул на женщину Воропаев. — А глумиться над его воинской славой не препятствуешь?.. Молчать, когда я говорю!.. Поздновато спохватилась!.. Раньше жалела бы, а не сейчас, когда стыду не оберемся... Фронтовики, за мной!.. Кому наша честь дорога, тот нас не бросит! Вперед!—и все возвышая голос и с каждой новой фразой придавая ему выражение приказа, команды, броска вперед, он почти бегом вывел людей из клуба в кромешную тьму ветренно-дождливой ночи.

— Зажечь костры!..

Побежали за огнем.

Очень важно было не упустить темпа и не потерять того нервного очарования фронтовой обстановки, которое создалось так удачно, и, не ожидая, пока принесут фонари или зажгут вороха сухих чубуков на окраинах виноградников, он повел людей в полной темноте, и это тоже многим напоминало нечто, могущее их только возвысить и облагородить. Какая сила, какая воля таилась в словах: «атака, штурмовка, вперед, за мной!»

Было так темно, что черные кипарисы не проступали на фоне неба, а тонули в воздухе.

Воропаев несколько раз споткнулся, едва не упав. Чье-то худое плечико подоткнулось под его рукав, и чьи-то шершавые ручонки ухватили с другой стороны его за рукав шинели.

— Будете моим связным!.. Как зовут?

— Я Степка Огарнов,—сказал подставивший плечо, — а тот, что взял за руку, добавил,—а я его корешок Витька Сапега.

— Так вот что, Витя, беги в клуб, тащи со стола кумачевую скатерть, знамена из нее будем сейчас нарезать...Баяниста нет?

И сразу откуда-то издалека донеслось витькино:

— Есть баянист, притащу!..

— Поднимем пять знамен! Вручим пяти штурмовым группам!.. Кто ходил в атаку с флагом?

— Под Новороссийск ходил...Да и на Львов, все одно также ходил...С откудова ты на Львов шел?

— Значит, знакомое дело?.. Лады!.. Не мешкать!.. Повоюем еще разок!.. Покажем себя!.. Сосредоточивайтесь!..

Теперь, пожалуй, уже не сами слова, не смысл их, а скорее всего тон, сила и волнение голоса приобретали главное значение. Он почти не думал о том, что выкрикивает, он только следил за тем, как звучит его голос, и старался чувствовать, ведет голос за собой народ или не ведет.

Запылали вороха чубуков и сухой травы. Точно несущиеся полого над землей звезды, пробежали по скату холма огни «летучих мышей».

Крикливо переругиваясь с мужьями, вперед выходили жены. Заиграла, запела гармонь. Чувствовалось, гармонист бежит. Командиры групп запели как на параде:

— Пе-е-р-ва-а-я...

— Это батька мой,—потянув носом, сказал Степка Огарнов.—Их, аж дрожить, до чего злой...

— Вто-о-ра-а-я...

— А это дядя Егоров, матрос...Как бы он батьку не побил. Он проти батьки всегда курс держить, выхваляется перед моей мамкой, чорт морской...

Закричали, заулюлюкали, засвистели, захлопали в ладоши, и что-то, напоминающее зарево, с грохотом и смехом прокатилось издали, мелькая за черными силуэтами деревьев. Освещенная факелом из смолянки, неслась двуколка, на которой раскачивался бочонок, далеко пахнущий виноградным вином. А рядом с ним, широко расставив полусогнутые ноги, чтобы не упасть на ухабах и поворотах, самозабвенно размахивала факелом Огарнова. Приметив Воропаева, она с вызовом захохотала и поманила его к себе:

— Ишь, разжег как! Думал, бабы отстанут?.. Фиг тебе с маслом!.. Пей, не задерживай!.. Пей веселей, пьян не будешь!..

Держа в руке факел, она освещала себя низким дымным огнем, как фокусник в цирке, и от нее впрямь чего-то ждали—фокуса или подвига, скорее первого.

— Кому первому поднесть?.. Кто в бой ведет, тот счастье берет!..

Худенькое плечико дрогнуло под локтем Воропаева.

— Хороша у тебя мамка, храбрая!—торопливо сказал Воропаев мальчику, чтобы успокоить его.

— У-у, отчаянная,—задохнувшись от гордости и счастья, вымолвил Степка, ожидавший иной оценки.—Про нее у нас такая балачка идет, что храбрее ее будто один чорт в аду...

«А, пожалуй, и правда», — мелькнуло у Воропаева.—«Хоть и не похожа на некрасовскую, а ведь тоже коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...И откуда у них, у баб, только берется это?» Но думать было уже некогда.

Костры, прикрытые сверху, от дождя, листами железа, осветили виноградный холм. Штурмовые группы вонзили в мокрую землю лопаты и цапки, кое-где засверкали кирки.

Виноградные лозы были похожи на оцепеневших в прыжке змей. Они были разные,—мелкие, сморщенные, ветвистые, как рога оленя, или строже и стройнее, как семисвечия.

И казалось, что они живые существа и только прикидываются растениями.

О. Джигурда

Гибель „Абхазии“

(Из записок военного врача)

Десятого июня 1942 года санитарный транспорт «Абхазия», как обычно, ночью пришел в Севастополь. Швартовались на Сухарной балке, так как остальные причалы были разбиты. Издали непрерывно слышались глухие разрывы снарядов и гул самолетов. Это было так обыденно, что никого не беспокоило.

На этот раз мы привезли продукты, очень много снарядов и десантные войска. Высадка десанта шла очень тихо — не слышно было ни слова, только шум бегущих по палубе людей. Несколько тысяч человек успевают покинуть корабль в течение 20—30 минут. Затем они быстро строятся и уходят. На корабле остается очень немного людей из десанта: они выгружают свои сухари, мешки, какие-то ящики. Еще полчаса — уходят и эти.

Мы, личный состав корабля, остаемся одни. Когда последний человек из десантных войск покидает корабль, у нас вырывается вздох облегчения.

— Выгрузили! Все сошли,—быстрым, деловым говором сообщаем мы друг другу, и начинается вторая, не менее важная задача—снять на землю привезенный груз: снаряды, мясо, сухари, муку и другое. Груза же предостаточно; все верхние палубы заняты им, половина твиндека тоже. Разгрузкой руководит лейтенант Иван Иванович Рясиченко, «грузовой помощник». Это высокий, худой человек, без военной выправки, очень простой и ласковый со всеми. Он никогда не кричит, не суетится, всегда спокоен, движения его неторопливы, но он — душа разгрузки, у него все спорится, он всюду поспевает во-время. Ему помогают люди с берега.

Десятого июня разгрузка корабля шла особенно быстро, потому что с рассветом ждали, как всегда, налета вражеских самолетов. На разгрузку вышли все свободные люди из команды «Абхазии» и мужчины из санитарной части.

На этот раз пошел поработать и наш зубной врач Николай Поликарпович Антонов, высокий, полный мужчина с серыми глазами навыкате. Он не носил нашивок на рукаве кителя, как все командиры флота, потому что, по его мнению, присвоенное ему низкое звание не соответствовало высокому положению зубного врача, к тому же исполняющего обязанности ординатора в хирургическом отделении корабля, когда на борту были раненые. Он боялся бомб и во время бомбежек часто приседал и при этом как-то растерянно и тихо смеялся. Он крепкий, сильный мужчина и на спине сносит ящики со снарядами, ступая медленно, важно и осторожно. На берегу он ставит свои ящики подальше от корабля. «А то как взорвет — корабль потонет», — объясняет он. Возвращаясь на корабль, он покрикивает на других носильщиков и заставляет их переставлять ящики подальше. «Подальше» — это значит на 10—20—30 метров от причала. Точно какие-нибудь двадцать метров спасут корабль, если бомба попадет у берега, где лежат боезапасы.

Но Антонов упорствует: он ходит среди ящиков, заложив руки в карманы брюк и, сдвинув фуражку на затылок, покрикивает:

— Тащи сюда, подальше, подальше.

Разгрузке помогает и фельдшер, лейтенант Новицкий. Он маленький, крепкий, коренастый, с круглым лицом, всегда спокойный и приветливый. Он услужлив, но не подобострастен. Все поручения выполняет охотно и быстро. Все его зовут просто Степа.

Другой фельдшер, старший лейтенант Николай Николаевич Давыдов, высокий, полуседой, желчный человек за сорок лет, нервно ходит по палубе и все прислушивается и приглядывается к небу. Он уже два раза тонул с мелкими кораблями и боится самолетов. Обычно малоразговорчивый, он во время налетов и воздушного боя начинает без умолку болтать. Рассказы его всегда угрожающие: это все боевые эпизоды, которые кончаются чьей-нибудь гибелью, смертью или какой-нибудь катастрофой. Его обычно мало кто слушает, но ему это было безразлично—он ходит взад и вперед, заложив руки за спину, и без конца говорит, нагоняя тоску на всех присутствующих. Часто во время воздушных налетов, когда весь корабль непрерывно содрогался и стонал от стрельбы, когда бомбы падали рядом и нервы у всех бывали напряжены до последней степени, мы просили начальника санитарной службы убрать Давыдова куда-нибудь подальше, и его усыла-

ли с каким-нибудь поручением. Он всегда аккуратно все выполнял, очень любил распоряжаться, руководить, кричать и приказывать.

В это утро он по своему обыкновению ходил по палубе, покрикивая на грузчиков.

Одновременно с разгрузкой шла приборка корабля: личный состав санитарной службы по своим объектам драил помещения, каюты готовились к приему раненых. На корабле царила рабочая тишина, иногда только пройдет кто-нибудь торопливыми шагами, кто-то пробежит по трапу на мостик к командиру корабля, послышится приглушенный голос, скрипнет кран, спускающий груз на землю. Но тишина эта тревожна, напряженна. Люди работают быстро, не разговаривая. Почти бегом сносят груз и возвращаются с берега, перепрыгивая через две—три ступеньки трапа. На берегу не курят.

Стоит предрассветная тишина, темно, холодно и сыро. Где-то вдали непрерывно рвутся снаряды, гудят самолеты и разрываются бомбы. Чуть-чуть брезжит рассвет; воздух как будто сереет.

Эту напряженную тишину вдруг прерывает звук боевой тревоги. Но люди и так все на постах. В Севастополе всегда готовность № 1. Слышатся чьи-то торопливые шаги, прерывистое дыхание от бега — это кто-то отлучился, это человек, которого тревога застала не на посту. И начинается...

Сначала загрохотали наши зенитки. У нас они разные, одни грохочут басом—глухо, сильно, от них весь корабль дрожит, другие орут на более высоких нотах, и беспрерывно трещит ДШК. К нашим присоединяются зенитки берега и эсминца,— он сопровождал нас. В конвое были еще мелкие корабли, но они куда-то ушли, и здесь остались наша «Абхазия» и эсминец. Им и предстояло отразить все атаки воздушного нападения.

Бой начался около четырех часов утра. Грохот стоял такой, что разговаривать на палубе и в первом классе было невозможно. Корабль содрогался, и казалось, что он стонет. В моем отсеке, расположенном в самом низу, возле твиндека, кроме меня работало еще два санитара Цымбалюк и Цымбал, вольнонаемная санитарка Зина Экмерган и краснофлотец, медицинская сестра Валя Бабенко. Как только наш отсек был освобожден от десантных войск, люди мои немедленно приступили к уборке.

Прокофий Цымбалюк, его звали все «дядя Прокофий», из запаса, высокий, худой блондин, сорока пяти лет, до войны был председателем колхоза, а потом старшим бригадиром. Он настоящий украинец, степенный, малоразговорчивый, по-

ложительный человек; в беседе мешает русские слова с украинскими. Работал он прекрасно, за ранеными ухаживал, как самая нежная няня, поил, кормил, успокаивал, ни на минуту не прерывал работу. Когда он спал—неизвестно.

С той минуты, как в наш отсек поступали десантные войска, и до момента, пока последний раненый, взятый из Севастополя, не был снесен или выведен Цымбалюком на берег и отсек наш не приведен в образцовый порядок, дядя Прокофий не присаживался ни на минуту и, само собой разумеется, не спал.

Рейс наш в Севастополь и обратно длился обычно три—четыре, а иногда и пять дней, и все это время он не смыкал глаз. Бывало, я отсылаю его спать, а он неизменно спокойно отвечает:

— Ничего, ничего, после высплюсь. Вы не беспокойтесь.

Вместе с ним долгое время работал у меня санитаром Андрей Бондаренко. Это был молодой человек, высокий, крепкий, красивый, с быстрыми движениями. Он говорил скороговоркой, редко ходил—все бегал, часто суетился, волновался и кипятился. Несмотря на разность характеров, Цымбалюк и Бондаренко очень любили друг друга. Весь досуг проводили вместе и на берег сходили в тыловых портах обязательно вдвоем.

В мае у меня его взяли, перевели старшим санитаром во второе отделение «на прорыв». Цымбалюк и Бондаренко были лучшими санитарами на корабле, мы их постоянно хвалили. В январе 1942 года Бондаренко был награжден медалью «За боевые заслуги». Оба гордились, что они «лучшие», и всегда старались быть еще лучше. Если кто-нибудь из начальства благодарил Бондаренко, он сейчас же вскидывал голову и выпаливал:

— А Цымбалюк?

— Ну, и Цымбалюк тоже,—отвечают ему.

Он просияет и скажет своей скороговоркой:

— Ну, то-то же, а то как же Бондаренко без Цымбалюка!

Если то же случалось с Цымбалюком, он степенно принимал благодарность и, помолчав, медленно спрашивал:

— И Бондаренко? Он того... хороший.

И получив ответ, что Бандаренко «тоже хороший», спокойно усмехался и медленно говорил:

— Мы ведь с ним вместе.

И вот их разлучили. Вместо Бондаренко дали мне двух санитаров: один из них Цымбал, жгучий, усатый брюнет с изуродованными пальцами правой руки; он был ранен где-то на передовой, получил нестроевую, направлен на корабль санита-

ром и попал ко мне в отсек. Он был ленив, неряшлив, медлителен, работал плохо, небрежно. Цымбалюк не любил его. Бывало, подметет пол санитар с усами и оставит грязь в углах, под койками. Цымбалюк посмотрит, повздыхает, возьмет веник, швабру и начнет снова драить пол, а сам все вздыхает и приговаривает:

— Це тоби ни Андрей, ни. И нащо чоловика от дила отрывати? И робив и звикли ми один до одного, на тоби—старший санитар! Чи там своих нехватало?

На новых моих санитаров он не обращал никакого внимания и считал, что работает один. Цымбалюк и Бондаренко скучали друг без друга. Странно и приятно было видеть их вместе: Бондаренко молодой, живой, всегда чем-нибудь взволнован, говорит быстро-быстро, а Цымбалюк, высокий, немного сутулый, ласково, спокойно его слушает и отвечает медленно, степенно. Он всегда успокаивал Бондаренко.

Андрей часто прибегал к нам, уже работая старшим санитаром во втором отделении. Прибежит, как ураган.

— Дядя Прокофий, где вы? Чего вам тут помочь? Я — быстро.

Схватит швабру, начнет драить пол, или вынесет ведро с грязной водой, или бросится раздевать раненого.

— Не могу отвыкнуть, — жаловался он мне часто. — Все кажется, что то отделение чужое, и люди там не такие, и дяди Прокофия нет, и санитары не слушаются. Вы бы взяли меня обратно, а? Или я вам не угодил чем?

И смотрит на меня просяще.

— Нет, Бондаренко, вы самый лучший санитар, — успокаивала я его. — Вас перевели ради пользы дела. А приказы нельзя обсуждать, их нельзя оспаривать. Вы там нужней, вы научите там других работать.

— А тут дяде Прокофию трудно без меня, а мне там без вас плохо, — не унимался Бондаренко.

— А ты не возражай, не возражай, — урезонивал его Цымбалюк. — Роби, а до нас приходь, мы рады.

В это памятное утро Бондаренко прибежал к Цымбалюку и шопотом сказал ему:

— В случае чего, без меня с корабля не сходите, я прибегу, мы вместе. Сегодня будет трудно.

Цымбалюк через плечо ласково кивнул ему головой, и Бондаренко убежал.

Санитарка Зина Экмерган попала к нам на корабль в феврале. Перед этим она была на передовой, получила легкое ранение, попала в Новороссийск, а затем каким-то образом к нам на корабль.

Она молодая, очень живая девушка. Про таких говорят: «огонь-девка». Работала она быстро, порывисто, убирала не всегда хорошо, но зато быстро. Была она почти рыжей блондинкой, с подвижным личиком в веснушках и звонким голосом. Она не признавала никаких «рангов», и если ей нужно было кого-нибудь, она влетала в каюту или на мостик к нужному ей человеку, не обращая внимания на то, занят он или свободен, и залпом выкладывала ему свое дело. Была она неспокойная, крикливая и сама себя называла «хулиганкой», но стоило прозвучать сигналу боевой тревоги, как Зина делалась неузнаваемой: она моментально затихала, становилась серьезной и сейчас же бежала ко мне. Если она меня заставала сидящей, бросалась передо мной на колени, умоляюще заглядывала мне в лицо и, прижимаясь ко мне головой, просила:

— Я пойду, товарищ военврач, я пойду. Вы разрешаете? Да? Пусть приберут Бондаренко и дядя Прокофий. Я потом всю ночь отдежурю. Можно? Да? Можно?

И приставала ко мне до тех пор, пока я не отпускала ее. Она умела стрелять из пулемета, умела набивать ленты и с первым же выстрелом бежала к нашим орудиям помогать комендорам и пулеметчикам. Людей у орудий у нас было мало, и если приходилось вести бой несколько часов подряд, люди уставали так, что падали с ног. Зина, бывало, побежит, постреляет наверху часа два—три, устанет; прибежит, запыхавшись, к нам в отсек, найдет меня, непременно усадит, а сама опустится передо мной на пол, уткнется лицом мне в колени и затихнет. Я ее поласкаю, поглажу по голове, скажу ей ласковые слова, она посидит молча, отдохнет, потом встает.

— Там очень страшно, Ольга Петровна, очень. Слышите? Слышите? Ну, я побежала.

И убежит. По дороге непременно крикнет:

— Дядя Прокофий, вы не сердитесь. Я всю ночь дежурить буду, а вы пойдете спать.

Цымбалюк смотрел на нее, как на малостоящую, глупую девчонку, но эта страсть Зины «самой стрелять» вызывала у него и удивление, и восхищение.

— И ведь стреляет, — удивленно говорил он мне. — Сама стреляет. Я ходил, спрашивал, что, мол, моя Зинка тут

делает; может, мешает? Нет, она там нарасхват. Все зовут: «Зинка, давай ленты, Зинка, подсобляй, Зинка, дай воды». Вот, поди ж ты...

Он удивлялся и разводил руками, а когда вечером кончался бой и Зина являлась в отсек дежурить, между ней и Цымбалюком обязательно начинался спор. Зина приставала к нему, чтобы он уходил в кубрик спать, а он все отнекивался и настаивал, чтобы спать шла Зина, потому что она «стреляла» и устала. Кончалось тем, что они оба оставались в отсеке, если были раненые.

Медицинской сестрой у меня работала краснофлотец Валя Бабенко, высокая, стройная, красивая брюнетка, всегда сдержанная, спокойная, ласковая, исполнительная, со строгим выражением лица. Голос у нее был низкий, грудной и очень приятный.

Война нас соединила вместе в этом отсеке; мы были разными людьми по характеру, воспитанию, взглядам на жизнь, по возрасту, но нас свела война, и мы жили дружно, относились друг к другу с уважением, привязались друг к другу, словом, стали настоящей «боевой семьей». Я была старшей, но не помню, чтобы мне хоть раз приходилось сердиться на своих помощников, чтобы хоть один раз мое приказание было выполнено не точно и не сразу.

В нашем отсеке были три больших каюты с двухъярусными койками, на которых размещалось 70 раненых. Посредине одной из кают мы расстилали на полу матрацы, клали подушки, одним словом, готовили хорошие постели с бельем и на полу укладывали еще 20—25 раненых; в общем, у нас часто помещалось до 100 человек, а иногда и больше. В мае нам сделали из крошечной каютки отдельную операционную, в которой помещался только операционный стол, две табуретки и столик, прибитый к стенке. Все было выкрашено в белый цвет. Здесь мы сами накладывали глухие гипсовые повязки.

Из-за крутого узкого трапа в наш отсек доставлять раненых на носилках было невозможно, и поэтому из числа поступавших на корабль раненых к нам направляли с более тяжелыми ранениями верхних и нижних конечностей, но таких, которых санитары могли снести на спине. В коридоре третьего класса, откуда спускался к нам трап, мои санитары ждали направленных к нам раненых, снимали их с носилок, перекладывали на плечи и сносили вниз.

Это утро началось у нас, как обычно: сгрузили десант и принялись за уборку. Но не успели ее кончить, как начался обстрел. Зина сейчас же убежала «стрелять». Санитары продолжали драить помещения, носить постельные принадлежности и белье, сестричка Валя стлала постели. Начальник санитарной службы военврач 2 ранга Цыбулевский перебрался на берег. Ему сказали, что в штольнях ждали раненые. Он захватил с собой нашего ведущего хирурга военврача 2 ранга Эдуарда Ивановича Кечека, чтобы вместе с ним на месте решить, кого брать в первую очередь на корабль для эвакуации, и военврача 3 ранга Анну Васильевну Пустошинскую.

Она была странной женщиной, эта Пустошинская: неуравновешенная, крикливая и суетливая. Временами она становилась совсем тихой и незаметной. Среднего роста, довольно полная блондинка с ассиметричным лицом. Она была начальником второго хирургического отделения. Хирургом была больше чем слабым, но обладала большим апломбом и самоуверенностью. У нее было большое отделение во втором классе и большая перевязочная, сделанная в бывшем буфете, разгороженная простынями на несколько отделений; имелась даже операционная. Ординаторами ее работали Антонов и военврач 3 ранга Евгений Савельевич Гуревич, сын ленинградского профессора Гуревича. Полтора года назад он окончил Военно-морскую академию, во время войны некоторое время работал хирургом в севастопольском госпитале у начальника хирургического отделения военврача 2 ранга Надтока. Он очень этим гордился и считал себя почти законченным хирургом.

Анна Васильевна покрикивала на всех, в том числе и на своих ординаторов, которые, кстати сказать, не отличались большим рвением к работе, а предпочитали ходить по перевязочной и в свою очередь покрикивать на сестер, которых в этой перевязочной было, кажется, пять или шесть. Среди них была фельдшер, лейтенант Таня Величко, очень милая блондиночка, скромная, приветливая, часто смущавшаяся и красневшая. Анна Васильевна покровительствовала ей, называла ее Танюшей и часто подсмеивалась над любовью, зародившейся в самые тяжелые и грозные дни боев между Таней и старшим помощником, молодым, энергичным Надточим.

В этом втором хирургическом отделении лежали раненные преимущественно в нижние конечности, в бедро, живот и тя-

желые, носилочные раненные в грудь — их легче всего было грузить с трапа в это отделение. Анна Васильевна хорошо «воевала» со своим персоналом, пока было тихо, до первого выстрела. При первом же залпе из орудий, первом извещении по радио: «Курсовой 105—пять самолетов», или «Курсовой 100—семь самолетов» — весь воинственный вид у Анны Васильевны пропадал сразу. Из командира она сейчас же превращалась в жалкую, плачущую женщину: дрожала, ломала руки, плакала и причитала. В эти моменты она меня не выносила и злобно кричала мне:

— Почему вы не боитесь? Как можно оставаться спокойной и так владеть собой, чтобы цедить сквозь зубы?

И все-таки она искала меня. Я брала ее за руку, усаживала рядом с собой (если обстановка разрешала мне быть вдали от моего отсека) и настойчиво говорила:

— Ну, замолчите, трусишка. На вас смотрят. Замолчите, замолчите.

И она умолкала, всхлипывая.

Очень часто уводил ее к себе начальник аптеки Леонид Васильевич Ухов. Он испытывал муки во время боев, как он сам потом признавался, но держался прекрасно и всегда всех успокаивал. Весь корабль знал, что у Анны Васильевны начинались истерики после первых же выстрелов, и наши морячки, острые на язык, отпускали по ее адресу такие словечки, что мы делали вид, будто не слышим их.

Леонид Васильевич Ухов, образованный, культурный человек, всегда уравновешенный, выдержанный, хотя и нервный, любил выпить, как, очевидно, все аптекари, и перед боем обязательно прикладывался к «Spiritus vini» или, как у нас его называли, «антибомбину». У него в аптеке всегда был запас всяких вин, хороших и плохих. Выпив, Ухов становился удивительно мягким и ласковым, глаза у него делались влажными, и он любил говорить о возвышенном и целовать «дамам» ручки. Когда у Анны Васильевны начиналась истерика, он уводил ее к себе в аптеку, усаживал на мягкий диван, брал ее руки в свои и уговаривал мягко и ласково, точно голубь ворковал. Она плакала, дрожала, порывалась убежать, но все-таки в его присутствии чувствовала себя значительно лучше. Давыдов пугал ее невероятно. Она не могла слышать его рассказов и часто прогоняла его от себя:

— Уходите, уходите сейчас же!

— Ага, плачете? — как-то злорадно говорил Давыдов. — Плачьте, плачьте, а «он» сейчас как шарахнет, так ничего от вас и не останется.

Анна Васильевна визжала, Давыдов зловеще смеялся и уходил.

В это утро Цыбулевский увел Пустошинскую в штольню, чтобы она не мешала на корабле своими истериками и криками.

Несмотря на то, что в это утро все шло по заведенному порядку, чувствовалось, что происходит что-то необычное. Бой чем-то отличался от прежних боев: стрельба была гораздо сильнее, а грохот стоял такой, что никто и не пытался разговаривать, и даже у меня в отсеке, где всегда было тише, стояла какая-то гнетущая тишина среди невероятного гула боя. Корабль особенно вздрагивал и трясся, бомбы с самолетов рвались рядом. К привычному шуму наших орудий прибавились какие-то незнакомые глухие, сильные звуки, похожие на короткие раскаты грома.

— Что это? — спросила я.

Цымбалюк сразу понял меня. Он тоже заметил эти звуки и прислушивался к ним.

— Это дальнобойные орудия «ихние», — ответил он тихо. «Ихние» — это немецкие. Это было необычно. В нас еще никогда раньше не стреляли прямой наводкой.

Тогда наши пустили дымовую завесу. Знаете ли вы, что это такое? Это дымовые шашки, которые напускают столько тяжелого, молочного цвета дыма, что дышать становится трудно. Дым этот ест глаза, от него першит в горле, смотреть становится невозможно, начинает болеть грудь—в общем похоже на удушливый газ. Люди кашляют, сморкаются, у всех слезятся глаза. Но мы терпим без единой жалобы потому, что второго июня 1942 года, когда мы тоже стояли в Севастополе, был такой же ад, так же на нас налетали вражеские самолеты по 15—25 штук, мы целый день были под дымовой завесой и благополучно ушли от бомбежки.

Грохот боя, между тем, все усиливается, возрастает; все чаще и чаще мы слышим по радио: «Курсовой 90 — пять самолетов», «Курсовой 100 — три самолета», «Курсовой 110 — семь самолетов». Грохот, шум.

Неутомимый, бесстрашный Цыбулевский привел на корабль первую партию раненых. Ко мне в отсек было направлено, кажется, восемь человек, из них трое с тяжелыми ранениями плеч с повреждением костей. Один из них был особенно тяжел. Когда я осмотрела его руку, у меня возникло сомнение, можно ли накладывать глухой гипс на такую бесформенную массу, какую из себя представляла правая рука молоденького краснофлотца.

— Готовить гипс? — понимающе спросила меня сестричка Валя, делая движение по направлению к нашей «операционной».

— Этим двум.

Я указала на двух других раненых, один был с разбитым предплечьем, другой — с раздробленным плечом.

— Введи камфору, морфий, как всегда. Готовь бинты для большой повязки, а я пойду позову хирурга, чтобы показать этого раненого. Может быть, ему надо ампутировать руку.

Я вышла. Проходя мимо машинного отделения, я увидела в коридоре трех краснофлотцев и с ними Селенина, краснофлотца из боцманской команды, шустрого, подвижного, улыбающегося всем и каждому, человека с хитрыми, маленькими глазками. Он сидел на корточках и прикуривал. Я остановилась. Краснофлотцы вскочили и спрятали папиросы в кулак.

— Почему курите в неположенном месте? — тихо, но строго спросила я. В это время корабль так встряхнуло, что мы едва устояли на ногах. Раздался оглушительный грохот. Мы застыли на месте.

— Обсуждаем вопрос, — бойко заговорил Селенин, когда грохот немного затих, — выдержит «Абхазия» или нет? Если выдержит сегодняшний день, то ее надо в музей, как редкость.

Снова раздался грохот, и снова застонал корабль. Я быстро обошла отделения, но Кечека нигде не было, оказывается, он все еще на берегу. Натыкаюсь и чуть не сбиваю с ног Цыбулевского. Останавливаю его, прошу прислать мне Кечека и объясняю, зачем.

— Кечек на берегу в штольне, сейчас он придет, — как всегда спокойно и немножко невнятно, говорит Цыбулевский. — А Анну Васильевну я отправил в штольню на берег, чтобы не пугала людей. — Он улыбается и убегает.

— Так пришлите мне Кечека! — кричу ему вдогонку.

— Пришлю!

Удивительный человек Цыбулевский. Для него не существовали ни разрывы снарядов, ни качка, ни ужасы боя; он ничего не замечал, а беспрерывно бегал, именно — не ходил, а бегал с озабоченным видом. У него всегда была масса дел, и он носился целый день и даже ночь по кораблю. Ему непременно нужно было видеть все своими глазами. Все его любили и встречали ласковыми улыбками, а у него для всех находилось приветливое слово и шуточка.

Мне не понравилась обстановка наверху: очень тревожная, напряженная. Лица у всех, кого я ни встречала, были нахмурены, сосредоточены. Дымовая завеса исчезла. Штаб армии приказал прекратить ее, так как ветер относил дым в сторону, он мешал нашим передовым линиям, и немцы потеснили наших.

Итак, немцы у Северной стороны! Сердце на мгновение остановилось, а потом забилось часто, часто. Я должна была перевести дух. Вновь и уже совсем рядом раздался ужасный грохот. Корабль вздрогнул, что-то затрещало в нем. Мне казалось, что я потеряю сознание. В вестибюле мигнула и погасла электрическая лампочка. Замолкло радио, и я перестала слышать слова команды.

Я быстро вернулась к себе в отсек. У нас было сравнительно тихо. Здесь еще не знали о том, что нет дымовой завесы, что немцы прорываются на Северную сторону и непрерывно бьют прямой наводкой по Сухарной балке.

— Все готово, — слышу я спокойный голос сестры Вали из перевязочной. — Будем начинать? Брать больного?

— Бери, — отвечаю совершенно машинально, надеваю халат, мою руки.

Цымбалюк приводит раненого. Раненый бледен, измучен, еле стоит на ногах, здоровой правой рукой он поддерживает раненую левую. У него огнестрельный перелом левого плеча; рана обработана, первичная обработка сделана, рана чистая. Засыпаем ее порошком стрептоцида и кладем большую грудную гипсовую повязку. Мне помогают Цымбалюк и Валя. Санитар с усами подает бинты.

Раненый стонет, на его лбу выступает пот, но по мере того, как заканчивается перевязка, лицо у него проясняется, он дышит спокойней и, наконец, облегченно вздыхает. Между тем, грохот все увеличивается. Вдруг страшный удар по кораблю — такое впечатление, что корабль подпрыгнул и со скрипом опять упал на воду. Это в нос попала первая бомба, и в кормовом отсеке и во втором хирургическом отделении начался пожар.

— Можно вести на койку, — говорю я Цымбалюку. Мне делается нехорошо. Я подвержена морской болезни и укачивалась даже у стенки. И сейчас меня начало тошнить, появилась головная боль. Я почувствовала противный, сладковатый привкус во рту, а корабль все покачивался, все вздрагивал.

Цымбалюк отвел больного и, почесав затылок, сказал, как бы извиняясь:

— Разрешите одеть раненых, а то как бы чего не вышло.

Я сразу поняла его.

— Оденьте и не велите спать, и давайте другого в перевязочную, — ответила я, не раздумывая.

Мне дали другого раненого. Мы гипсуем. Здесь ранение легче — повреждено предплечье, раненый бодрей, мы заканчиваем быстрее. А корабль все дрожит то мелкой, то более крупной дрожью. Непрерывен гул самолетов, и непрестанен свист бомб. Чувствуется какая-то необычность в самом ходе боя. Голова у меня кружится, я снимаю халат, мою руки в тазу и в это время слышу громкий голос Кечека:

— Джигурда! Где Джигурда?

Я выхожу и кричу ему:

— Иди сюда! Мне нужно показать тебе одну руку — можно ли ее гипсовать, или ее нужно ампутировать?

Кечек кубарем скатывается вниз по трапу, видит гипсовые бинты, халаты, грязную воду.

— Ну, конечно, корабль тонет, а она гипсует. Какая может быть ампутация? Сумасшедшая! Уходи отсюда скорее. Пожар... Дым... Тонет... А она гипсует.

Он быстро втащил меня по трапу наверх и сейчас же исчез. Я ему успела крикнуть:

— Кто тонет? Где пожар? Куда ты?

И издали услыхала его ответ:

— Уходи!

Все же я немедленно спустилась вниз. Меня встретило встревоженное лицо Цымбалюка.

— Что там? Что делать? — спрашивал он.

— Оденьте раненых, выведите их наверх. Собирайтесь сами. Здесь все оставить, как есть. Выходите на верхнюю палубу. Я пойду узнаю, в чем дело.

Шатаясь и держась руками за поручни, так мне было нехорошо, я пошла наверх.

В первом классе на меня пахнуло жаром и дымом.

— Где-то горит, — успела я подумать, и сейчас же кто-то ткнул мне ведро в руки, и я услышала торопливый тревожный голос:

— Скорей воды, доктор! Бегите по воду! Пожар во втором классе!

Дыма много. Он ест глаза, трудно смотреть, трудно дышать. Комиссар Нарнов стоит на широком трапе, ведущем во второй класс, и деятельно распоряжается. Боцманская команда, аварийная команда, санитары, санитарки тушат пожар, но нехватает шлангов, воду передают ведрами по конвейеру; ведер мало. Пожар во втором классе. Пожар в курительном салоне. Я слышу:

— Боцман убит, политрук Волковинский ранен, четыре артиллериста убиты... десять человек ранено...

Но я не узнаю, кто это говорит, и не интересуюсь этим. Я почему-то равнодушна ко всему происходящему. Оно доходит до меня как бы издалека. Вдруг я соображаю, что мало ведер, бегу в буфетную, со мной няня Готовцева, и сквозь дым вижу розовое, красивое лицо санитарки Морозовой. В буфетной нахожу несколько ведер, наполненных вилками, кружками.

— Бросай все на пол!

Мы освобождаем еще три ведра, наливаем их водой. Все хочется делать как можно быстрей, но как невозможно медленно течет вода из крана! Морозова не в состоянии ждать, пока наполнится ведро, она хватает пустое ведро и куда-то убегает с ним.

— Доктор, Ольга Петровна, посмотрите, у нас умирает капитан в крайней каюте. Что с ним делать?

Я не помню, кто меня звал и кто потащил в каюту к тяжело раненному. Готовцева взяла два ведра и унесла их. Я пошла в каюту, дыма стало немного меньше, я увидела смертельно бледного человека. Повязка на голове, перевязаны обе руки, плечи и предплечье, левая нога в Крамеровской шине, он бледен, губы сжаты, глаза закрыты, но он еще дышит. Пульс малый, еле прощупывается.

— Надо срочно инъекцию камфоры и переливание крови,— говорю я и поворачиваюсь, чтобы распорядиться.

Дежурная сестра уже здесь. В дверях встречаю Бердникову. Это фельдшер, лейтенант, старшая сестра первого хирургического командирского отделения. Она быстро входит в каюту.

— Потом камфору,—распоряжается она.—Приказ снести всех раненых на берег. Давайте его на носилки.

Она с носилками, с ними санитар и штурман Миша Степановский. Я велю дежурной сестре бежать в операционную, взять шприц с камфорой и в вестибюле, когда там будут проносить раненого капитана, впрыснуть ему камфору.

У Маруси Бердниковой сердитое, взволнованное лицо. Капитана кладут на носилки.

— Я побегу сказать моим, чтобы уходили на берег,—говорю я и иду за носилками с капитаном.

— Им уже сказали,—отвечает Готовцева. Бердникова молча идет за ней.

В это время я чувствую новый страшный удар. Корабль опять как бы подпрыгивает, качается, и сейчас же раздается

душераздирающий крик. Я поворачиваюсь и вижу Бердникову. Она стоит спиной к стене, держась руками за поручни и кричит:

— Помогите! Помогите!

Готовцева шатается, она одной рукой держится за стенку, тоже кричит и медленно оседает вниз. Это я вижу лишь на одно мгновение, у меня кружится голова, и я перестаю понимать, что происходит.

Второй удар. Кажется, он сильней предыдущего. Я ударяюсь головой о стену и теряю сознание. Но все же я не упала, а как-то присела и прислонилась головой к стене. Сколько прошло времени—не знаю. Наверно, считанные секунды, может быть, минуты. Я поднимаюсь, еще слышу стоны Бердниковой, но они раздаются откуда-то издалека. Вероятно, я оглушена. Встаю, прижимаясь к стене. Правая половина головы болит до того, что не открыть глаз. Я крепко держусь за поручни и, покачиваясь, стою. Соображаю: надо пойти вниз. Собираю силы, поворачиваюсь и, шатаясь, иду к выходу. Дыма опять стало больше, сильней пахнет гарью, грохот, шум, свист бомб. Сейчас этот шум оглушает меня еще больше, и каждый удар болезненно отдается в правой половине головы, и мне хочется закричать так же, как Бердникова, «Помогите!», но я иду, сжав зубы.

Сквозь дым вижу Антонова. Он быстро идет, заложив руки в карманы. Увидев меня, остановился.

— Почему вы здесь? На корабле уже никого нет. Все сошли на берег. Была команда всем сходить на берег,—спокойно говорит он.—А хорошо, что я ящики ставил дальше? Там бомба разорвалась...

Я удивлена. Он не приседает и совершенно спокоен, и я тоже сразу успокаиваюсь, и мне даже кажется, что у меня голова болит меньше, но я шатаюсь.

— Вы бледны. Вам нехорошо? Может, вам помочь?—озабоченно спрашивает он и подхватывает под руку.

— Нет, спасибо, я сама...я скажу моим...—я делаю движение вперед.

— Ваши давно уже в штольне на берегу с Цымбалюком. Я сам видел. Сходите на берег.

— А вы куда?—спрашиваю.

— Я в каюту, возьму плащ.

Я медленно пробираюсь на палубу. Все в дыму, в огне... Корабль кренится набок. Пол уходит у меня из-под ног. Ясно вижу берег, но никак не могу понять, почему трап неестественно поднят вверх. Мелькнула мысль, что на берег не сойти,

и я остановилась. Мимо прошли две женщины; они вынырнули из дыма и сразу же пропали, за ними два краснофлотца. И тоже исчезли.

Я все-таки, очевидно, плохо соображаю. Голова нестерпимо болит, но я ясно видела у одного краснофлотца кровь на лице; его поддерживал второй краснофлотец, у которого неестественно болталась правая рука.

— Бинты есть?—слышу я.

— Сейчас,—отвечаю кому-то.

Бинтов со мной нет, но я ясно вспоминаю, что у меня в каюте целый узел бинтов и ваты. Штук тридцать бинтов. Я быстро поворачиваюсь и иду к себе в каюту: это первый класс, каюта № 7, четвертая дверь направо. В дыму плохо видно, я ощупью считаю двери, никого нет. Дым ест глаза. Корабль дрожит, стонет и все резче кренится набок, грохот продолжается, но он уже отдаленнее.

Наши орудия не стреляют. Нет, вот наш выстрел. Я узнала его по особому звуку. Кто-то еще есть на корабле. Ощупью нахожу свою каюту. Дверь не заперта. Под койкой на полу маленький чемоданчик и с ним узел с бинтами и ватой. Я беру и то, и другое. Все это быстро, торопливо, потому что боюсь потерять сознание, думаю только о том, чтобы не упасть. Последний взгляд на каюту, на картинку, которая висит над диванчиком—лес, деревья и зеленая трава...

Я возвращаюсь к трапу. На трапе краснофлотец. Он спускается очень быстро, за ним женщина с платком. Корабль все кренится набок, пламя с корабля зловеще освещает воду и берег в зеленоватый цвет, трап отошел от причала; от него на берег повисла доска. Их две, кто-то сколотил две доски вместе и перебросил с качающегося трапа на берег.

На причале стоит политрук Галкин и что-то говорит, но я не слышу его... Краснофлотец бежит по доске, она качается под ним. Он бежит быстро, так же быстро сходит и женщина с платком, за ней и я. Сзади себя слышу торопливые шаги. Неужели я сойду по этой доске и не упаду? Голова кружится, но я вижу эту доску и Галкина на причале. Иду быстро и схожу на берег и тут же слышу как будто издалека спокойный голос Галкина:

— Сходите спокойно. Был приказ командира корабля покинуть корабль. Без паники, идите в штольню. Сюда, прямо!

Проходя мимо него, спрашиваю:

— Цымбалюк сошел?

— Да, да, Цымбалюк, Бабенко давно с ранеными в той штольне,—он показывает рукой.—Спрашивали вас. Вы идите туда.

Он куда-то машет рукой. Я иду и оборачиваюсь. Наша славная «Абхазия» уже совсем накренилась. Столбы дыма, пламени... трап дрожит... доска, переброшенная к причалу, качается, по ней еще кто-то сходит. Самолеты еще тут, визжат, свистят бомбы, и где-то недалеко слышны разрывы. Но Галкин стоит у причала и всех встречает успокаивающими словами.

У всех, кого я вижу, торопливые, неестественные движения. У самой штольни меня встречает, кажется, Степа Новицкий, берет под руку и ведет в штольню. Здесь темно, душно, дымно. Все толпятся, все взволнованы. Слышу тревожный голос Заболотной:

— Где Джигурда? Я не вижу Ольги Петровны! Где Ольга Петровна? Что делать, нет ни одного бинта. У политрука Волковинского хлещет кровь. Чем перевязывать?

Слышу другой чей-то взволнованный голос:

— У Ухова были бинты.

— Уже нет.

Я вхожу в штольню. Несколько пар рук тянутся ко мне. Я вижу военфельдшера Заболотную, высокую, красивую женщину, ее лицо мне кажется особенно милым в эту минуту. Она бросается ко мне.

— Вы спрашиваете, кажется, бинты? Возьмите,—и я протягиваю узел с бинтами.

У меня его сразу же выхватывают, и я слышу радостный крик:

— Бинты! Бинты!

Оказывается, у нас 35 раненых и 16 убитых. Аптека наша сгорела; все сошли на берег, как стояли. Некоторых наших раненых успели перевязать в перевязочной и в санчасти, но большинство раненых, особенно легкие, сошли на берег без перевязки. Бинты принес Ухов, он вернулся в свою потайную кладовочку и взял целую наволочку бинтов, кроме того, бинты принесла я. Вот и все наши запасы. Ни шприца, ни камфоры, ни спирта, ни жгута—ничего.

За время работы нашего корабля мы перевезли много раненых и оказывали им в пути медицинскую помощь. Мы оперировали, переливали кровь, гипсовали и прочее. А сейчас наши люди, спасавшие других, лежали беспомощными, и наши медработники толпились около них, не зная, что делать.

Я подошла к политруку Евгению Никитичу Волковинскому. Небольшой, коренастый, очень подвижной южанин, лицо на редкость некрасивое, с широким носом, большими губами и маленькими узенькими глазками, которые он так

часто щурил, что тогда их почти не было видно. Он говорил: «ми», ,ви», «ви сказала», «ви хотела», «что ви хочете?», «колидор». Ужимки у него были «одесские», смешные. Ходил он вразвалку, был очень вспыльчив и до крайности самолюбив. Однако его любили, хотя и посмеивались над ним. Он был страстный игрок «в козла», в домино и играл мастерски, стуча изо всей силы по столу костяшками и крича во все горло. В бою он ходил всегда сгорбившись, вбирая в себя голову и часто повторял: «Вот дает, вот дает!», иногда точно с восхищением прислушиваясь к грохоту выстрелов. Говорили, что он трус. Волковинский легко принимал шутки и сам смеялся над собой. Но в самые опасные моменты он бывал, я замечала, именно в наиболее опасных местах.

Девятого февраля 1942 года, когда мы вот точно так же стояли у Севастопольского причала, разгружали корабль от привезенного груза и одновременно грузили раненых, случился жестокий налет немецких самолетов на наш корабль. Возле нас тогда стояла баржа, куда мы сгружали груз. Бомбы сыпались вокруг, но в нас не попадали. И вдруг одна из бомб ударила в рядом стоящую баржу, уже почти наполненную грузом; на барже было двадцать человек команды.

Баржа затонула моментально, люди потонули с ней вместе, но несколько человек все же вынырнули и плавали в холодной февральской воде. Произошло это в течение нескольких секунд. Мы все остолбенели.

Евгений Никитич в это время был на палубе, куда сбежались все наши. Кто-то бросил за борт погибающим пробковые пояса и пробковые матрацы. Евгений Никитич немедленно отдал приказание спустить шлюпку на воду. К утопающим на помощь с двух сторон устремились катера. Один из них очень быстро подобрал трех тонущих людей, но последний из пострадавших все еще барахтался недалеко от нашего борта. Он был оглушен, но держался за какое-то бревно, то исчезая под водой, то вновь появляясь на поверхности. Евгений Никитич необыкновенно быстро спустил шлюпку. Он был даже без шинели, только в фуражке. ежился от холода, прыгал на одной ноге и размахивал руками. Налет между тем продолжался. Шлюпки спустили, тонущего подобрали. Евгений Никитич еле вытащил его из воды, сам весь измок и, поднявшись на борт, сейчас же потребовал себе стакан водки (он любил выпить). У пострадавшего оказалось небольшое ранение мягких тканей головы, он был оглушен, продрог от холодной воды. Его согрели, оперировали, сделали первичную обработку ран, он быстро пришел в себя, и все

обошлось благополучно. Я тогда крепко пожала руку Евгению Никитичу. Он был даже смущен моим неожиданным поступком. Однако и в этот раз над ним смеялись, что он со страха шинели даже не надел и схватил фуражку вместо теплой зимней шапки. И он соглашался со смеющимися.

— Представьте, я даже шинели не надел, — растерянно говорил он, и потом с ужимками рассказывал, как он прыгал от холода, как его обрызгала вода, как он измок, и все смеялись, и никому не приходило в голову, что на палубе находилось много людей,—и командиров и краснофлотцев, тепло одетых, но никто не догадался спустить шлюпку и броситься спасать утопающих. И когда я, возмущенная издевками над ним, особенно со стороны старшего лейтенанта Анисимова, резко заметила, что чем смеяться над человеком, совершившим благородный поступок, лучше бы посмотреть на себя, а не стоять важно с никому не нужной подзорной трубой, Евгений Никитич смутился еще больше.

— Почему вы не спустили шлюпку и не бросились спасать людей? — спросила я Анисимова. — Вы были тут же и смотрели в бинокль, точно простым глазом не видно, что люди тонут.

Анисимов смутился.

— Я не сообразил, — пробормотал он.

— Ну, а Евгений Никитич сообразил, и нечего смеяться над ним.

Анисимов недовольно поджал губы.

В другой раз, в Туапсе, произошел массовый налет немецких самолетов на порт. Мы стояли там же. В нас не попала бомба, но два соседних судна пострадали. На одном возник пожар. Оно перевернулось набок. Мы получили команду спасать людей, и из нашей санчасти, кроме дежурных и Пустошинской, которую не показывали людям при налетах, все выбежали на помощь пострадавшим. Евгений Никитич был впереди всех, лазил на горящий корабль и вытаскивал оттуда людей.

И теперь, в памятное утро десятого июня 1942 года, этот «трус» был в самом опасном месте. Он был там, куда попала первая бомба, на корме, в курительном салоне, и тушил возникший пожар вместе с боцманской командой. Туда же очень скоро попала вторая бомба. Боцман был убит наповал, а Евгений Никитич ранен. Его снесли на берег, положили на носилки, кое-как перебинтовали. Он был ранен очень тяжело в лицо: левая часть надорвана, губа рассечена, перебита правая рука, осколочное ранение живота, повидимому, проникающее, и ранены обе ноги. Он лежал тихий, бледный, было до слез жаль его.

— Ну, медицина, — как всегда пришепетывая, сказал он невнятно: раненая губа мешала говорить. — Спасайте меня! Оперируйте. Делайте какие-нибудь уколы. Ну, что же вы? Или пришел конец Женьке Волковинскому?

Возле него находилась Анна Васильевна. В штольне не страшно; она уже пришла в себя и возилась с ним. Я ничего не могла делать, меня шатало от головокружения. В штольню ввели под руки лейтенанта Анохина — командира БЧ—2, артиллериста. Он все время был на палубе, руководил боем, сам стрелял, сам наводил орудие на пикирующих бомбардировщиков; на его глазах разнесло орудие со всеми людьми. Сейчас Анохин не в себе: у него безумные глаза, он громко кричит, плачет, смеется и все зовет своих погибших людей. Высокий, худой, с длинным лицом, он тяжело вырывается стремится вернуться на горящий корабль спасать кого-то. И он убежал, помчался к кораблю, но тут его догнали как раз в тот момент, когда он хотел прыгнуть в воду.

Не знаю, каким образом, но уже стало известно, что убита санитарка Морозова. Она работала в Новороссийске на трикотажной фабрике и пошла на корабль санитаркой, побуждаемая патриотизмом. Она должна была сама лично принять участие в войне, как она говорила. Незадолго до ее гибели новороссийская газета поместила о ней восторженную заметку, и Морозова с гордостью ее всем показывала. Она была уже на берегу, но вдруг вспомнила, что у нее в каюте остались личные вещи, вернулась на горящий корабль, и больше ее никто не встречал. Обгоревший труп ее видели краснофлотцы.

Погибла еще одна женщина — старший военфельдшер Полищук. Это была маленькая, пожилая женщина, до крайности сварливая и придирчивая. Сестры не любили ее за аккуратность, придирчивость, мнительность. Ей всюду мерещилась инфекция, и она постоянно заставляла их все перетирать, чистить и всегда придумывала какие-нибудь дезинфицирующие растворы. К стерилизации инструментов она относилась с благоговением. Ей все не верилось, что шприц и иглы кипели, она заставляла по два—три раза кипятить шприцы, если у нее являлось хоть малейшее сомнение в их стерильности.

Она была старшей сестрой корабельного лазарета и санчасти.Там была ванна с душем, в которой постоянно мылись

командиры, и она любила Анисимова за то, что он заставлял санитара два раза вымыть ванну, прежде чем сесть в нее, «Видно, что благородный человек», — с умилением говорила она.

С сестрами она постоянно ссорилась и ругала их в глаза и за глаза, а те звали ее «полищучкой». Раненых и больных Полищук любила до самозабвения, и никто не мог так понять больного и так во-время догадаться, что ему нужно и как лучше сделать, чем она.

Мы были с ней в приятельских отношениях. Она признавала меня за «человека», как она говорила, потому что у меня не было «романов» и я строга со всеми. Повидимому, она не любила женщин и относилась к ним довольно пренебрежительно, мужчина же был для нее чем-то вроде «высшего существа». Полищук часто навещала меня во время качки, когда я не в состоянии была приподнять с подушки голову, приносила мне соленые огурцы, уверяя, что от них проходит морская болезнь. Я иногда ела огурцы, что ее приводило в восторг.

Когда на борту бывали раненые, к ней в лазарет клали температурящих тяжело раненных и больных, и она не отходила от них, все время воюя с санитаром Кузьменко, который, по ее словам, был пьяница и ничего не стоящий человек, несмотря на то, что Кузьменко считался очень хорошим санитаром, правда, любящим выпить.

Когда он, случалось, выпивал, тогда ему было все равно. Он ложился спать, где придется: на полу, на диване, храпел, не снимал ботинок, что особенно возмущало Полищук.

— Прямо с грязными сапожищами на чистую постель, — с ужасом рассказывала она, а потом, когда Кузьменко просыпался и с виноватым видом говорил свое неизменное «виноват, выпил» и начинал все с остервенением драить, она нещадно «пилила» его, а он молчал и продолжал драить полы, стены, медные ручки, все, что попадало ему под руку.

Полищук, оказалось, с начала боя была в санчасти, и первую помощь нашим раненым оказала она. Во время пожара, который возник рядом с санчастью, она тоже не ушла и всех перевязывала вместе с Кузьменко. Потом ей сказали, что на верхней палубе лежит артиллерист с разбитой головой. Она схватила два бинта и бросилась к нему. Здесь ее и убило. Тело ее многие видели. Она лежала на спине с широко раскинутыми руками, и в каждой руке был крепко зажат бинт.

* * *

У меня болит голова, я шатаюсь, дрожу, как в лихорадке. Кто-то отводит меня в самый угол, я сажусь на свой чемоданчик среди ящиков с минами и снарядами, кладу голову на руки, и мне кажется, что я куда-то падаю, лечу и что меня вообще нет. Я ничего не сознаю.

В восемь часов прекратили дымовую завесу, а в девять часов погиб наш корабль. Но бой все еще продолжался, рвались снаряды, свистели бомбы, горела «Абхазия». Стоял дым. По Сухарной балке непрерывно били из орудий. Выйти наружу опасно. Очевидно, придется сидеть здесь до вечера. А потом?..

Я сижу, сжавшись в комочек, и сама себе кажусь маленькой, всеми забытой и никому не нужной. Здесь, в подземелье, сыро, холодно, душно. Я вся дрожу. Чья-то заботливая рука прикрыла меня бушлатом, и мужской голос шопотом сказал:

— Согрейтесь. Вам холодно.

Я даже не подняла головы.

Люди располагались где попало — на ящиках, на снарядах, на полу; садились кучками, жались друг к другу; возле меня разместилась группа наших девушек и краснофлотцев. Кто-то, вздохнув, тихо произнес:

— Нет нашей Полищучки! Кто же нас теперь ругать будет?

И сразу тихий женский голос запел вполголоса:

Чайка смело пролетела над седой волной,
Окунулась и вернулась, вьется надо мной...

Голос был слабый, сквернекький, и мотив звучал неправильно. Но тут же его подхватили несколько голосов и запели тихо, тихо с особенно грустным оттенком. Это была похоронная песнь нашей Полищук.

Она очень любила эту песню. Иногда она приходила в салон на корабле, где был рояль, и под аккомпанемент Ниночки Мачетадзе, провизора аптеки, пела «Чайку», причем складывала руки на животе, ногой отбивала такт и грустно тянула слова, выкрикивая на высоких нотах. Голос у нее был довольно сильный, но резкий и неприятный. Ей аплодировали, но за глаза смеялись над нею. А сейчас, вспомнив Полищук, запели ее любимую грустную песенку, и в ней прозвучали любовь и уважение к погибшему товарищу. И я невольно вспомнила Полищук. Эта низенькая, толстенькая женщина с

поседевшей головой и морщинистым лицом всегда на кого-нибудь ворчала, но глаза у нее при этом были добрые, ласковые, а голос, хотя и ворчливый, но добродушный.

Первое время она работала в главной перевязочной первого класса, где на шести перевязочных столах всегда кипела работа. Ни с одной сестрой Полищук не могла ужиться. Ее раздражало, что бинты не стираются, а выбрасываются за борт. Она ворчала, что не берегут народных денег, ходила по перевязочной и из ведер, куда сбрасывали грязные бинты, выбирала такие, которые, по ее мнению, можно было выстирать и еще раз пустить в дело, и она добилась в конце концов того, что бинты стали стирать. Она ворчала, что пыль в перевязочной вытиралась марлей и бинтами, а не тряпками. Старшая сестра перевязочной военфельдшер Нина Власова, тоненькая, худенькая женщина, похожая на воробышка, частенько из-за нее плакала.

В той же перевязочной санитаром работал Звягинцев, до войны окончивший агрономический техникум. Он был мужем Нины Власовой и наскакивал на Полищук, как петух, защищая Нину. От Полищук доставалось и ему. Начальник санслужбы военврач 3 ранга Рогозин просто не знал, что делать с Полищук, и однажды пожаловался мне. Тогда-то я посоветовала ему назначить Полищук старшей сестрой корабельного лазарета и санчасти корабля. С этого момента и началась наша коротенькая дружба.

Мы редко виделись, но иногда Полищук приходила ко мне в каюту, предварительно тихонько постучав в дверь. Я узнавала ее по стуку и всегда приветливо приглашала войти. Сначала, чуть приоткрыв дверь, она заглядывала в каюту — нет ли кого из посторонних. Если у меня кто-нибудь сидел, она скрывалась немедленно, и когда я выбегала за ней следом и просила зайти, она всегда отказывалась, убеждая меня, что негоже мне, врачу, вести компанию с простой фельдшерицей. Но зато если я бывала одна, она с удовольствием усаживалась на маленьком диванчике, поджимала свои коротенькие ножки и болтала.

Говорила она нескладно, часто заикалась и теряла нить своих рассказов. Она была одинокая, родных у нее не было. Однажды, сидя у меня на диване, она сказала, что считает несправедливым, что на такой корабль, как наш, берут людей семейных.

— Надо брать таких, как я. У меня никого нет, я одна на всем свете. Корабль наш погибнет, все потонут, и останутся сироты.

— А вы не боитесь, Полищук? — спросила я ее.

— Нет, — просто ответила она. — Не боюсь. Нисколько. Я не люблю, когда качает, меня тошнит. Я знаю, что я погибну и с корабля живой не сойду, поэтому я ничего не боюсь. И я никого не люблю. Люди гадкие. — И лицо у нее стало серьезным, вдумчивым.

— Не любите людей, — возразила я, — а за ранеными ухаживаете, как никто. Да еще выбираете самых тяжелых...

Действительно, когда к нам на борт поступали раненые, то Полищук ходила по кораблю и выискивала самых «несчастненьких». Особенным вниманием ее пользовались так называемые челюстные раненые, то-есть раненные в лицо, в верхние и нижние челюсти. Раны таких больных всегда распространяли вокруг себя такое зловоние, что не каждый мог их перевязывать. Я всегда звала ее к себе в отсек, когда мне попадались раненые такого рода, и она, бывало, часами просиживала с ними и кормила их с ложечки.

Полищук усмехается:

— Так то «несчастненькие». Их жалко.

Очевидно, у нее позади была тяжелая жизнь с тяжелыми разочарованиями, и она тянулась к простой дружеской ласке. Поэтому она приходила ко мне.

Однажды у нас из лазарета сбежал душевно-больной, бросился за борт и утонул. Получили мы этого больного в Севастополе, поместили в лазарет и наказали Полищук и Кузьменко следить за ним. У больного, очевидно, была мания преследования, потому что он пугливо озирался вокруг и все стремился убежать куда-то. Его привязали полотенцами к кровати. Из лазарета ни Полищук, ни Кузьменко не отлучались ни на минуту, но больных в крошечном корабельном лазарете на три койки было больше десяти, и, когда оба они на минуту отвлеклись от душевно-больного, последний каким-то образом освободился от полотенец, связывавших его, выбежал из лазарета и выбросился за борт. Полищук побежала за ним, успела схватить его за рубашку, но удержать не смогла. Несколько секунд она держала его висящим за бортом и громко звала на помощь. Душевнобольной дергался, от ее крика, вероятно, напугался еще больше, вырвался из рук звавшей на помощь Полищук и упал в море. Подбежавший Кузьменко увидел в руках Полищук кусок оторванной рубашки больного.

Дело было днем. Погода была довольно тихая; корабль шел со всей возможной для него скоростью, чтобы скорее уйти в безопасные воды.

Полищук с куском оторванной рубахи опрометью бросилась на мостик к командиру корабля, старшему лейтенанту Заикину, рассказала о случившемся и стала требовать, чтобы он остановил корабль, спустил шлюпку и велел спасти больного.

Заикин отказал. Рассказывали, что между ними был долгий спор. Заикин доказывал, что из-за «сумасшедшего» он не станет рисковать кораблем и людьми, что если бы даже сама Полищук упала за борт, то и тогда он не стал бы останавливать корабль и спасать ее, потому что ему надо до наступления темноты увести корабль в безопасные места, так как с минуты на минуту ждали налета вражеских самолетов и боялись встречи с недалеко шнырявшей немецкой подводной лодкой, а мы шли без конвоя.

Полищук упорствовала, плакала, настаивала. В конце концов Заикин рассердился и велел ей «убираться вон». Полищук долго не могла простить Заикину, что он не спас ее больного. И только в тыловом порту, сидя у меня на диване, вновь и вновь рассказывая мне о случившемся и карая себя, что на минуту отвернулась к рядом лежавшему больному и не уберегла душевно-больного, она успокоилась под влиянием моих увещеваний. И вдруг закончила этот эпизод следующим выводом:

— Он, наверное, был неблагородный человек. Какое он имел право бросаться за борт, зная, что он поручен людям, что за него отвечают. Нет, он неблагородный человек, и жалеть его не надо.

Я не стала перечить, чтобы не волновать ее. Больше она не говорила о нем, но она не забыла об этом случае.

Один раз, через три — четыре месяца после случившегося, когда мы стояли с ней у борта возле лазарета, она мне сказала:

— Вот здесь он выбросился, а я перегнулась через борт и держала его за рубашку,—и она показала мне, как она перегнулась. Ясно, что если бы она держала больного за руку, то она упала бы с ним вместе за борт. Ее счастье, что кусок рубашки оторвался и остался у нее в руках. Я указала ей на это.

— Ну, что же,—просто ответила она,—зато я не мучилась бы по ночам.

* * *

...Тихо звучала песенка «Чайки».

Бой продолжался. Иногда бомбы падали где-то совсем рядом, и тогда в подземелье нашем что-то звенело и качалась сама земля. В самой глубине штольни наши люди нашли целое богатство: груду домашних вещей, чемоданов, узлов, одеял, подушек. Люди бросились к ним, как к находке, стали раскрывать чемоданы, развязывать узлы. Наших раненых сразу уложили на найденные матрацы, подушки, укрыли одеялами. Кое-кто взял себе туфли, ботинки, кто-то взял кофточку. Ценность вещей относительна и условна. Все эти дорогие вещи остались лежать там же в углу, сейчас во время боя они не нужны были людям. Хотели есть, пить. Ни воды, ни еды не было.

Группа краснофлотцев, группа смельчаков, в том числе и Селенин из боцманской команды, отправилась на горевшую «Абхазию», лазила в буфет, на камбуз и принесла в штольню много банок консервов и немного хлеба. Делили все по-братски, по кусочку. Понесли в соседнюю штольню, где помещались раненые, ожидавшие эвакуации с нашей «Абхазией». Часть наших раненых была там же. Селенин лазил в свою каюту. Корабль наклонился на правый борт, моя каюта была с левого борта, поэтому она оказалась сверху и была только наполовину залита водой. Он пролез в нее через окно, достал мой летний новенький китель, который плавал сверху, две шелковых кофточки, трусы и несколько книг и тетрадей. Торжествующий, он принес все это в штольню и громко стал звать меня. Я слышала его голос, но ответить была не в силах. Кто-то указал ему меня. Он присел около на корточки и, возбужденный и весь мокрый, протянул мне мои вещи:

— Ведь это ваши вещи? Каюта была ваша. Четвертое окно от парадной двери. Я знаю. Я красил ваше окно в Поти и заглядывал в вашу каюту. Нате, берите. Это вещи с горящего потонувшего корабля.

Я была тронута. У меня были деньги, но я не предложила ему их. В такие минуты это было бы оскорбительно для человека. Я, кажется, даже не поблагодарила его, а спросила:

— Как же вы добрались до «Абхазии»? Как вскарабкались на нее? Ведь она горит.

— Горит, — с каким-то восторгом говорил Селенин.

Он сел возле меня прямо на землю, поджал под себя ноги и рассказал, как они прыгали в воду, как плавали, как карабкались на борт, лазили по горевшему кораблю.

— Ну, сказано — коробка, — горестно сказал он. — И горит, как коробка. А до чего жалко — и сказать не могу.

Его товарищи нашли еще трупы наших артиллеристов и одного санитара. Обшарили весь корабль, куда можно было зайти. Он называл фамилии людей, побывавших на корабле, но я не помню ни одной. Я вообще половины его рассказа не слышала, так звенело в ушах и болела голова. Селенин наклонился совсем к моему лицу и прошептал:

— Нас будут списывать по частям, так я пойду с вами. Хорошо? Наши думают, что всех отправят на Большую землю. А нас оставят здесь в Севастополе. Немцы уже на Северной стороне, прорвались.

— Посмотрим, — ответила я и снова впала в забытье.

Селенин принес мне кусок хлеба с консервами. Я не могла есть и положила его рядом с собой на ящик с минами. Селенин продрог и побежал куда-то сушиться.

Перед вечером меня нашел Ухов. Он устал, как-то осунулся и, казалось, даже постарел. Он присел рядом со мной, взял мои руки в свои и нежно гладил их.

Удивительный человек был Ухов. Он успокаивал всех, и каждого хотел приласкать, и каждому хотел услужить. Еще в середине мая он получил приказ из санотдела о том, что списывается с корабля и переводится в сансклад, который находился в это время в Новороссийске. До получения этого приказа Ухов часто мечтал вслух, как хорошо было бы сойти с корабля и не рисковать каждую минуту жизнью во время рейсов. Он мечтал об этом и, кажется, даже просил санотдел о списании на берег, но, получив приказ, дававший ему возможность покинуть корабль, он вдруг задумался и затосковал.

— Я не могу уйти с корабля, — говорил он, шагая по аптеке и куря свою неизменную настоящую морскую трубку. — Почему я должен уйти, а вы все останетесь?

Я пыталась его уговорить, что если он сойдет с корабля, то никто его в этом не упрекнет, ибо у него есть приказ санитарного отдела. У нас считалось позором стремиться на берег во время боевых походов корабля, и таких людей, очень немногочисленных, мы называли дезертирами.

— Ведь вы не дезертируете! Вы выполняете приказ. А если можно законно спасти свою жизнь, то почему этого не сделать? — уговаривала я Ухова.

— Дезертировать! — обрадовался Ухов. — Вот, вот хорошее слово. Если я сойду с корабля, а вы погибнете — я всю жизнь не прощу себе этого. Я себя презирать буду. Мне будет казаться, что я сбежал.

— Если бы я получила приказ, я бы сошла.

— А почему вы не сошли с корабля, когда вам предлагал Силинг? — вскочил Ухов.

Я замолчала. Действительно, в январе 1942 года у нас на корабле был начальник кадров санитарного отдела военврач 3 ранга Силинг. Ему сказали, что я подвержена морской болезни, очень страдаю во время хода корабля и с трудом работаю. Силинг предложил мне перейти в какую-то группу усиления в Севастополе. Я промолчала. Силинг дал мне одни сутки на раздумье. В самом деле, я очень страдала от качки. Цымбалюк и Бондаренко часто под руку водили меня в перевязочную.

Придут в каюту, возьмут меня и ведут, как тяжело больную. Я стою у стола, перевязываю и шатаюсь. Работаю, сколько хватает сил, потом не выдерживаю, и кто-нибудь из санитаров отводит меня в каюту. Я полежу немного, а потом опять в перевязочную. Но это было не всегда. При небольших качках я передвигалась сама, но страдала ужасно.

Меня все уговаривали сойти на берег. Но корабль — странная вещь. Почему-то он связывает всех людей воедино и почему-то вызывает у всех чувство любви и привязанности.

Например, когда, случалось, мы стояли в тыловом порту, и бывал воздушный налет на этот порт, и люди с кораблей были на берегу, и в городе объявлялась боевая воздушная тревога, все моряки, бывшие на берегу, опрометью бежали к своим кораблям. Когда я со своего корабля смотрела на берег и видела этих бегущих людей, перепрыгивающих через канавы и камни и даже заборы, я всегда им удивлялась, а между тем сама испытала такое же чувство — невозможно оставаться на берегу, когда корабль бомбят. И я сама два раза, несмотря на мой немолодой возраст, насколько хватало сил, бежала к своей «Абхазии»: один раз в Новороссийске, а другой раз в Поти.

И когда Силинг на другой день спросил меня, что я решила, я ответила:

— Если бы на корабле не было так страшно, если бы мы не рисковали своей жизнью во время каждого рейса и если бы я не так хотела уйти с корабля.—я бы сама вас просила списать меня на берег, но так как здесь очень страшно, то все подумают, что я испугалась и трушу. Решайте сами.

Силинг был удивлен. Я помню его удивленный, пристальный взгляд. Его многие осаждали просьбами списать их на берег.

— Оставайтесь на «Абхазии», — подумав, сказал он.— Здесь вы нужнее.

— Хорошо.

Меня называли после этого Дон-Кихотом. И первый Ухов. А потом в таком положении был он сам. И тоже остался на «Абхазии».

— Вместе воевали, вместе и погибать будем, — решил он. — А в санскладе всегда смогу пойти, там подождут. Я договорился. Там во мне особой нужды нет.

И вот Ухов сидел возле меня в штольне на Сухарной балке и вспоминал свои переживания.

— Ну, вот и свершилось, — тихо говорил он. — Мы все ждали этого дня. Недаром «Абхазию» называли счастливой. Она счастливей других: погибла у стенки, и у нас потерь меньше, чем у других.

* * *

Потопив «Абхазию», немецкие бомбардировщики набросились на эсминец, командиром которого был Петр Шевченко. Эсминец защищался героически. Он потерял половину своего состава убитыми и ранеными, и Шевченко, тоже раненный в правую ногу, до последней минуты был на мостике и командовал боем. А когда около четырех часов дня на эсминце возник пожар и он стал тонуть, два краснофлотца снесли сопротивляющегося Шевченко, еле живого от усталости и потери крови, в штольню.

Когда стемнело, нам предложили перейти в другую штольню, где были кровати, приготовленные для раненых. В эти штольни на Сухарной балке свозили раненых, чтобы эвакуировать их на Большую землю уцелевшими сантранспортами. Всегда ждали «Абхазию». Это был большой корабль и брал на борт много раненых, и все тут верили в его счастливую звезду. И вот, подите ж!

Стемнело. На Сухарной балке уже не стреляли, но бой шел где-то совсем недалеко. «Абхазия» еще горела. Невысокие языки пламени освещали берег вокруг нее, и море казалось золотым.

Я передвигалась с трудом: в одной руке у меня чемоданчик, в котором письма моих дочерей, кое-какие документы, бумаги и мелочь: нитки, ножницы, носовые платки, одеколон, а в другой руке вещи, спасенные с погибшего корабля.

Темно. Я шатаюсь и еле иду. У самой штольни (она третья, считая первой ту, где мы прятались) меня встретили мои санитары Цымбалюк и Цымбал.

— А мы тут волнуемось,—медленно и ласково заговорил Цымбалюк, отбирая у меня мою ношу и беря меня под руку.—Сказали, что вы ранены, потом сказали, что вы убиты,

и я бегал к Галкину. Тот сказал, что вы живы. Идемте, мы вам постельку приберегли и чайку оставили.

Оказалось, что Цымбалюк, Цымбал и Бабенко сразу же после моего ухода из отсека вывели всех раненых на палубу, услыхали приказ о том, чтобы всех раненых снять с корабля, благополучно свели и снесли наших раненых по хорошо еще действующему трапу на берег и сдали их в штольню № 2, где помещался эвакопункт. Они хотели пойти еще раз на корабль, но их вернули с полдороги, так как уже был приказ покинуть всем «Абхазию», и они пошли в третью штольню, где размещалась часть раненых из числа наших людей.

Цымбалюк сейчас же занялся хозяйственными делами: сбегал в штольню № 3, достал воды, даже чаю, кормил, носил «утки», в общем работал целый день, как обычно. От него не отставали и Бондаренко и Цымбал. Они, пожалуй, были единственными санитарами, которые без приказаний и напоминаний сразу приступили к работе. Попозже к ним присоединился Кузьменко, успевший, впрочем, выпить целый стакан спирту в санчасти корабля, когда Полищук побежала с двумя бинтами на верхнюю палубу перевязывать раненых.

Кузьменко, как только пришел в штольню, лег где-то в углу под кроватью и заснул. Отсутствовал он несколько часов; даже думали, что он погиб, но, выспавшись, он вылез из-под кровати и, никого не спрашивая, принялся за работу.

Меня уложили на кровать, дали чаю и бутерброд с консервами. Рядом со мною на соседней кровати лежала моя санитарка Зина. Она была ранена. У нее оказались множественные мелко-осколочные ранения обоих бедер. Кости не были повреждены. Она лежала на животе и тихо стонала. Я подсела к ней. Зина уткнулась лицом в подушку и тихо заплакала.

В этой штольне были кровати с матрацами и подушками; они стояли рядами, но их было немного. На них лежали и раненые, и уставшие, измученные люди нашего корабля. Свободных коек не было.

В это время в штольню вошел наш последний командир корабля Белуха Михаил Иванович. Это был коренастый, крепкий, невысокого роста блондин с широким, простым русским лицом, с серыми небольшими глазами почти без бровей. Он всегда был жизнерадостен, оживлен, часто смеялся заразительным смехом, много свободного времени проводил в каюте Мачитадзе, был хорошим собеседником, но не любил философии и возвышенных тем в разговорах, «душевных переживаний» не признавал, считая их глупостями.

— Все очень просто,—обычно говаривал он.

Команда его любила и уважала. Он был хорошим командиром, справедливым, хотя и грубоватым. От его сильной, широкой в плечах фигуры всегда веяло здоровьем и жизнерадостностью.

Сейчас я с трудом узнала Михаила Ивановича. Он шел, шатаясь, натыкаясь на кровати и табуретки, точно слепой. Руки его висели, как плети, голова свесилась вниз, губы подергивались.

Я встала ему навстречу, окликнула его, он не ответил мне. Я взяла его за руку, привела к моей койке. Он был в шинели, расстегнут, весь перепачкан грязью, руки его были до крови исцарапаны. Оказывается, он все время находился на мостике; даже тогда, когда сорвало его каюту и штурманскую рубку, он все еще оставался на своем посту.

С ним рядом был комиссар Карпов, и он-то силой стащил Белуху с корабля. Михаил Иванович не хотел покидать горевшей «Абхазии».

Когда я подвела его к кровати, он молча лег на спину, фуражка упала, он поднял руку, чтобы поднять ее, и вдруг заплакал. Крупные слезы медленно текли по его щекам. Он не утирал их, а только тяжело вздыхал, как ребенок. Я погладила его руку и сказала несколько успокоительных слов.

— Погибла «Абхазия», — негромко, с мукой произнес он: Не уберег я ее. Горит—смотреть страшно.

И этот славный человек, смеявшийся над «душевными переживаниями», лежал на постели и беспомощно, жалко плакал.

— Плачьте, плачьте,—сказала я ему.—Вам легче будет.

Тут меня позвали к нашим раненым. Кто-то со злобой произнес:

— И куда наши врачи пропали! Ни одного нет, а люди умирают.

И я занялась ранеными.

А. Франк

Девушка из санитарного поезда

(Рассказ)

Мнение участников собрания было единодушным: выдвинуть кандидатуру медсестры, младшего лейтенанта Елизаветы Ивановны Шаповаловой, в состав участковой избирательной комиссии. Фронтовичка. Имеет три правительственные награды. После демобилизации образцово работает в санатории. Общественница. Хороший, чуткий товарищ.

Лиза сидела, не шелохнувшись, опустив глаза, и густо краснела всякий раз, когда выступавшие расхваливали ее.

Председатель поставил вопрос на голосование. Постановление было единогласным.

Лиза попросила слова. Она твердым воинским шагом вышла к столу, маленькая, ладная девушка, в солдатских сапогах, во много раз стиранном, чистом форменном платье, на котором темнели следы погон. Схватив рукой угол стола, Лиза сказала:

— Товарищи, мои дорогие товарищи, сердечно благодарю вас за большое доверие. Я постараюсь оправдать его всеми своими силами, своим трудом.

Через две недели было опубликовано решение Исполкома Совета депутатов трудящихся. В числе других лучших людей Елизавета Ивановна Шаповалова утверждалась членом одной из участковых избирательных комиссий.

После первого заседания комиссии, на котором были распределены обязанности, председатель беседовал с каждым членом комиссии.

Председатель Кузьма Петрович Густов был старый партизан из моряков. У него с годами сложилась своя манера разговаривать с людьми.

Он внимательно оглядел Лизу и сказал:

— Так вот, товаришок. Ты человек молодой, но, видать, бывалый. Это, браток, задаром не дается. Это горбом и кровью добывается.

Он указал пальцем на ее ленточку наград, передохнул и продолжал:

— Все же ты должна понимать, что есть люди постарше тебя. Раз старше, значит опытней. А лучший опыт надо перенимать. Одним словом, слушай, что тебе старший товарищ говорит.

— Есть слушать, товарищ председатель, — откликнулась Лиза.

— Что тебе поручается? Тебе, как члену участковой избирательной комиссии, поручаются две точки: первое—обеспечить участие в выборах всех тех избирателей, которые по физическим недостаткам не могут самостоятельно придти голосовать. Второго нет, третьего нет. Тебе одно задание. Понятно?

— Понятно, товарищ председатель.

— Что ты должна сделать для выполнения задания? Первое. Ты должна самолично обойти участок и взять на учет всех этих избирателей. Конечно, я не говорю, что ты одновременно должна объяснить, когда выборы, какие у нас выборы, ты это и сама понимаешь. Второе, что ты должна сделать? Ты должна обеспечить транспорт в день выборов для доставки этих избирателей на участок, в твоем сопровождении, как медсестры. Третьего нет. Четвертого нет. Итого два дела. Как председатель обязуюсь, что «виллиса» у моего начальника в день выборов я выхлопочу. Но ты не радуйся, дорогая девушка, раньше времени. Я не допущу, чтобы на моем участке работала одна машина. Мне—пяток, ну, по крайней мере, тройку их надо. И чтобы «эмка» была и «ЗИС—101», потому—мягкие рессоры, плавный ход, удобные сиденья, что важно при перевозке больных. Понятно? Повторять не надо. Ты, я вижу, понятливая. Но в общем, хоть лоб расшиби, а сделай.

Он кончил свою длинную суровую речь лукавой усмешкой и тихо рассмеялся. От этого добродушного стариковского смеха Лизе стало тепло и по-родному уютно. Она поняла, кто такой Кузьма Петрович. Это человек большого сердца, настоящий человек. И Лизе стало радостно от того, что в ее маленькой двадцатилетней жизни встретился ей еще один хороший человек, что будет она работать с ним и чему-то доброму научится у него.

Она вскочила со стула, взметнула руку к берету и, широко улыбаясь, ответила:

— Есть лоб расшибить, а сделать, товарищ председатель.

Он отечески ласково, одобрительно взглянул на нее и сказал:

— А потом, дочка, я думаю, что тяжело больным избирателям мы такое облегчение сделаем: приедем к ним с походной урной. Только тут, браток, надо деликатно подойти. В такой праздник каждый инвалид захочет быть на миру, среди людей, посмотреть на убранство, увидеть знамена, лозунги, портреты в цветах и зелени. Тут надо тебе, как медику, с каждым договориться. Индивидуальный подход нужен. Сделаешь?

— Сделаю, Кузьма Петрович.

Участок оказался трудным. Несколько улиц в центре Лиза обошла за два—три дня. Но многие дома громоздились в горных переулках, на вершинах холмов, на отлете от дорог. И Лиза бодро вышагивала по всем этим путям и тропинкам в своем неизменном берете, серой шинели и солдатских сапогах. Входя во двор или приближаясь к дому, она прежде всего промеряла, пройдет ли автомашина, развернется ли Свои заключения она аккуратно заносила в памятную книжку. Она хорошо помнила указания Кузьмы Петровича о походной урне и записывала отдельно тех избирателей, к которым надо будет приехать. Кузьма Петрович как-то увидел блокнот, заинтересовался записями, перелистал и сказал:

— Ты, товаришок, женщина серьезная, хотя еще и молодая. По этим писулькам я, как председатель, могу проверить всю твою работу. Здесь у тебя вроде вахтенного журнала. Ну, что ж, молодец, дочка, действуй в пределах данных тебе полномочий.

День клонился к вечеру, когда Лиза в один из своих обходов подошла к маленькому домику, прижавшемуся к горе. Вокруг был разбит молодой фруктовый сад. Серели перекопанные грядки огорода. Желтели виноградные лозы. Заходящее солнце красило в багрянец стену стеклянной веранды.

Лиза взошла на крыльцо и постучала в дверь.

Ей открыла немолодая женщина, с густой прядью седых волос над левой бровью. Одной рукой она придерживала открытую дверь, а другой отворяла вход в комнату. «Входите, пожалуйста»,—услышала Лиза ласковый голос.

Вплотную к столу было придвинуто белое кресло, в котором сидел пожилой мужчина, одетый в военный китель тонкого сукна.

— Младший лейтенант Елизавета Шаповалова, член участковой избирательной комиссии, — отрекомендовалась Лиза.

— Полковник Неделковский, — коротко сказал хозяин.

Моя жена Мария Андреевна. Прошу садиться. Машенька, помоги, пожалуйста, товарищу раздеться. Да и чайку неплохо было бы выпить.

Через несколько минут Лиза переборола свою застенчивость. Она чувствовала себя в этой маленькой семье спокойно, уверенно и легко. Она рассказала о главной цели своего посещения и добавила:

— Я вижу,что здесь во мне не нуждаются. Транспортировать на участок в день выборов некого. И приезжать с урной тем более нечего.

— Пожалуй,—неопределенно сказал полковник.

Мария Андреевна непроизвольно метнула взгляд на Лизу, и девушка уловила в нем обжигающий упрек. Лиза ощутила какую-то неловкость. Воцарилось короткое молчание, которое тотчас же прервала жена полковника:

— Сережа, ты не зябнешь?

— Да, не мешало бы что-нибудь теплое накинуть на ноги.

Последнее слово он произнес с заметным ударением, в котором сквозила спокойная ирония. При этом полковник протянул руку под стол, и кресло вместе с ним откатилось к стене.

Девушка сразу поняла свою ошибку. Полковник сидел не в кресле, а в коляске для безногих.

Лиза окончательно смешалась и совсем по-детски залепетала:

— Простите, товарищ полковник. У вас... а я-я-я... такая дура, такая дубина!

— Что вы, товарищ младший лейтенант! Успокойтесь,— усмехнулся полковник.—Когда меня теперь спрашивают, что я делаю, то я отвечаю: развожу турусы на колесах. Этак я называю свой нынешний способ передвижения. А вы хотите это определение перенести в высокую сферу чувств и переживаний. Не стоит, товарищ младший лейтенант. Не в ногах счастье. Счастье в том, на что они употреблены, да с какой пользой. А мы и без ног проживем и кое-что нужное сделаем.

Вот видите, демобилизовали и из Москвы отправили на постоянное жительство сюда, в райский уголок, к морю, к солнцу и горам. Здесь подобрали домик, дали долгосрочный кредит на ремонт. Вот и живем.

А самое главное, что вам как члену участковой избирательной комиссии не безынтересно будет знать,—к началу февраля московское военное издательство обещало прислать корректуру моей небольшой книжки о тактике, с учетом опыта Отечественной войны.

Он говорил в том полушутливом тоне, которым сильные люди прикрывают то большое, серьезное, трудное, что выстрадано ими.

— А вот, товарищ Шаповалова, насчет транспортировки на участок в день выборов давайте посоветуемся. Уж больно далеко от нас расположен участок-то. Пожалуй, я на своей «малолитражке» не доберусь—на длинные расстояния пробегов не устраивал, все больше около дома.

— Не беспокойтесь, товарищ полковник. В день выборов за вами придет машина. Слово и дело! Транспортируем вас туда и обратно в полном порядке.

— Слово и дело. В полном порядке,—задумчиво и медленно повторил полковник и при этом долгим испытующим взглядом всматривался в Лизу.

— Вы сделаете, я в этом уверен. Мне пришлось видеть таких маленьких, упорных и цепких. Одна такая выволокла меня из-под огня на передовой и тащила на себе по самому пеклу. Так больше и не довелось с ней встретиться. А вторая из санитарного поезда. Был я в очень тяжелом состоянии. Донимала боль. Чувствовал я ее в пальцах ног, хотя хирург ампутировал обе ноги выше колен. Почти весь путь провел в беспамятстве. Но когда бы я ни очнулся, всегда я видел сестру, сидящую рядом. Даже лица как следует не запомнил, немного скуластое, немного курносое, но взгляд проникал в самую душу. Было в нем столько человеческого тепла, столько готовности помочь, что становилось легче. Посмотришь на нее, скажешь только: сестричка, и опять забудешься.

Смутно помню, как выносили меня из вагона, укладывали на машину. На свежем воздухе стало все отчетливей казаться. Была ночь. Кругом все было тихо. Станция затемнена, автомобильные фары закрашены. Стонут раненые. Я протянул руку, думал упереться в дно кузова — не достал, оказывается, уложили меня на кровать. Вдруг слышу женский голос: «Товарищ водитель, самый тихий ход, ни одного толчка». А в ответ мужской: «Так ведь он на койке, сама же гоняла в госпиталь машину, сама же выбирала кровать. А теперь опять: тихий ход, ни толчка. Да что я — первый раз вожу раненых?»

Потом кто-то забрался в кузов, поправил на мне одеяло. Я услышал легкий стук в кабину водителя, и мы поехали. Медленно, тихо, без толчков, без тряски. И все время рядом, в кузове, сидела сестричка.

В госпитальную палату меня внесли на той самой кровати, на которой я лежал в машине. Переносили три санитара и сестричка. Она командовала, маленькая, в берете со звездоч-

кой, в серой шинели и солдатских сапогах. Она заставила поместить койку у окна—оттуда вид на море. Устроила меня в госпитале, распрощалась, пожелала мне всего доброго и ушла. Когда она была уже у дверей, я почувствовал себя таким одиноким, меня снова обволокла такая боль, что я невольно простонал: сестричка! Она вернулась, и снова я увидел склонившееся надо мной лицо, от которого излучалось человеческое тепло. Я снял свои ручные часы, протянул ей и попросил: сестричка,возьми на память, не откажи.

Больше я ее не видел. Санитарный поезд изменил маршрут и больше в тот город не приходил. Я даже фамилии ее не знаю: сестричка и сестричка... Где она?

Лиза сидела не шелохнувшись, опустив глаза. Когда полковник кончил свой рассказ, она резко стала расстегивать левый рукав платья. Пальцы соскальзывали с петель. Она чуть не оборвала пуговицы. Одним движением она стянула с руки браслет с часами и молча протянула их через стол полковнику. Часы были большие, плоские, мужские.

— Сестричка! — закричал полковник. Он порывисто приподнялся в коляске, повис на руках и, будучи не в силах сдержать горький стон, опустился обратно на сиденье.

Девушка подошла к полковнику. Он крепко пожал ее руку и несколько раз повторил:

—Сестричка! Машенька, вот она, сестричка!

Маша положила обе руки на плечи Лизы и звонко поцеловала ее в лоб.

— Спасибо вам, родная, за все! — торопливо говорила Маша.—Вот и привелось встретиться, сестричка!

— Как же вы сюда попали? Заболели? — возбужденно говорил полковник.

— Да нет, я же здешняя. Демобилизовали, я и приехала домой, к папе. А папа умер от голода при немцах—старый, слабенький, а упрямый был, не хотел итти к ним работать. Вот и дома я, а дома нет. Одна. Работаю—это помогает забывать перенесенное горе.

— Как так — дома нет, как это — одна? — воскликнул полковник. — А мы — Маша и я? А этот дом? Да вы здесь самый родной и близкий человек. Мы вас теперь не отпустим. Слово и дело!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ОБ ЭЛЬТИГЕНСКОМ ДЕСАНТЕ

В боевых действиях Черноморского флота в годы Отечественной войны десантные операции занимают особое место. Как ни в каких других операциях, в десантах отразился активный дух черноморцев, их неудержимое стремление наброситься всей грудью на врага, изгнать его из родной земли.

«Малая земля», «Керченский пятачок», «Огненная земля»—это те общеизвестные названия небольших кусочков суши, которые путем внезапного появления и смелого боя были вырваны десантниками из рук врага. И большим уважением пользовались те воины, которые могли рассказать, как они воевали на Малой или Огненной земле...

Но даже среди десантников своим бесстрашием и полным презрением к смерти выделялись солдаты первого эшелона, «первого броска». Каждый первый бросок в десантах —это героическая эпопея, массовый коллективный подвиг. Черноморцы могут гордиться, что именно из их рядов выходили люди железной стойкости и легендарного мужества, давшие нашей родине целую плеяду бессмертных имен Героев Советского Союза.

Людям одной героической эпопеи, участникам «первого броска» и посвящен роман Арк. Первенцева «Огненная земля», вышедший отдельной книгой в Крымском областном издательстве.

«Огненная земля» — это историческое повествование о десанте в районе рабочего поселка Эльтиген, что южнее Керчи, проведенном в ночь на первое ноября 1943 года. В десанте действовали стрелковые части и батальон морской пехоты. Высадка на Эльтиген была исключительно трудной и особенно опасной операцией. Свирепствовал шторм. Казалось, что в узком Керченском проливе в эту ночь сошлись ветры и волны с обоих морей. Немцы хорошо знали, что

наши армии намерены высаживаться на Крымскую землю, и к этому подготовились. Захватить их врасплох было почти что невозможно.

Подготовка десанта, его высадка и бои на захваченном плацдарме составляют содержание трех частей романа Арк. Первенцева.

В центре романа — батальон морской пехоты капитана Николая Букреева. Исторически он соответствует батальону морской пехоты капитана Николая Белякова, который высаживался на Эльтиген в первом эшелоне. Под несколько измененными, а порой и собственными именами, в романе присутствуют многие бойцы и командиры батальона. Кроме них, очерчен и ряд других исторических личностей, которые в той или иной мере содействовали десанту.

С большой точностью и правдивостью воспроизводит автор исторические события. В романе любовно описаны детали огромного предприятия, каким является десант, тонко и с глубоким знанием передан многообразный, повседневный военный быт. Благодаря этому, реально ощущаешь условия проведения десанта и то нечеловеческое напряжение, которое пришлось выдержать его участникам. Устами одного персонажа Арк. Первенцев говорит: «Сейчас некоторые стараются легонько все представить, так сказать, на тормозах спустить». В противоположность этим лакировщикам автор смело раскрывает, с какими величайшими жертвами была достигнута победа над сильным и коварным врагом, каких огромных усилий потребовала война от людей воинского долга.

С наибольшим вниманием художник относится к людям десанта — бойцам и командирам батальона морской пехоты. Чтобы ярче изобразить их, он создает в романе дополнительную сюжетную завязку. Капитан Букреев — основной персонаж романа — приходит к прославленным морякам не будучи даже обстрелян; каким он покажет себя на поле боя, морякам еще не ясно. Это обстоятельство позволяет автору резче показать взаимоотношения и сущность изображаемых людей.

Пристально вглядывается Арк. Первенцев в облик героев «первого броска» на Эльтиген. Оно и понятно. Ведь в них заключены черты советского народа, народа, который победил фашистского зверя, спас мир от коричневой фашистской чумы.

Отдельными штрихами, пользуясь каждым поводом, воссоздает автор духовный портрет героев. Каковы же они,

эти люди, шагавшие в первых рядах? Какими принципами руководствуются они в боевой жизни, каковы мотивы их поведения?

Эти люди просты и будничны. От них не услышишь пышных фраз о своих чувствах. Но, как определяет Букреев своего замполита Батракова, это надежные люди. «С ним надежно», — думает Букреев, глядя на невысокого, совсем не воинственной внешности, Батракова. Надежно с ним, надежно с пулеметчиком Шуликом, с парторгом Линником, с лейтенантом Горленко, со всеми морскими пехотинцами.

В том деле, на какое шли десантники, «главное — уверенность в каждом... вернее —доверие к каждому». В этих людях можно было быть уверенным, они вызывали к себе доверие.

В другом месте автор говорил, что это «кристально ясные люди». Всем своим обликом они подтверждают и эту характеристику.

В тяжелой обстановке отступления из Керчи в мае1942 года «моряки были кристаллом, вокруг которого как бы собиралось все наиболее решительное, смелое, я бы сказал, безгранично смелое», — говорит Букрееву командир полка Степанов, тоже участник десанта. Эти слова подтверждаются и во время десанта. Как только где-нибудь возникает затруднение, туда немедленно перебрасываются моряки.

В первый день десанта Батраков вызывает к себе парторга и комсорга батальона, чтобы узнать, как держатся бойцы на других участках. Парторг сообщает, что моряки сражаются храбро. Автор приводит такой разговор:

«— Сказать о нашем моряке, что он сражается храбро, это все равно, что сказать о человеке, что у него две ноги, — произнес Батраков...

— Держатся, — добавил Линник.

— Продержатся до вечера?

— До вечера?—Линник поднял глаза, потом перевел их на солнце, стоявшее в зените. — До вечера удержатся. А вообще будут стоять до смерти».

О морских пехотинцах сказано, что они «ребята один к одному». Сказано не в том смысле, что они люди необычайной силы, хотя специально отбирались и по физическим признакам. Ребята они один к одному в смысле их душевной стойкости, несгибаемости, того, что выражается словами: «они не подкачают, не сдадут».

«Так надо вести себя в бою, чтобы уважали и любовались люди», — думает краснофлотец Горбань и идет по только что захваченному поселку, не сгибаясь и не прячась.

Герои Эльтигена презирают смерть и горячо любят жизнь. Только что закончилась пятнадцатая за эти сутки атака немцев. Бойцы, наконец, «могли оторвать руки от оружия». Выдался спокойный час. Капитан Букреев, отдыхая, в ночной тиши размышляет о жизни и смерти. «Нет, пусть бесконечно существует вселенная, мы благословляем нашу короткую жизнь», — думает он. И все потому, что он и такие, как он, живут не только для себя — они «для людей стараются».

Дело не только в том и не столько в том, какого калибра оружие, которым эти люди владеют. Дело «в калибре воли, в воспитании человека перед опасностью».

Получен приказ: «Высадиться, вцепиться и держаться... Держаться во что бы то ни стало». А для них приказ, чувство долга — выше всего. Чувство долга и ответственности. Перед ним отступает все, и в первую очередь естественный страх перед смертью. И тех, кто поддается страху, нарушает присягу (а в батальоне оказались единицы и таких), тех карают страшной карой сами моряки. Пощады тут быть не может.

Все эти черты характера, определяющего поведение людей десанта, своей основой покоятся на невидимом, но прочном фундаменте. Таким фундаментом является любовь к Советской Родине и ненависть к врагу-поработителю. Вот в чем пружина всех поступков этих людей, поступков, которые превращают их в героев. Советское государство и большевистская партия могут видеть в этих людях плоды своей длительной работы по воспитанию в нашем народе качеств, которыми обладают его лучшие люди — Ленин и Сталин.

Арк. Первенцев написал интересный роман о людях героической эльтигенской эпопеи.

Роман пользуется заслуженным успехом у советского читателя. Воспитательное значение этого исторического повествования велико.

Ал. РОМАНОВ

ОБ ОДНОМ ПОСПЕШНОМ ИЗДАНИИ

Историческая судьба Крымского полуострова тесно связана с историей России.

На Крымском полуострове обитали скифы, славяне — предки современного русского народа. Еще до образования Киевской Руси возникла связь русских с народами, населявшими Крым. Эта связь упрочилась с появлением первого русского государства—Киевской Руси. В течение нескольких веков

до монголо-татарского нашествия влияние русских на Крымском полуострове росло и крепло. Народы полуострова естественно тяготели к русскому народу, заселявшему огромные равнины материка.

На протяжении пяти столетий, с конца XIII по конец XVIII века, Русское государство вело напряженную борьбу с татарскими, а затем и с татаро-турецкими ордами, захватившими в частности и Крым. Только в конце XVIII века эта борьба закончилась полной победой России.

Началась новая страница истории Крыма.

Ф. Энгельс в письме к К. Марксу 23 мая 1851 года, оценивая этот факт, отметил, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Господство России играет прогрессивную роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XXI).

Это высказывание Ф. Энгельса является исходной позицией при исследовании вопросов истории Крыма XVIII века. Его надо иметь в виду и при оценке недавно вышедшей книги очерков И. Медведевой «Русская Таврида» (Крымиздат, Симферополь, 1946, стр. 116).

Очерки, включенные в книгу, неравноценны. Те из них, что основаны на русских литературно-художественных источниках, преимущественно фольклорного характера—былинах, сказаниях, песнях, являются лучшими в книге. Они представляют интерес для читателя, главным образом, тем, что знакомят его с содержанием мало известных литературных произведений.

Другие же очерки, в основе которых лежат различные исторические работы, страдают серьезными пробелами. Эти очерки носят следы поспешности и небрежности. Многие из них рассматривают исторические события извращенно, не с марксистской точки зрения.

Совершенно непонятно, из чего исходил автор, посвятив специальную главу «доблести» немецких генералов Ласси и фон Манштейна. В истории известно, что бездарный граф Ласси в 1738 году при взятии Перекопа из-за своей беспечности погубил свыше ста тысяч русских солдат. После короткого пребывания в крымских степях он вынужден был убраться из Крыма. Этим собственно он и прославил себя. Таким и следовало бы его показать, но не таким он выглядит в очерке т. Медведевой.

Еще больше поражает приписывание генералу фон Манштейну мнимых заслуг при завоевании Крыма.

В то же время автор не нашел места для описания похода русских войск под водительством генерал-поручика Леонтье-

ва. В 1735 году генерал Леонтьев, воспользовавшись тем, что войска крымского хана находились в Дагестане, малыми силами вторгся в Крым, освободил большое число русских военнопленных и рабов и на несколько лет отбил охоту у татар заниматься разбоем и грабежом.

Неверная картина состояния Крыма под владычеством Турции нарисована автором в главе «Вассалы Турции». Автору следовало бы показать низкий уровень экономики и культуры деспотической султанской Турции и роль ее эмиссаров в Крыму. Крым являлся для Турции колонией. Султанские эмиссары сажали на кол и рубили головы своим противникам, огнем и мечом вводили свои порядки. При турках рабовладельчество и работорговля получили еще большее распространение. Этому вопросу т. Медведева уделяет несколько строчек, хотя в русской и иностранной литературе вопрос о работорговле в Крыму освещался весьма подробно. О работорговле рассказано в книге «Трактат о торговле на Черном море» французского консула при Крымском хане Г. де-Пэнсонеля. И. Медведева ссылается на этого автора по второстепенным вопросам. А между тем использование этой книги позволило бы глубоко и правдиво осветить состояние Крыма под турецко-татарским владычеством.

Одним из крупных недостатков книги является бессистемность очерков. Понравилась автору биография Румянцева, — и она посвящает ему несколько страниц, хотя в данной книге было бы уместнее осветить подробности биографии Потемкина-Таврического, деятеля, доведшего до конца дело присоединения Крыма к России.

Печать небрежности видна на всей работе. Главы не увязаны между собой. Внутри глав отсутствует хронологическая последовательность. Книга не убеждает читателя в достоверности сообщаемых в ней фактов потому, что автор одинаково легко относится к литературно-художественным произведениям и к историческим исследованиям и фактам. Весьма серьезную историческую проблему, как доказательство, что Таврида — русская страна, что Крым — искони русская земля, автор не подкрепил ни документальными материалами, ни данными археологических экспедиций и раскопок, ни перечнем населенных пунктов, ни исследованиями происхождения сохранившихся церквей, монастырей, кладбищ в районах, где некогда проживали русские люди.

Главный недостаток рецензируемой книги заключается в том, что автор не сумел поднять важные исторические вопросы на должную принципиальную высоту. Тов. Медведева совершенно аполитично излагает самые острые политические

события и проблемы истории Крыма. Касаясь периода присоединения Крыма к России, автор постарался сохранить полнейший «нейтралитет». В очерках нет политической оценки этому важнейшему политическому событию.

Удивляет также и то обстоятельство, что в книге о «Русской Тавриде» не нашлось места, чтобы показать благотворную роль русской культуры в Крыму в конце XVIII века, ее прогрессивное влияние на местную экономику и культуру. Неправильно было обрывать очерки на событиях 1783 года. Надо было дать им оценку, показать их влияние и этим закончить первую книгу очерков.

Общеизвестно, что с устранением турецкого владычества после присоединения Крыма к России многое в Крыму изменилось коренным образом. Именно эти перемены и имел в виду Ф. Энгельс, когда указывал на цивилизующую роль России для Черного и Каспийского морей, для башкир и татар. В крымских степях исчезли кочевники с их юртами, кочевники-ногайцы получили оседлость. Прекратились разбойничьи набеги на русские и украинские селения. Были искоренены работорговля и рабовладение. Появились новые дома, колодцы, новый быт. Татарам прививался вкус к земледелию, огородничеству, которого они не знали до прихода русских. Об этом нет ни слова в очерках И. Медведевой.

Таков далеко не полный перечень недостатков и ошибок книги очерков И. Медведевой. Поспешное издание этой небрежно составленной книги ничем не оправдываемо.

Впрочем, сам автор очерков не очень высокого мнения о своем труде. В предисловии к своей книге т. Медведева пишет, что «в этих очерках даны лишь **наброски** тех образов и сюжетов, которые **запечатлелись,** как наиболее характерные при чтении исследований»...

Крымское издательство выпустило недоброкачественную книгу на историческую тему, построенную на личных впечатлениях, возникших у автора при чтении некоторых исследований, посвященных Крыму. Эта книга очерков по истории Крыма, явно компилятивного происхождения, была спешно издана без предварительного обсуждения ее среди научных работников исторического факультета педагогического института, Крымского музея, преподавателей истории. А обсуждение очерков в рукописи помогло бы автору устранить ряд неверных утверждений и способствовало бы рождению новой интересной книги.

Б. ВОЛЬФСОН,
кандидат исторических наук.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ КОЛХОЗНИКОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

В 1944 году, вскоре после освобождения Крыма от немецких оккупантов, сюда прибыли новые хозяева области — тысячи колхозников-переселенцев из Кубани, Ростовской, Курской, Орловской, Брянской и других областей нашей страны. Все они приехали с горячим желанием восстановить сельское хозяйство Крыма и поселиться навечно в благодатном южном крае.

Подавляющее большинство этих людей никогда не занималось возделыванием таких культур, как виноград, табак, никогда не выращивало нежных и тонких по вкусу южных яблок, груш, персиков, слив и других плодов, не возделывало мускатного шалфея, лаванды и крымской розы. Да и выращивание овощей, картофеля и злаков в Крыму имеет свои особенности.

Трудности увеличивались еще тем, что сады, виноградники и табачные поля за время Отечественной войны и немецкой оккупации не обрабатывались, одичали и заросли сорняками, деревни были опустошены, и артельное хозяйство разграблено. Люди, которые могли бы оказать колхозникам практическую помощь, были еще заняты на фронте, специальной же литературы никакой не было.

Идя навстречу нуждам колхозников-переселенцев, Крымское областное издательство начало выпускать популярную сельскохозяйственную литературу. Был издан справочник по борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур и еще несколько других книг.

Наиболее широко в этом направлении издательство развернуло свою деятельность в 1946 году. За 8 месяцев оно выпустило только по вопросам садоводства, табаководства и плодоводства 12 различных брошюр. Любознательный колхозник при желании может составить из них небольшую библиотечку по важнейшим культурам Крыма.

Следует отметить, что большинство научно-исследовательских организаций и крупнейших специалистов Крыма откликнулись на предложение Обкома ВКП(б) принять участие в издании популярной сельскохозяйственной литературы для колхозников-переселенцев, предложили тематику и стали работать над различными темами.

Судя по первым результатам, наибольшую активность проявили в этом деле Всесоюзный научно-исследовательский институт виноделия и виноградарства «Магарач», Государственный Никитский ботанический сад им. В. М. Молотова, Крымский научно-исследовательский институт защиты растений, Крымский сельскохозяйственный институт, а из хозяйственных организаций—Крымский трест Главтабаксырье. К сожалению, никакого участия в подготовке литературы не приняли зональные станции по табаку и махорке, по лекарственным и техническим культурам, по овощам и Зональная станция по плодоягодным культурам в Топлах. А они могли бы предложить очень нужные и интересные для колхозников темы.

Каково же качество уже выпущенной литературы, какие в ней имеются недостатки, которые желательно было бы в будущем избежать, учитывая, что это только начало большого и полезного дела?

Начнем с виноградарства. Виноград—важнейшая культура Крыма. Тысячи гектаров этой культуры произрастают в основных переселенческих колхозах. Учитывая потребности колхозников, нужно было дать такие книги, которые бы рассказали о значении этой культуры в Крыму, об обработке и удобрении, об обрезке и уходе за виноградниками, о борьбе с вредителями и болезнями, о реализации урожая и об основах виноделия, ибо часть винограда непосредственно в колхозах перерабатывается на вино. Вот что требовалось в первую очередь. К сожалению, из четырех книг, выпущенных из печати, только книга проф. Чефранова «Обработка почвы и удобрение виноградников Крыма» отвечает этим целям. Остальные тоже нужны, но они не отвечают требованиям первоочередности. Это говорит о том, что работники «Магарача» не совсем правильно поняли указания Крымского обкома ВКП(б) о помощи колхозникам-переселенцам и, воспользовавшись литературным голодом, дали не то, что нужно в первую очередь, а то, что у них было давно готово и написано.

О книге проф. Чефранова нужно сказать, что книга эта — очень хорошая, она наиболее полно, на основе последних научных данных и в то же время достаточно популярно излагает основы обработки почвы и удобрения виноградников. Особенная ценность ее заключается в том, что эти агротехнические мероприятия даны отдельно по всем трем географическим районам области в строгой последовательности; приведены необходимые таблицы, и рассказана методика пользования ими. Книга издана в ялтинской типографии с любовью и высоким качеством.

Книга проф. Чефранова — ценный вклад в серию популярной литературы о сельском хозяйстве Крыма.

Единственным ее недостатком является то, что в ней не приведены примеры из нашей крымской колхозной действительности. Это оживило бы книгу и придало бы ей большую оригинальность и интерес.

Проф. Чефрановым написана также брошюра в один печатный лист на очень нужную тему — о повышении плодородия почв на виноградниках Южного берега Крыма. К сожалению, в отличие от предыдущей, эта брошюра написана сухим, канцелярским языком и совершенно не подкреплена примерами, хотя на Южном берегу, где расположены виноградники винкомбината «Массандра», Никитского ботанического сада им. В. М. Молотова и десятков колхозов, было немало примеров для подкрепления доводов проф. Чефранова. Можно было бы с успехом занять для этого те шесть страничек, которые отведены в конце этой книги статье тов. Кутепова — «Влияние температуры воздуха на сахаристость винограда». Эта статья никакого отношения к основной теме не имеет, может заинтересовать только узкие научные круги, да и сама тема требует, как пишет автор, еще дальнейших исследований.

После первой работы проф. Чефранова эту брошюру издавать совершенно не нужно было.

Хорошую и полезную брошюру написал кандидат сельскохозяйственных наук В. Н. Чигрин—«Реконструкция виноградников укладкой сплошных отводок кустом».

Реконструкция виноградников по этому оправдавшему себя методу имеет огромную перспективу. Книга т. Чигрина является фактически первым печатным практическим руководством по этому вопросу. Она написана простым и популярным языком, очень последовательно излагает материал, обогащена большим количеством схем и рисунков. Внимательно изучив эту книгу, даже малоопытный колхозник сможет самостоятельно произвести укладку куста.

Ее недостаток, как и предыдущих — отсутствие примеров из жизни. Между тем колхозы и совхозы Крыма в свое время являлись инициаторами этого метода реконструкции старых виноградников, и жизненных примеров у них более чем достаточно.

Значительным вкладом в современную сельскохозяйственную литературу Крыма было переиздание брошюры старейшего виноградаря нашей области А. А. Иванова «Разведение винограда около домов». В свое время эта книга принесла не малую пользу как для крестьян, так и для рабочих

и служащих, проживающих в городах и поселках. Очень многие, прочитав эту книгу, развели около своих домиков виноградные беседки. Можно только сожалеть, что редакторы этой брошюры т.т. Крупеников и Куликов не обогатили ее теми же жизненными примерами, не указали, где и у кого имеются такие образцовые насаждения и что они практически дают их хозяевам — любителям разведения винограда около домов. С таким дополнением эта книга представляла бы еще большую ценность.

Книга издана грязно и неряшливо, имеет бледную, безвкусно сделанную обложку. Нижняя часть книги косо обрезана. К сожалению, такая техника издания в симферопольской типографии — явление довольно частое.

Вызывает удивление тираж этих изданий. В то время, как брошюра проф. Чефранова о повышении плодородия почв, предназначенная только для виноградарских колхозов Южного берега Крыма, издана в количестве 5000 экземпляров, книга А. А. Иванова, рассчитанная на широкие массы колхозников, рабочих и служащих городов и поселков всего Крыма, издана только в количестве 3000 экземпляров. Неудивительно, что при такой тиражной системе через две недели после издания книга т. Иванова стала библиографической редкостью. Говорят, нет худа без добра. Можно надеяться, что при третьем издании этой брошюры ее редакторы и издательство учтут указанные выше недостатки и выпустят книгу А. А. Иванова более внимательно.

Не менее, чем виноград, важной отраслью сельского хозяйства в Крыму является плодоводство. На эту тему Крымское издательство выпустило шесть брошюр, причем пять из них посвящены абрикосам, персикам, орехам и приусадебному садоводству и только одна—основным промышленным садам Крыма, в которых произрастают яблоки и груши.

Брошюра на эту тему под названием «Плодоводство Крыма» написана маститым плодоводом, проф. Крымского сельскохозяйственного института В. А. Колесниковым. Судя по ее размерам в 2,5 печатных листа, она предназначалась для колхозников, мало знакомых и с садами области, и с методом и техникой их обработки.

К сожалению, содержание брошюры совершенно не соответствует ее громкому названию. В действительности только на первых страницах автор знакомит читателя с историческим и экономическим состоянием крымского садоводства, а затем содержание книги в основном посвящается вопросу ремонта и возобновления плодовых насаждений.

Книгу так и надо было назвать: «Ремонт и возобновление садов», тогда она отвечала бы своему содержанию.

Дав такое обязывающее название и желая, очевидно, оправдать его, автор половину брошюры посвятил общим вопросам и затем, очевидно, спохватившись, что по этому вопросу написал слишком много, перешел к основной теме. Но и здесь много случайностей в разработке темы. Так, например, вопросам биологии он посвятил более трех страниц, а вопросам самого ремонта и, в частности, обрезке только... 9 строчек; перепрививке, которая практически никогда не делается, уделено почти 6 страниц.

Автор определенно не справился с темой, написал книгу бессистемно и бесплановo. Такую, и даже лучшую книгу, мог бы написать рядовой специалист. Для этого было бы достаточно взять в учебнике историческую справку, данные о крымском плодоводстве в Облзо и имеющиеся в любом практическом руководстве главы о ремонте сада. По книге видно, что т. Колесников нужды колхозников в такой литературе не знает.

Нашей области действительно необходима популярная книга о плодоводстве Крыма, и хочется верить, что проф. Колесников такую книгу напишет.

Хорошую и нужную книгу написал ассистент кафедры плодоводства Крымского сельскохозяйственного института Д. Я. Комар «Приусадебное плодоводство в Крыму». Книга служит практическим руководством для начинающих садоводов и значительно восполняет имеющуюся у нас нужду в такого рода литературе. Книга хорошо иллюстрирована и издана удовлетворительно. Следует лишь отметить, что автор немного увлекся общими вопросами агротехники, упустив из виду, что речь идет о приусадебном садоводстве, где у колхозника или служащего не более 15—20 деревьев, да еще и огород, так что мульчированием почвы ему заниматься не придется, точно так же, как и всеми существующими в промышленном саду способами полива — кольцевым, канавами, бороздами и т. д. Лучше бы это место автор занял кратким описанием некоторых важнейших сортов плодовых деревьев или дал бы краткое описание методики борьбы с главнейшими вредителями сада. И снова совершенно непонятно, почему издательство выпустило такую, нужную буквально каждому жителю города и деревни, книгу всего в количестве 3000 экземпляров.

Кандидат сельскохозяйственных наук И. Н. Рябов, известный в Крыму специалист по косточковым культурам, в частности по персикам, написал брошюру «Обрезка персиков в засушливых районах».

Персик в Крыму — чрезвычайно ценная и перспективная культура. Очень важно, что из всех видов плодовых деревьев персик раньше всех вступает в пору плодоношения. Садоводы Крыма ждали, что т. Рябов напишет о значении персиков в Крыму, о необходимости более широкого развития этой культуры, даст полную картину агротехнических мероприятий. Между тем, тов. Рябов ограничился только темой обрезки, то-есть той темой, какая у него уже была давно готова и однажды опубликована. Сама же брошюра написана доступным и понятным языком и достаточно иллюстрирована.

Гораздо полней написана книга кандидата сельскохозяйственных наук К. Ф. Костиной «Абрикос в Крыму». По книге чувствуется, что автор влюблен в эту культуру и написал брошюру специально для колхозников-переселенцев. «Абрикос в Крыму» К. Ф. Костиной—ценный вклад в сельскохозяйственную литературу нашей области.

Дополняет чрезвычайно бедную в Крыму литературу о культуре абрикоса книга кандидата сельскохозяйственных наук С. Н. Югановой «Серая гниль абрикоса (монилия) и меры борьбы с ней». Хотя книга издана массовым тиражом для колхозников-переселенцев, но в действительности она не популярна и скорее предназначена для узкого круга специалистов.

В качестве общего вывода следует сказать, что ценное начинание Крымского областного издательства дает положительные результаты. Колхозники-переселенцы получают серию брошюр, которая окажет им большую практическую помощь. Однако издательству надо учитывать, что не все материалы, предлагаемые авторами, достойны опубликования. Издательство должно также обращать больше внимания на техническое оформление книг и, определяя их тираж, правильно учитывать потребности в той или иной теме.

При соблюдении этих условий литература для колхозников-переселенцев станет еще более заметным вкладом в дело организационно-хозяйственного укрепления переселенческих колхозов.

Н. ГОРНЫЙ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Книги, выпущенные Крымским областным издательством.

Проф. П. А. Смирнов. Нервные болезни, их профилактика и лечение. Стр. 34, тираж 5 тыс. экз., цена 2 руб.

В брошюре описывается клиника невроза, функционирование нервной системы, профилактика и современные способы и методы лечения неврозов.

Проф. М. П. Чумаков. Крымская геморрагическая лихорадка. В помощь врачу. Стр. 26, тираж 2 тыс. экз., цена 1 руб.

Брошюра содержит краткие сведения об остром инфекционном капилляро-токсикозе, о диференцированном диагнозе, о профилактике и методах лечения.

Проф. Н. Н. Пятницкий. Травматические невриты военного времени. Стр. 101, тираж 3 тыс. экз., цена 8 руб.

Книга написана на основании клинических исследований и опытов, проведенных при лечении раненых бойцов в госпиталях в период Отечественной войны, а также опытов лечения раненых бойцов в финской кампании 1940 года в госкурорте Саки.

Крымский государственный медицинский институт им. И. В. Сталина. Программа юбилейной научной сессии Крыммединститута, посвященной XX-летию деятельности института. Стр. 96, тираж 400 экз.

Тезисы научных докладов юбилейной научной сессии.

Крымский областной дом народного творчества. Эстрадный сборник. В помощь кружкам художественной самодеятельности. Стр. 62, тираж 5 тыс. экз., цена 1 р. 50 коп.

В сборник вошли песни и частушки Исаковского, Твардовского, Сафронова, Лебедева-Кумача, Прокофьева, Тобольского. Дыховичного и небольшие отдельные рассказы писателей, а также эстрадный монолог и две комедии.

К. Д. Ушинский. Избранные педагогические высказывания. Со вступительной статьей кандидата педагогических наук, доцента **И. Я. Шпильберг.** Стр. 143, тираж 5 тыс. экз., цена 8 руб.

Г. Сорокин. Вечный берег. Очерк о жизни Героя Советского Союза Н. А. Токарева, участника боев за Крым. Стр. 86, тираж 5 тыс. экз., цена 2 р. 50 коп.

Н. Шагурин. Морские сказки. Стр. 100, тираж 5 тыс. экз., цена 6 руб.

И. Всеволожский. Зеленая стрела. Повесть для детей среднего и старшего возраста. 2-е издание. Стр. 81, тираж 5 тыс. экз., цена 3 руб.

О. Бонгард. Комбайн на колхозных полях. Стр. 105, тираж 5 тыс. экз., 5 руб.

Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19/IX-1946 г. О мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели в колхозах. Стр. 18, тираж 10 тыс. экз., цена 30 коп.

И. Н. Рябов, кандидат сельскохозяйственных наук. Обрезка персиков в засушливых районах. Стр. 30, тираж 5 тыс. экз., цена 1 руб.

В брошюре изложены общие основные правила обрезки персиковых деревьев и приведено 12 рисунков.

Д. Я. Комар. Приусадебное садоводство в Крыму. Практическое руководство для начинающих садоводов, под общей редакцией проф. В. А. Колесникова. Стр. 63, тираж 3 тыс. экз., цена 1 руб. 50 коп.

А. П. Чефранов. Повышение плодородия почв на виноградниках южного берега Крыма. Стр. 33, тираж 5 тыс. экз., цена 1 руб.

К. Ф. Костина, кандидат сельскохозяйственных наук. Абрикосы в Крыму. Под редакцией проф. В. А. Колесникова. Стр. 65, тираж 3 тыс. экз., цена 1 руб.

О. Н. Юганова, кандидат сельскохозяйственных наук. Серая гниль абрикоса (монилия) и меры борьбы с ней. Стр. 71, тираж 5 тыс. экз., цена 1 руб.

Проф. В. А. Колесников. Плодоводство Крыма. Стр. 38, тираж 5 тыс. экз., цена 3 руб.

Проф. В. А. Колесников. Агроуказания по культуре грецкого ореха и фундука в Крыму. Стр. 30, тираж 5 тыс. экз., цена 2 руб.

А. Ф. Пустовойт, кандидат сельскохозяйственных наук. Мыши и суслики—опаснейшие враги полей. Стр. 40, тираж 5 тыс. экз., цена 2 руб.

Крымский трест Главтабаксырье. Первичная обработка табака Стр. 55, тираж 5 тыс. экз., цена 1 р. 50 коп.

Всесоюзный научно-исследовательский институт виноделия и виноградарства. Первое Всесоюзное совещание виноградарей-селекционеров 22—27 июня 1946 года. Тезисы докладов. Стр. 15, тираж 200 экз., бесплатно.

Народный комиссариат земледелия Союза ССР. Главное ветуправление. Инструкция по борьбе с чумой птиц. (Взамен инструкций по борьбе с чумой птиц НКЗ СССР от 5 VII-44 г.). Стр. 14, тираж 200 экз., бесплатно.

Министерство животноводства РСФСР. Управление животноводства Крымской области. Памятка по выращиванию цыплят на птицефермах. Стр. 15, тираж 10 тыс. экз., цена 50 коп.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Стр.

Р. Вуль. Герои обороны Севастополя 3
П. Надинский. Крымские страницы в биографии Суворова 19

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

В Крымском обкоме ВКП(б) 40
И. Рябов, кандидат сельскохозяйственных наук. Косточковые культуры в Крыму 44
В. Сергеенко, зам. директора по научной части Крымской плодоягодной станции. Способы ликвидации периодичности в плодоношении садов 52
И. Нуждин, кандидат сельскохозяйственных наук. Орошение в Крымских садах 59
М. Пенюгалов, доцент Крымского сельскохозяйственного института. Запасы энергии ветра в Крыму и их использование 70
М. Русаков, кандидат технических наук. Курортные богатства восточного берега Крыма 81
П. Дубровский, кандидат технических наук. Причины оползней на южном берегу и меры борьбы с ними 94

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

П. Павленко. В колхозе (Глава из романа „Счастье“) . 99
О. Джигурда. Гибель „Абхазии“. (Из записок военного врача) 106
А. Франк. Девушка из санитарного поезда (Рассказ) 137

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Романов. Исторический роман об Эльтигенском десанте 146
Б. Вольфсон. Об одном поспешном издании 150
Н. Горный. Литература для колхозников-переселенцев

КНИЖНАЯ ПОЛКА 156